

ЖУРНАЛ 2013

'4 (67)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский
(председатель)
Владимир Астапенко
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Юрий Бровка
Алексей Данильченко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Сергей Солодовников
Олег Старовойтов
Александр Шарapo

**Редактор английского
текста:**
Татьяна Караичева

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Набор, верстка:
Наталья Лукьяненко

Наш адрес:
Беларусь, 220072, Минск,
ул. Академическая, 25, к. 406
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследова-
тельским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Концепция «Ответственность за защиту»: ана-
лиз и правовая оценка *Л. В. Павлова* **3**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Прогрессивные механизмы оспаривания прав
на Европейский патент с унитарным эффектом *Е. Б. Леанович,
М. А. Жуков* **9**

Коллизионные привязки в брачно-семейной
сфере: новые подходы в законодательстве
стран СНГ *Н. С. Анцух* **1 3**

Автономия воли: теории о правовой природе *С. С.-М. Каримов* **1 7**

Императивные нормы антимонопольного за-
конодательства Европейского союза, ограни-
чивающие применение коллизионного метода
регулирующего международного агентского до-
говора, дистрибьюторского договора и догово-
ра франчайзинга: опыт для Беларуси *Ю. С. Борель* **2 2**

Закрепление режимов инвестиций в соглаше-
ниях о поощрении и взаимной защите инвести-
ций Республики Беларусь *А. И. Шумский* **2 9**

Уничтожение под таможенным контролем
как наиболее эффективный способ борьбы
с контрафактом *Е. Н. Иванова* **3 4**

МНЕНИЕ

Методологические ориентиры становления но-
вой политико-правовой концепции Организа-
ции Объединенных Наций «Ответственность
за защиту» *Л. Ф. Евменов* **4 2**

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Заключение Исполнительного комитета УВКБ
ООН № 111 (LXIV) — 2013 о регистрации актов
гражданского состояния **4 7**

международные отношения

Развіццё беларуска-літоўскіх адносін у 2000-я гг. *А. А. Валодзькін* **4 9**

Формирование договорно-правовой базы бе-
лорусско-турецких отношений (1992—2012 гг.) *Е. А. Рупакова* **5 7**

Развитие энергетического диалога Российской
Федерации и Европейского союза *И. М. Махнач* **6 3**

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Рекомендации по вопросу международной за-
щиты относительно лиц, покидающих Сирий-
скую Арабскую Республику (Редакция II) **7 1**

международные экономические отношения

Миграция человеческих ресурсов как фактор
социально-экономического развития страны *В. С. Загорец,
И. В. Загорец* **8 2**

Эволюция концепции внешнеэкономической
политики Республики Корея в докризисный пе-
риод (1945—1997 гг.) *О Док Хи* **9 2**

JOURNAL 2013

'4 (67)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editoring Board:
Victor Shadurski
(chairman)
Vladimir Astapenko
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Yury Brovka
Alexey Danilchenko
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Sergey Solodovnikov
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo

English Text Editor:
Tatiana Karaicheva

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

Type-setting, Layout:
Natalia Lukyanenko

Our address:
International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
25, Akademicheskaya str., r. 406,
Minsk, 220072, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:
 International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

HUMAN RIGHTS

The Concept «Responsibility to Protect»: Analysis
and Legal Evaluation..... *Ludmila Pavlova* **3**

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Progressive Mechanisms of the Disputation of the
Right to the European Patent with Unitary Effect..... *Elena Leanovich,
Maksim Zhukov* **9**

Adherences in the Family Law Sphere: New
Approaches in the National Legislation of the CIS
Countries..... *Natalia Antsukh* **1** 3

The Will Autonomy: Theories on the Legal Nature..... *Sukhrob Karimov* **1** 7

Peremptory Norms of Antitrust Law of the
European Union, Restricting Collision Technique
Application in Regulation of International
Agency, Distribution and Franchise Agreements:
Belarusian Experience..... *Yuliya Barel* **2** 2

Maintenance of the Investment Regime in
Agreements on Promotion and Mutual Protection
of Investments of the Republic of Belarus..... *Artur Shumsky* **2** 9

Destruction Under the Customs Control as the
Most Effective Way to Combat Counterfeit..... *Elena Ivanova* **3** 4

OPINION

Methodological Guidelines in Formation of a New
Political and Legal Concept of the United Nations
«Responsibility to Protect»..... *Leonid Evmenov* **4** 2

DOCUMENTS AND MATERIALS

UNHCR Executive Committee Conclusion on Civil
Registration (N 111 (LXIV) — 2013)..... **4** 7

INTERNATIONAL RELATIONS

The Development of Relations Between Belarus and
Lithuania in the 2000s..... *Andrey Volodkin* **4** 9

The Formation of the Treaty Framework in the
Belarusian-Turkish Relations (1992—2012)..... *Evgeniya Rupakova* **5** 7

Development of the Energy Dialogue Between the
Russian Federation and the European Union..... *Ivan Makhnach* **6** 3

DOCUMENTS AND MATERIALS

International Protection Considerations with
Regard to People Fleeing the Syrian Arab
Republic, Update II..... **7** 1

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Human Resources Migration as the Factor of
Social and Economic Development of the Country..... *Vladimir Zaharets,
Irina Zaharets* **8** 2

The Evolution of the Foreign Economic Policy
Concept of the Republic of Korea before the Crisis
(1945—1997)..... *O Dok Hee* **9** 2

КОНЦЕПЦИЯ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАЩИТУ»: АНАЛИЗ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Людмила Павлова

Концепция «Ответственность за защиту» (обязанность защищать) является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем в современных международных отношениях в силу ее тесной взаимосвязи с проблемами соблюдения основополагающих прав человека предотвращения и разблокирования международных конфликтов и обеспечения международной безопасности. Отсутствие правового регулирования концепции «ответственности за защиту» порождает активные дискуссии относительно ее содержания и применимости в современных конфликтных ситуациях, угрожающих международной безопасности как на государственном уровне в рамках ООН, так и в доктрине международного права. Указанной проблеме посвящены статьи О. Бутевич [1], В. Котляра [10], А. Яковенко [15], А. Беллами [16], Г. Эванса [17], К. Стахна [19]. Причем, основные доктринальные разногласия касаются определения статуса концепции «ответственности за защиту». Цель данной статьи не только проанализировать указанную концепцию, но и выявить ее правовые аспекты.

Следует отметить, что рассматриваемой концепции предшествовала концепция гуманитарной интервенции, применявшейся в одностороннем порядке в практике государств, особенно США, в 60–90-е гг. XX в. под предлогом защиты прав человека при полном игнорировании принципа невмешательства во внутренние дела государств и положений Устава ООН, закрепившего определяющую роль Совета Безопасности ООН в санкционировании применения принудительных мер против государства, грубо нарушая, тем самым, уставные обязательства, включая уважение прав человека. Появление новой концепции обусловлено радикальными изменениями международных отношений в условиях глобализации, повышением роли международного права как единственного приемлемого регулятора глобализационных процессов во всех сферах международного сотрудничества, новыми приоритетами относительно актуальности проблем, вызывающих обеспокоенность международного сообщества. В современных условиях все-

общее признание получил принцип уважения прав и свобод человека, впервые сформулированный в таком качестве в хельсинкском Заключительном акте СБСЕ 1975 г. [8]. Следствием признания нового принципа явилось закрепление в Документе московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1991 г. положений о том, что вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии и верховенства закона, носят международный характер и их соблюдение составляет основу международного порядка. Государства также подтвердили, что права человека не относятся к числу внутренних дел, находящихся исключительно в компетенции государства [7].

Вместе с тем, следует учитывать, что современная международная система основана на существовании совокупности независимых, суверенных государств, в основе правоотношений которых лежат такие основополагающие принципы международного права, как уважение государственного суверенитета, неприменение силы или угрозы силой и невмешательство во внутренние дела. Однако признание приоритетности принципа уважения прав и свобод человека как во внутригосударственных, так и в международных отношениях привело к изменению трактовки вышеуказанных основополагающих принципов международного правопорядка. Они не рассматриваются более как абсолютные, допускаются возможность их правомерных ограничений. Указанный вывод обуславливается расширением внеуставных полномочий Совета Безопасности ООН, который стал квалифицировать как угрозу и нарушение международного мира и безопасности не только вооруженное нападение одного государства на другое, но и конфликтные ситуации внутри государства, характеризующиеся грубым нарушением международных стандартов в области прав человека, что позволяет ему санкционировать применение коллективных принудительных мер против такого государства. Впервые резолюцией Совета Безопасности ООН 794, принятой в 1992 г., ситуация внутри государства (в Сомали

права человека

международное право

Автор:

Павлова Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Дейкало Екатерина Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Барковский Игорь Александрович — кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела референтного обеспечения деятельности Председателя Исполнительного комитета — исполнительного секретаря Содружества Независимых Государств

ли) была признана угрожающей миру и безопасности, и Совет потребовал принятия мер в соответствии с главой VII Устава ООН [14, преамбула]. Аналогичная резолюция (929 (1994)) была принята Советом Безопасности ООН в отношении ситуации в Руанде в связи с проведением политики геноцида, систематическими и массовыми убийствами тысяч гражданских лиц, насильственным перемещением внутри страны миллионов руандийцев [11].

Деятельность Совета Безопасности в течение последних двух десятилетий акцентирована на рассмотрение ситуаций, связанных с нарушением прав человека внутри страны, что свидетельствует о желании Совета применять принудительные меры для разрешения внутригосударственных ситуаций и является весомым прогрессом в системе коллективной безопасности ООН. Показательны в этом контексте и утверждения бывшего Генерального секретаря ООН Б. Гали, который в ежегодном докладе Генеральной Ассамблеи ООН в 1991 г. заявил: «Сейчас как никогда осознается, что принцип невмешательства во внутреннюю компетенцию государств не должен рассматриваться в качестве защитного барьера, за которым систематически и безнаказанно нарушаются права человека. Тот факт, что в различного рода ситуациях ООН не была способна предотвратить жестокость, не может рассматриваться в качестве аргумента правового или морального характера против необходимых действий по изменению ситуации, особенно при угрозе миру» [3, с. 6].

Таким образом, активизация внутренних вооруженных конфликтов, сопровождающихся грубейшими нарушениями основополагающих прав и свобод человека, расширение полномочий Совета Безопасности ООН создали правовые и политические предпосылки для разработки новой концепции, получившей название «ответственности за защиту» или «обязанности защищать». Новая концепция должна была ответить на вопросы, волновавшие международное сообщество: как реагировать на массовые и грубые нарушения прав человека, если современным международным правом запрещено применение силы в межгосударственных отношениях? как должно реагировать международное сообщество на геноцид или массовые убийства, если мирные средства разрешения споров оказались неэффективными? какие действия должны быть предприняты, чтобы предотвратить такие катастрофы?

Инициатива в разработке концепции принадлежит Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету, созданной в Канаде в 2000 г. В докладе Комиссии впервые предложена формулировка «обязанность защищать» с акцентом на то, что обеспечение защиты ни является военным вопросом, «ни представляет собой противоборства между государственным и индивидуальным

суверенитетом». В качестве ключевых составляющих, определяющих содержание данной концепции, были указаны «обязанность предотвращать, обязанность реагировать и обязанность восстанавливать» [5]. Иными словами, Комиссия определила последовательность этапов реализации концепции «обязанности защищать».

Названная концепция получила подтверждение и развитие в Докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, учрежденной Генеральным секретарем ООН в 2004 г. В Докладе концепция получила новое название: ответственность по защите. Наиболее важным вкладом Группы в развитие концепции является определение соотносимости ответственности государства по защите своих граждан и коллективной ответственности международного сообщества. Причем, «главную ответственность за защиту своих собственных граждан... от массовых убийств и изнасилований, этнической чистки, выражающейся в изгнании и запугивании людей, и умышленного создания условий, в которых люди голодают и подвергаются воздействию болезней», несут суверенные государства. И лишь тогда, «когда они не могут или не желают обеспечить такую защиту, ответственность за это должно взять на себя международное сообщество», которое с помощью мирных средств, включая превентивные меры, реагирует на насилие, действуя, если это необходимо, восстановлению разрушенного общества. Военное вмешательство, если оно требуется, должно применяться как крайнее средство и санкционироваться только Советом Безопасности ООН [4, пп. 200—203].

Основные положения концепции «ответственности за защиту», воплотившие рекомендации Международной комиссии и Группы высокого уровня, получили закрепление в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г., принятом главами государств и правительств 170 стран. В Итоговом документе концепция «ответственности за защиту» рассматривается как совокупность обязательств каждого суверенного государства и международного сообщества в целом. В первую очередь, установлена обязанность каждого государства «защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности... и предотвращать такие преступления». Во-вторых, на международное сообщество возлагается обязанность использовать дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с главами VI и VIII Устава ООН, чтобы содействовать защите населения от указанных преступлений, а также «предпринимать коллективные действия, своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности, в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, с учетом конкретных об-

стоятельств и в сотрудничестве, в случае необходимости, с региональными организациями, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» [9, пп. 138–139]. Особо важным является положение о том, что только через Совет Безопасности ООН мировое сообщество может эффективно достигать своих целей в поддержании мира и стабильности.

Принятие Итогового документа 2005 г. абсолютным большинством голосов глав государств и правительств и одобрение его Советом Безопасности ООН можно считать выражением *opinio juris* международного сообщества относительно признания этого документа, включая концепцию «ответственности за защиту».

Дальнейшее развитие и конкретизацию данная концепция получила в докладах Генерального секретаря на 63-й, 64-й, 66-й и 67-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и в интерактивном диалоге представителей государств. В частности, бразильская делегация на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН представила концепцию «ответственность в процессе защиты», которая должна применяться параллельно с концепцией «ответственности за защиту» на основе согласованных принципов и процедур для того, чтобы провести разграничение между «коллективной ответственностью», осуществляемой не принудительными мерами, и «коллективной безопасностью» во избежание поспешного использования силы.

Наиболее важными положениями концепции «ответственности за защиту» являются следующие:

1) ее применимость к грубейшим нарушениям прав человека (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, этнические чистки);

2) принятие мер по защите населения на национальном и международном уровнях. При этом главная роль по предупреждению и криминализации таких преступлений в национальном уголовном законодательстве принадлежит государству;

3) комплексный характер международной защиты, включающий как мирные способы, закрепленные в главе VI Устава ООН, так и принудительные меры, санкционированные Советом Безопасности ООН в соответствии с главой VII Устава ООН, при взаимодействии с системами коллективной безопасности региональных и субрегиональных международных организаций;

4) акцентирование внимания на необходимости использования мер раннего предупреждения международных преступлений в области прав человека путем более активного взаимодействия специально учрежденных инсти-

туциональных органов ООН (Совет по правам человека, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Специальный советник Генерального секретаря по предупреждению геноцида) с правозащитными организациями.

Совет Безопасности активно реализует данную концепцию в последнее десятилетие. Яркой иллюстрацией такой деятельности Совета Безопасности являются резолюции по ситуации в Кот-д'Ивуаре и Ливии в 2011 гг.

В результате проведенных в 2010 г. в Кот-д'Ивуаре президентских выборов победу одержал А. Д. Уаттара. Действующий президент Л. Гбагбо отказался признавать результаты выборов и покинуть свой пост. Страна раскололась на два лагеря, ситуация быстро ухудшалась и привела к вооруженным столкновениям. Совет Безопасности в резолюции 1975 (2011) по ситуации в Кот-д'Ивуаре решительно осудил серьезные злоупотребления и нарушения норм международного права, в том числе гуманитарного права, прав человека и права беженцев, и подтвердил ответственность каждого государства за защиту своего гражданского населения, а также ответственность Кот-д'Ивуара за поощрение и защиту всех прав человека и основных свобод, расследование сообщений о нарушении прав человека и норм международного права и привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении таких действий. Совет призывал все стороны уважать волю народа, наложил санкции на отдельных лиц и осудил любое насилие, совершаемое в отношении гражданского населения, и другие нарушения прав человека и злоупотребления, в частности насильственные исчезновения, внесудебные убийства, убийства детей и нанесение им увечий и изнасилований и другие формы сексуального насилия [12].

В резолюции 1973 (2011) в связи с массовыми противоправительственными протестами в Ливии, переросшими в военное столкновение, Совет Безопасности также заявил об ответственности ливийских властей за защиту ливийского населения, осудил грубые и систематические нарушения прав человека, признал ситуацию в Ливийской Арабской Джамахирии угрозой международному миру и безопасности. Совет потребовал от ливийских властей выполнения обязанностей по международному праву, включая международное гуманитарное право, международное право в области защиты прав человека и международное право беженцев, ввел запрет на все полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии с целью защиты гражданского населения и уполномочил государства-члены принимать все необходимые меры для обеспечения соблюдения запрета на полеты [13].

Меры международной защиты, применяемые органами ООН совместно с региональной международной организацией Лигой арабских

государств (ЛАГ) для прекращения грубейших нарушений прав человека, демонстрирует ситуация в Сирийской Арабской Республике. Кризис в Сирии, начавшийся в 2011 г., вызванный различными причинами, привел к перерастанию мирных демонстраций в вооруженные столкновения с силовыми правительственными структурами, а затем в затяжной вооруженный конфликт с участием правительственных вооруженных сил, оппозиционных вооруженных формирований и иных боевых группировок, который длится до настоящего времени, сопровождаясь тысячами жертвами среди гражданского населения. Совершение противоборствующими сторонами международных преступлений в области прав человека потребовало незамедлительной реакции со стороны международного сообщества, выразившейся как в принятии органами ООН мер институционального характера, так и в использовании мирных средств, направленных на разблокирование вооруженного конфликта.

Так, Совет ООН по правам человека уже в августе 2011 г. резолюцией S-17/1 создал Независимую международную комиссию по расследованию в Сирийской Арабской Республике, уполномочив ее расследовать и установить численность преступлений в области прав человека, включая преступления против человечности, выявить виновников совершения таких преступлений с целью выработки рекомендаций для привлечения их к ответственности национальным судом или Международным уголовным судом [18]. В феврале 2012 г. резолюцией 66/253 Генеральной Ассамблеи ООН и соответствующей резолюцией ЛАГ назначен Совместный специальный посланник ООН и Лиги Арабских государств по Сирии (далее — Совместный специальный посланник), предложивший план урегулирования вооруженного конфликта, в котором содержался призыв ко всем воюющим сторонам прекратить насилие во всех формах, а правительству Сирии не применять тяжелое вооружение в населенных пунктах и начать отвод военных сил и средств. План был одобрен резолюцией 2042 (2012) Совета Безопасности и впоследствии в марте 2012 г. принят правительством Сирии и оппозицией. В апреле 2012 г. Совет Безопасности принял резолюцию о создании Миссии ООН по наблюдению в Сирийской Арабской Республике (МООНИС), поручив ей следить за прекращением вооруженного насилия во всех формах и осуществлением плана, предложенного Совместным специальным посланником. Однако, несмотря на снижение уровня остроты вооруженного конфликта, он продолжался, что привело к прекращению деятельности МООНИС в целях обеспечения безопасности персонала [2]. Более того, в заявлении Специального советника Генерального секретаря по предотвращению геноцида в конфликте в Си-

рии констатировалось, что правительство Сирии явно не в состоянии защитить свое население, и утверждалось, что международное сообщество должно выполнить обязанность, закрепленную в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., «защищать население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности, включая и подстрекательство к ним» [20].

Ситуация в Сирии еще более ухудшилась в связи с использованием 15 августа 2013 г. в ходе конфликта химического оружия. Причем, ответственность за данное преступление была возложена на правительственные вооруженные силы западными странами (США, Франция, Англия), которые потребовали применение к Сирии принудительных мер, вплоть до военного вмешательства. Только твердая позиция Российской Федерации, достигшей договоренности с США о необходимости создания международной комиссии по установлению факта применения химического оружия, учреждение Миссии ООН по расследованию сообщений о применении химического оружия по решению Генерального секретаря, ее деятельность на территории Сирии с согласия правительства перевели ход событий в русло дипломатических переговоров и использования мирных средств для урегулирования сирийского конфликта [6]. В настоящее время, после присоединения Сирии к Конвенции о запрещении производства, накопления и применения химического оружия, инспекторы Организации по запрещению химического оружия ликвидируют его запасы в Сирии. Совместный специальный посланник П. Брахими осуществляет активную посредническую деятельность по согласованию даты и созыву международной конференции Женева-2 с участием представителей правительства Сирии и оппозиции.

Однако практическая реализация данной концепции Советом Безопасности ООН выявила ряд проблемных аспектов. Абстрактность положений резолюций Совета Безопасности, некоторая односторонность в решении вопроса ответственности конфликтующих сторон за нарушение прав человека и норм международного гуманитарного права в ситуации внутреннего вооруженного конфликта (например, резолюция по Ливии) давала государствам возможность в своих действиях выходить за рамки мандата Совета Безопасности ООН. В доктрине указывается и на абстрактность ряда формулировок самой концепции «ответственности по защите», изложенной в Итоговом документе 2005 г. В частности, выражение «явно не в состоянии» применительно к поведению национальных органов порождает вопросы, каково смысловое содержание термина «явно» и кто это будет определять? Различные толкования вызывает формулировка «с учетом конкретных обстоятельств» относительно применения принудительных мер Совета Безопас-

ности на основании главы VII Устава ООН. Так, голландский исследователь К. Стахн делает вывод о том, что конкретная ситуация может позволить применение и односторонних мер, например в порядке самообороны [19, р. 116–117]. Однако наибольшие дебаты в доктрине вызывает квалификация концепции «ответственности за защиту». В частности, западные авторы (А. Беллами, К. Стахн) называют ее политическим лозунгом [см., напр.: 19, р. 120]. С такой позицией нельзя согласиться, так как правовые компоненты названной концепции очевидны. Во-первых, содержательно она базируется на основополагающих принципах международного пра-

ва (уважения государственного суверенитета, уважения прав и основных свобод человека) и механизме коллективной безопасности, закрепленных в Уставе ООН. Во-вторых, активная реализация концепции Советом Безопасности ООН в современных внутренних вооруженных конфликтах, ссылки на нее в докладах Генерального секретаря ООН, резолюциях Совета ООН по правам человека и Верховного комиссара ООН по правам человека, создание специальных институциональных органов, содействующих ее имплементации, позволяют квалифицировать указанную концепцию как формирующуюся обычную норму международного права.

Литература

1. Бутевич, О. А. Концепция «ответственности за защиту» во внешней политике США / О. А. Бутевич // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2012. — № 1. — С. 62–65.
2. Доклад Генерального секретаря об осуществлении резолюции 2043(2012) Совета Безопасности: док. ООН S/2012/523 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2012/523>>. — Дата доступа: 22.10.2013.
3. Доклад Генерального секретаря о работе организации: док. ООН A/46/1 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/46/1>>. — Дата доступа: 21.09.2013.
4. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам: док. ООН A/59/565 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/59/565>>. — Дата доступа: 21.10.2013.
5. Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственному суверенитету «Ответственность за защиту»: док. ООН A/57/303 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/57/303>>. — Дата доступа: 21.10.2013.
6. Доклад Миссии Организации Объединенных Наций по расследованию сообщений о применении химического оружия в Сирийской Арабской Республике, касающийся предположительного применения химического оружия в районе Гуты в Дамаске 21 августа 2013 года: док. ООН A/67/997-S/2013/553 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2013/553>>. — Дата доступа: 22.10.2013.
7. Документ московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. 3 октября 1991 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. — Режим доступа: <<http://www.osce.org/node/14314>>. — Дата доступа: 21.10.2013.
8. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1 августа 1975 года [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». — Режим доступа: <<http://evolutio.info/content/view/24/38/>>. — Дата доступа: 20.10.2013.
9. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/outcome2005_ch4.html#t6>. — Дата доступа: 21.10.2013.
10. Котляр, В. А. Концепция «ответственности за защиту» как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций / В. А. Котляр // Междунар. публичное и частное право. — 2005. — № 3. — С. 44–48; № 4. — С. 53–55.
11. Резолюция 929 (1994) Совета Безопасности ООН: док. ООН A/RES/929(1994) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/929\(1994\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/929(1994))>. — Дата доступа: 21.10.2013.
12. Резолюция 1975 (2011) Совета Безопасности ООН: док. ООН A/RES/1975(2011) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1975\(2011\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1975(2011))>. — Дата доступа: 22.10.2013.
13. Резолюция 1973 (2011) Совета Безопасности ООН: док. ООН A/RES/1973(2011) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1973\(2011\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1973(2011))>. — Дата доступа: 22.10.2013.
14. Резолюция 794 (1992) Совета Безопасности ООН: док. ООН A/RES/794(1992) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/794\(1992\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/794(1992))>. — Дата доступа: 20.10.2013.
15. Яковенко, А. В. Право международной безопасности и ООН / А. В. Яковенко // Москов. журн. междунар. права. — 2006. — № 1. — С. 21–24.
16. Bellamy, A. A Responsibility to Protect: the Global Efforts to End Mass Atrocities / A. Bellamy. — Cambridge: Polity, 2008. — 211 p.
17. Evans, G. The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All / G. Evans. — Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008. — 128 p.
18. Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/IIICISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx>>. — Date of access: 21.10.2013.
19. Stahn, K. Responsibility to Protect: Political Rhetoric or Emerging legal Norm / K. Stahn // American Journal of International Law. — 2007. — Vol. 101, N 1. — P. 99–120.
20. Statement of the Special Adviser of the Secretary-General on the Prevention of Genocide on situation on Syria, 20 December 2012 [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <<http://www.un.org/en/preventgenocide/adviser/pdf/OGPRtoP%2020%20December%20Statement%20on%20Syria%20-%20ENGLISH.pdf>>. — Date of access: 22.10.2013.

«Концепция "Ответственность за защиту": анализ и правовая оценка» (Людмила Павлова)

В статье исследуется процесс формирования и раскрывается содержание концепции «ответственности за защиту», анализируется практика ее реализации в современных вооруженных конфликтах, выявляются проблемные аспекты, дается правовая оценка.

«The Concept "Responsibility to Protect": Analysis and Legal Evaluation» (Ludmila Pavlova)

The article deals with the process of formation and the content of the «Responsibility to Protect» concept. Practices of its implementation in contemporary armed conflicts are analysed, problem aspects are identified, and legal evaluation is made.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2013 г.

ПРОГРЕССИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОСПАРИВАНИЯ ПРАВ НА ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАТЕНТ С УНИТАРНЫМ ЭФФЕКТОМ

Елена Леанович, Максим Жуков

В процессе региональной экономической интеграции преодоление проблем территориальности прав на объекты интеллектуальной собственности является одним из ключевых аспектов эффективности интеграционных процессов.

В рамках ЕС функционирование единого рынка привело к тому, что национальные суды стран — членов Европейской патентной организации (ЕПО) все чаще сталкиваются с трансграничными аспектами оспаривания прав на европейский патент и тенденцией ко все большей интернационализации патентных споров [1, с. 82].

Отсутствие наднационального судебного механизма оспаривания прав на европейский патент влечет за собой следующие практические сложности:

1) широкая территориальная сфера действия европейского патента и его «зонтичный» характер требуют обращения за оспариванием его действия к каждой национальной юрисдикции;

2) в каждом государстве существует сложный процедурный и институционный механизм оспаривания прав на патент, который может быть непонятен сторонам спора;

3) стадия судебного разбирательства требует высоких материальных и временных затрат оспаривающей стороны;

4) существуют правовая неопределенность и риск принятия противоположных решений по одному вопросу в различных странах, использование *forum shopping* (манипуляции с подсудностью) в целях получения более выгодного результата, а также разная скорость принятия решений в национальных системах [13].

Данные проблемы особенно проявляются при экспорте товаров в страны Европейского союза и выходе на новые рынки сбыта, когда патентные споры фактически блокируют возможности реализации товаров на территории государств, входящих в интеграционное объединение.

Актуальность данной статьи связана с тем, что аналогичные проблемы могут возникать в рамках Евразийской патентной системы у белорусских организаций, которые используют

запатентованные объекты интеллектуальной собственности в продукции, направляемой на экспорт, а также пользуются правами на патент вследствие заключения лицензионных договоров. Экономические потери от столкновения с проблемами оспаривания прав могут быть огромными.

Следует отметить, что проблемы оспаривания прав на региональные патенты недостаточно проанализированы в правовой доктрине. Упоминания данной проблемы имеются в трудах В. Аксеновой [1], Н. Пилькиной [3; 4], А. Степаняна [5]. Целью данной статьи является анализ прогрессивных механизмов судебного оспаривания в рамках европейской патентной системы.

Формирование прогрессивных механизмов оспаривания прав на европейские патенты имеет длительную историю развития. С начала 90-х гг. XX в. многие государства поддерживают идею по формированию единого органа для урегулирования споров по европейскому патенту. Для осуществления данной цели был разработан проект соглашения об учреждении Судебной системы европейского патента, а также проект Устава Европейского патентного суда (далее — Суд *ELPA*). Проект *ELPA* 2004 г. предусматривал создание новой международной организации *European Patent Judiciary (EPJ)*, которая была призвана урегулировать споры относительно действительности европейских патентов в государствах — участниках Соглашения [9].

Государства — участники Соглашения признавали Суд *ELPA* в качестве национального судебного учреждения в вопросах нарушения и действительности европейского патента. Поэтому его решения должны были прямо исполняться без процедуры признания или экзекватуры. Соглашением предусматривался переходный период в 7 лет для адаптации функционирования новой системы [8].

В целом принятие Соглашения могло стать поворотным этапом в решении существующих проблем оспаривания региональных патентов. Сама система является показательной в право-

международное частное право

международное право

Авторы:

Леанович Елена Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Жуков Максим Александрович — студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Дербина Галина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь

вом смысле, поскольку закрепляет новые правовые подходы в рамках патентной кооперации.

Однако возник ряд проблем, которые привели к прекращению работы над проектом Суда *ELPA*:

а) проблемы изменений в праве некоторых государств в связи с участием в Соглашении (Конституция Франции и ряда других государств нуждаются во внесении изменений и дополнений);

б) коллизия между положениями регламента ЕС № 44/2001 (Брюссель-I) и положениями Соглашения. Статья 22.4 регламента относит споры о действительности патентов на территории государств к исключительной юрисдикции национальных судов, в том числе в отношении европейского патента [7]. Фактически из положений регламента вытекает невозможность государств-членов участвовать в Соглашении самостоятельно без одобрения ЕС и внесения изменений в регламент;

в) возможность создания Суда *ELPA* по инициативе государств противоречит учредительным документам ЕС [11].

Данные правовые проблемы привели к тому, что Суд *ELPA* так и не был создан, а сам проект не был реализован, несмотря на его актуальность и универсальность.

Параллельно с разработкой проекта создания Суда *ELPA* в рамках ЕС велась подготовка проектов создания Европейского патента с унитарным эффектом и его связи с действующей системой Европейской патентной организации.

Главной причиной разработки проекта Европейского патента с унитарным эффектом является невозможность реализации проекта создания Суда *ELPA*, а также необходимость перехода к новому этапу в методах преодоления территориальности прав на изобретения.

Европейский патент с унитарным эффектом базируется на системе трех основ:

а) материальное регулирование системы Единого патента на основании регламента ЕС 1257/2012 об имплементации механизма продвинутого сотрудничества в области европейского патента с унитарным эффектом [12];

б) единый подход к переводу заявок и документов на основе регламента ЕС 1260/2012 от 17 декабря 2012 г. [8];

в) создание единой судебной системы на основании соглашения о Суде Европейского патента с унитарным эффектом [6].

Регламент 1257/2012 по сравнению с предыдущими проектами устанавливает конкретную связь с европейским патентом. Предоставление единства будет осуществляться на основании уже существующих европейских патентов, распространяющих действие на территорию государств — участников инициативы

[12]. Внедрение системы Европейского патента с унитарным эффектом влечет за собой следующие последствия:

а) единый характер, подразумевающий отказ от «зонтичного» действия регионального патента;

б) предоставление единообразной охраны во всех странах — участниках инициативы;

в) равное действие и равная юридическая сила на территории всех государств-участников [5];

г) установление ограничений, передача патента по лицензионным договорам и его оспаривание в отношении патента как единого целого и в отношении всех государств одновременно [7].

Сам подход к институциональному механизму функционирования Европейского патента с унитарным эффектом не является удачной попыткой вписать новые подходы в действующую систему европейского патента. Это связано с тем, что Европейская патентная организация является внешней по отношению к ЕС. Фактически происходит изменение Европейской патентной конвенции регламентами ЕС, что не может быть допустимым с точки зрения современного международного права.

Наиболее важной для исследования является третья основа — создание Суда Европейского патента с унитарным эффектом, который стал альтернативой проекта Суда *ELPA* 2004 г. Соглашение вступит в силу 1 января 2014 г. и начнет применяться совместно с указанными выше регламентами ЕС [6]. Существование самой системы единого патента теряет свою привлекательность, если не будет сформирован единый механизм разрешения споров.

Соглашение распространяет свое действие как на патент с унитарным эффектом, так и на европейские патенты, которые действуют на момент его вступления в силу, и на европейские патенты, которые будут получены после вступления соглашения в силу. В течение 7 лет в отношении европейского патента будет действовать параллельная подсудность Суда Европейского патента с унитарным эффектом и национальных судов государств-участников (хотя минимальный срок для перехода к единой системе составляет 5 лет) [6].

С другой стороны, Соглашение не охватывает все государства — участники ЕПО, поскольку присоединение, согласно толкованию терминов в статье 2 Соглашения, возможно только для государств — участников ЕС. Следовательно, действие судебного решения будет распространяться на территорию государств — участников ЕС [6]. В итоге в наиболее неблагоприятной ситуации оказываются стороны спора при распространении действия патента за пределами ЕС (в каждой стране за пределами ЕС придется обращаться в национальные суды государства, не являющегося членом ЕС). Подход, установленный Соглашением, делает та-

кие патенты заведомо невыгодными и лишает стороны спора преимуществ, предоставляемых системой.

К исключительной юрисдикции суда относится рассмотрение споров о нарушении прав на патент, аннулировании патента, применении защитных мер, исков о возмещении вреда. По иным вопросам сохраняется юрисдикция национальных судов. По нормам Соглашения создается Центр арбитража и медиации по вопросам патентных споров, который, однако, не имеет права признавать патенты недействительными в силу особой императивности положений, касающихся данного вопроса [5].

Прогрессивными в отношении транснациональных споров являются положения статьи 44 Соглашения, которые позволяют осуществлять представление доказательств суду посредством электронных средств передачи данных, а также использовать видеоконференции при проведении судебного заседания. Однако значение этих положений несколько снижается статьей 48, которая устанавливает обязательное требование действовать через представителя, являющегося юристом в стране-участнике или профессиональным представителем перед Европейской патентной организацией в соответствии со статьей 134 Европейской патентной конвенции [9].

Особое внимание уделяется признанию патента недействительным полностью или частично. Перечень, предусмотренный статьями 138(1) и 139(2) Европейской патентной конвенции, является исчерпывающим, Суд не может принимать во внимание различия в национальном праве сторон относительно подобных оснований [2, с. 52]. При этом следует обратить внимание, что Суд не может рассматривать жалобы на административные решения Европейской патентной организации и не является апелляционной инстанцией по отношению к ним.

Решения Суда, вступившие в законную силу, являются обязательными и окончательными для сторон спора. Пересмотр возможен по ограниченному кругу оснований в течение 2 месяцев с момента обнаружения такого основания и не позднее 10 лет с момента производства [6].

Решения Суда прямо исполняются на территории государств-участников как решения национального суда без процедуры признания в соответствии с процедурными правилами каждого государства. Оснований для неисполнения решения Соглашением не устанавливается.

В результате внедрения системы Суда Европейского патента с унитарным эффектом можно говорить о следующих последствиях нововведения:

1) создаются условия для существенной экономии времени при оспаривании прав на патент;

2) ликвидируется необходимость обращаться к каждой юрисдикции, где действует патент, в отдельности;

3) упрощается и унифицируется процедурный и институционный механизм оспаривания прав на патент;

4) решение по делу носит экстерриториальный характер и не нуждается в формальном признании со стороны государств — участников инициативы.

К недостаткам избранного подхода можно отнести ущемление интересов заявителей из государств — членов ЕПО, не являющихся членами ЕС; подрыв единства Европейской патентной организации за счет одновременной быстрой унификации среди стран ЕС и сохранения старой системы в остальных странах.

Формирование прогрессивных механизмов оспаривания прав на региональные патенты является объективной необходимостью для дальнейшего развития сотрудничества государств по вопросам интеллектуальной собственности, региональной патентной кооперации, а также инновационных процессов в экономике. В данном контексте целесообразно рассмотреть возможность создания на более высокой стадии интеграции единого патента Единого экономического пространства (ЕЭП).

В результате возникает вопрос о необходимости создания аналога Суда Европейского патента с унитарным эффектом для будущей патентной системы ЕЭП, который обладал бы исключительной юрисдикцией в отношении дел по оспариванию и решения которого были обязательны на территории всех государств — участников данной инициативы. За национальными судами должна сохраняться юрисдикция в отношении обеспечительных и вспомогательных мер. При этом необходимо учесть проблемы, вызванные разработкой соглашения о Суде Европейского патента с унитарным эффектом. Учитывая меньшее количество государств ЕЭП и потенциальное отсутствие языковых проблем, формирование нового суда может протекать существенно быстрее, нежели это происходило в ЕС.

Литература

1. Аксенова, В. Ю. Проблема исключения двойного патентования изобретений требует своего решения / В. Ю. Аксенова // Интеллектуальная собственность. — 2007. — № 4. — С. 80—86.
2. Инструкция по применению Европейской патентной конвенции, в редакции 29 ноября 2000 года / Делегация Европейской комиссии в Российской Федерации; Роспатент. — М., 2010. — 163 с.
3. Пилькина, Н. Н. Европейская и евразийская региональные патентные системы: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. Н. Пилькина; Москов. гос. юрид. акад. — М., 2007. — 212 с.

4. Пилькина, Н. Н. Разрешение патентных споров в рамках Европейской патентной системы // Актуальные проблемы российского права. — № 1 (3). — С. 480—489.
5. Степанян, А. Патент Европейского союза — Единый патент [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. — Режим доступа: <<http://eulaw.ru/content/3814>>. — Дата доступа: 03.03.2013.
6. Agreement on a Unified Patent Court [Electronic resource] // Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2013:175:0001:01:EN:HTML>>. — Date of access: 13.10.2013.
7. Council Regulation (EC) N 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters [Electronic resource] // Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001R0044:EN:NOT>>. — Date of access: 13.10.2013.
8. Council Regulation (EU) N 1260/2012 of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection with regard to the applicable translation arrangements [Electronic resource] // Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:361:0089:01:EN:HTML>>. — Date of access: 13.10.2013.
9. Draft Agreement on the establishment of a European patent litigation system. Working Party on Litigation 16.02.2004 [Electronic resource] // International Property Expert Group. — Mode of access: <http://www.ipeg.com/_UPLOAD%20BLOG/EPLA%20agreement_draft.pdf>. — Date of access: 13.10.2013.
10. European Patent Convention [Electronic resource] // European Patent Office. — Mode of access: <<http://www.epo.org/law-practice/legal-texts/html/epc/2013/e/ma1.html>>. — Date of access: 13.10.2013.
11. Interim legal opinion on possible conclusion of the European Patent Litigation Agreement by the Member States — overlap between that agreement and the *acquis communautaire* [Electronic resource] // International Property Expert Group. — Mode of access: <http://www.ipeg.com/_UPLOAD%20BLOG/Interim%20Legal%20Opinions%20Legal%20Service%20EP%20Feb%201%202007.pdf>. — Date of access: 13.10.2013.
12. Regulation (EU) N 1257/2012 of 17 December 2012 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection [Electronic resource] // Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:361:0001:01:EN:HTML>>. — Date of access: 13.10.2013.
13. Unified Patent Court [Electronic resource] // European Patent Office. — Mode of access: <<http://www.epo.org/law-practice/unitary/patent-court.html>>. — Date of access: 03.03.2013.

«Прогрессивные механизмы оспаривания прав на Европейский патент с унитарным эффектом» (Елена Леанович, Максим Жуков)

В статье рассматривается история развития вопроса о формировании наднациональных судебных органов по оспариванию прав на европейские патенты, а также анализируются особенности механизма оспаривания прав на Европейский патент с унитарным эффектом, который будет введен в действие с 1 января 2014 г. Рассматриваемые в статье механизмы могут использоваться в качестве модели в ходе дальнейшего развития евразийской экономической интеграции.

«Progressive Mechanisms of the Disputation of the Right to the European Patent with Unitary Effect» (Elena Leanovich, Maksim Zhukov)

The article is devoted to the history of the development of supranational bodies on the disputation of the right to European patents and to the analysis of specific characteristics of the disputation mechanism to European patents with unitary effect which will enter into legal force on January 1, 2014. The mechanisms considered in the article could be used as a model for further development of Eurasian economic integration.

Статья поступила в редакцию в октябре 2013 г.

КОЛЛИЗИОННЫЕ ПРИВЯЗКИ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ СФЕРЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

Наталья Анцух

Коллизионное регулирование брачно-семейных отношений имеет специфику, которая предопределяется связью данных правоотношений непосредственно с личностью. В последнее время в законодательстве государств — участников СНГ при сохранении традиционных коллизионных привязок наметилась тенденция по введению гибких формул прикрепления, а также установлению принципа ограниченной автономии воли сторон в указанной сфере.

Целью настоящей статьи является определение наиболее прогрессивных и соответствующих мировым тенденциям развития международного частного права коллизионных привязок в области брачно-семейных отношений. В большинстве случаев правоведы анализируют формулы прикрепления, характерные для одного — двух институтов международного семейного права [6; 7]. Наиболее же комплексной регламентации коллизионного регулирования брачно-семейной сферы посвящены работы Е. В. Бабкиной [1], В. П. Звекова [3], Н. И. Марышевой [8], Г. Ю. Федосеевой [18].

Классическими принято считать те формулы прикрепления, которые прошли проверку временем и используются в национальном законодательстве зарубежных стран, а также международных соглашениях на протяжении длительного срока. В брачно-семейной сфере к ним можно отнести личный закон физического лица, закон места совершения брака и закон суда.

Личный закон участников правоотношения может быть представлен в виде закона гражданства лица (*lex patriae, lex nationalis*) или закона постоянного места жительства (*lex domicilii*). Отметим, что если ранее разделение критериев связывалось с определенной правовой системой, то сейчас можно говорить о постепенном возникновении закономерности использования *lex patriae* и *lex domicilii* в зависимости от конкретного института международного семейного права или статуса иностранца (иностранец, гражданин или лицо без гражданства). Новеллой в настоящее время является также применение *смешанной системы*

личного закона физического лица, когда законы гражданства и domicilio взаимодополняют друг друга.

Личный закон в отношении материальных условий заключения брака стал общепризнанным подходом в мировой практике. Однако новой тенденцией в праве стран СНГ стало расщепление коллизионной привязки в зависимости от статуса иностранца. Для иностранных граждан применяется закон гражданства, а для апатридов — закон постоянного места жительства (см.: ст. 146.2 Семейного кодекса (далее — СК) Азербайджанской Республики [10], чч. 2 и 4 ст. 163 СК Кыргызской Республики [11], чч. 2 и 3 ст. 155 СК Республики Молдова [13], ч. 2 ст. 156 СК Российской Федерации [16], чч. 2 и 4 ст. 167 СК Республики Таджикистан [14], чч. 2 и 3 ст. 195 СК Туркменистана [17], ст. 55 Закона Украины о международном частном праве [9] (далее — Закон о МЧП)). При этом требуется соблюдение норм непосредственного применения национального права в отношении обстоятельств, препятствующих заключению брака. В Таджикистане установлены дополнительные сверхимперативные требования, если брак заключается с участием иностранца: необходимо его проживание на территории республики в течение не менее одного последнего года, а также заключение брачного договора (ч. 3 ст. 12 СК Республики Таджикистан).

Закон постоянного места жительства используется при определении личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей супругов. При этом вводятся и специфические критерии к «совместному» или «последнему совместному» месту жительства. Согласно части 1 статьи 146 СК Республики Армения [12], статье 151.1 СК Азербайджанской Республики, статье 275 Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье [5] (далее — КоБС Республики Казахстан), части 1 статьи 168 СК Кыргызской Республики, части 1 статьи 157 СК Республики Молдова, части 1 статьи 161 СК Российской Федерации, части 1 статьи 172 СК Республики Таджикистан, части 1 статьи 200 СК Туркменистана, личные

Автор:

Анцух Наталья Сергеевна — кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права Белорусского государственного университета

Михалёва Татьяна Николаевна — кандидат юридических наук, заместитель руководителя Института — начальник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при отсутствии совместного места жительства законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства.

В рамках существующей тенденции к возникновению смешанной системы личного закона физического лица, например, права и обязанности родителей и детей (в том числе обязанность родителей по содержанию детей) регулируются правом государства, на территории которого родители и дети имеют совместное место жительства. При отсутствии совместного места жительства родителей и детей права и обязанности родителей и детей определяются правом государства, гражданином которого является ребенок. По требованию истца к алиментным обязательствам и к другим отношениям между родителями и детьми может быть применено законодательство государства, на территории которого постоянно проживает ребенок (ст. 148 СК Республики Армения, ст. 153 СК Азербайджанской Республики, ст. 277 КоБС Республики Казахстан, ст. 170 СК Кыргызской Республики, ст. 160 СК Республики Молдова, ст. 163 СК Российской Федерации, ст. 174 СК Республики Таджикистан, ст. 202 СК Туркменистана).

Считается, что принцип гражданства является более стабильным, поскольку гражданство может быть точно определено (исключение составляют апатриды и бипатриды) и не может быть изменено без ведома государства, гражданином которого является лицо. В свою очередь, закон домицилия отражает реальную связь лица с государством, на территории которого он имеет постоянное место жительства (особую актуальность закон домицилия приобретает в случае, когда иностранное лицо длительное время проживает на территории иностранного государства и не имеет намерения возвращаться на родину). В то же время недостаток закона домицилия — сложность его определения (необходимо отличать от простого местопребывания), а также возможность использования механизма обхода закона (домицилий изменить значительно легче, чем гражданство).

Закон места совершения брака (*lex loci celebrationis*) означает применение права страны, на территории которой заключен брак.

В большинстве государств СНГ *lex loci celebrationis* применяется только в отношении формы заключения брака (ст. 146.1 СК Азербайджанской Республики, ч. 1 ст. 155 СК Республики Молдова, ч. 1 ст. 163 СК Кыргызской Республики, ч. 1 ст. 156 СК Российской Федерации, ч. 1 ст. 167 СК Республики Таджикистан, ч. 1 ст. 195 Туркменистана, ст. 56 Закона Украины о МЧП). Однако в ряде стран он применяется и к материаль-

ным условиям вступления в брак (ст. 141 СК Республики Армения, ст. 229-1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [4] (далее — КоБС Республики Беларусь), ст. 228 КоБС Республики Казахстан), что означает соблюдение условий, формы и порядка, установленных законом. Данная коллизийная привязка не соответствует мировой тенденции, так как для определения материальных условий вступления в брак к иностранному гражданину применяется иностранный закон. Исходя из этого считаем целесообразным внести изменения в статью 229-1 КоБС Республики Беларусь с целью введения в отношении материальных условий вступления в брак формулы прикрепления «личный закон лица».

Закон места совершения брака, будучи удобным в применении, порождает ряд проблем, если он применяется к материальным условиям вступления в брак: возможность обхода закона и возникновения «хромяющих» отношений. В отношении формы заключения брака *lex loci celebrationis* является основной коллизийной привязкой и соответствует современной тенденции развития международного семейного права.

Закон страны суда (*lex fori*) используется как отсылка к своему национальному праву. Обращение к закону страны суда может достигаться посредством прямого указания на данную формулу прикрепления в коллизийной норме или путем применения односторонних коллизийных норм. Второй вариант используется в брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь (ст. 229-1 (заключение брака), ст. 231 (расторжение брака), ст. 232 (установление материнства и (или) отцовства), ст. 233 (усыновление) КоБС Республики Беларусь), что, безусловно, требует корректировки и замены устаревших норм более современными и дифференцированными правилами. Отметим, что в отношении расторжения брака с иностранцами в законодательстве стран СНГ сложилось устойчивое правило применения закона страны суда (ст. 150.1 СК Азербайджанской Республики, ч. 1 ст. 145 СК Республики Армения, ч. 1 ст. 244 КоБС Республики Казахстан, ч. 1 ст. 167 СК Кыргызской Республики, ч. 1 ст. 158 СК Республики Молдова, ч. 1 ст. 160 СК Российской Федерации, ч. 1 ст. 171 СК Республики Таджикистан, ч. 1 ст. 198 СК Туркменистана, ч. 1 ст. 236 СК Республики Узбекистан [15]). Исключением является статья 63 Закона Украины о МЧП, которая допускает использование ограниченной автономии воли сторон в отношении расторжения брака, что является новеллой на постсоветском пространстве и в то же время современной тенденцией развития коллизийного регулирования брачно-семейной сферы в праве европейских государств.

Тенденция развития типов коллизийных привязок в брачно-семейной области связана с укреплением позиций гибких формул при-

крепления, т. е. привязок, не указывающих на применимое право, а отдающих вопрос выбора компетентного правопорядка на усмотрение суда, исходя из фактических обстоятельств конкретного дела. В последние годы в национальном законодательстве Украины получили закрепление закон наиболее тесной связи и закон, наиболее благоприятный для сторон (*lex benignitatis*), которые в доктрине включают в систему принципов международного частного права наряду с автономией воли сторон. К сожалению, в других государствах СНГ данные коллизионные привязки пока еще не получили должного распространения и применения.

Например, **закон наиболее тесной связи** применяется субсидиарно к правовым последствиям брака (ч. 1 ст. 60 Закона Украины о МЧП), а формула прикрепления **законна, наиболее благоприятного для сторон**, — к правам и обязанностям родителей и детей (ст. 66 Закона Украины о МЧП) и направлена на защиту слабой стороны правоотношения. Отметим, что в Законе Украины о МЧП к прекращению брака и усыновлению (если усыновители — супруги, которые не имеют общего личного закона) применяется право, определяющее правовые последствия брака, т. е. возможно субсидиарное использование закона наиболее тесной связи.

Новеллой для брачно-семейной сферы отношений является применение ограниченной **автономии воли сторон (*lex voluntatis*)**. Если в гражданском праве (в области договорных отношений) этот принцип имеет значение исходного, фундаментального начала, то его распространение на сферу международного семейного права только начинается.

В большинстве государств СНГ применение принципа ограниченной автономии воли сторон возможно к брачному договору и соглашению об уплате алиментов, а в Украине — также к правовым последствиям брака (ч. 2 ст. 60 Закона Украины о МЧП) и имущественным отношениям супругов (ч. 1 ст. 61 Закона Украины о МЧП).

Автономия воли сторон, применяемая к указанным выше договорным отношениям в брачно-семейной области, имеет различные критерии ограничения. Во-первых, в Азербайджанской Республике (ст. 151.2 СК), Республике Армения (ч. 2 ст. 146 СК), Кыргызской Республике (ч. 2 ст. 168 СК), Российской Федерации (ч. 2 ст. 161 СК), Республике Таджикистан (ч. 2 ст. 172 СК) и Туркменистане (ч. 2 ст. 200 СК) супруги могут выбрать применимое право к брачному договору, если они не имеют общего гражданства или общего места жительства. Во-вторых, согласно части 3 статьи 157 СК Республики Молдова, супруги по обоюдному согласию могут избрать к брачному договору право государства гражданства одного из супругов. В-третьих, в соответствии со статьей 59 Закона Украины о МЧП супруги могут по согла-

шению между собой выбрать для брачного договора личный закон одного из супругов или право государства, в котором один из них имеет обычное место пребывания, или, относительно недвижимого имущества, право государства, в котором это имущество находится.

КоБС Республики Беларусь схожих норм не содержит, поэтому при применении в Беларусь принципа автономии воли сторон при заключении брачного договора, соглашения об алиментах, соглашения о детях или договора суррогатного материнства необходимо руководствоваться статьей 1124 Гражданского кодекса (далее — ГК) Республики Беларусь [2] (в силу ч. 5 п. 1 ст. 1 ГК Республики Беларусь). На наш взгляд, целесообразно разработать в белорусском праве нормы, регулирующие договорные отношения в международном семейном праве, которые должны соответствовать современным подходам коллизионного регулирования в данной области.

Таким образом, в брачно-семейной сфере можно выделить несколько характерных коллизионных привязок, которые следует разделить на классические (личный закон физического лица, закон места совершения брака и закон страны суда), а также современные, появившиеся в данной области лишь в последнее время (закон, наиболее благоприятный для сторон, закон наиболее тесной связи, ограниченная автономия воли сторон). Наиболее прогрессивные подходы в национальном законодательстве стран СНГ по вопросам семейных отношений с иностранным элементом имеют место в Законе Украины о МЧП, где представлен широкий круг прогрессивных формул прикрепления, соответствующих мировым веяниям. Нормы КоБС Республики Беларусь содержат преимущественно односторонние коллизионные нормы, что зачастую не позволяет объективно разрешить дело, исходя из фактических обстоятельств. Несомненно, положения КоБС Республики Беларусь следует пересмотреть: односторонние коллизионные привязки заменить двусторонними формулами прикрепления, а также разработать специальное коллизионное регулирование таких институтов, как личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов, права и обязанности родителей и детей, алиментные обязательства совершеннолетних детей и других членов семьи, договорные отношения в брачно-семейном праве (брачный договор, соглашение об алиментах, соглашение о детях, договор суррогатного материнства). Открытым в настоящее время остается вопрос: данные нормы следует оставить в КоБС Республики Беларусь или поместить в Закон о международном частном праве, концепция которого разрабатывается сотрудниками Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Литература

1. Бабкина, Е. В. Возможность унификации коллизионных вопросов брачно-семейных отношений в рамках Содружества Независимых Государств / Е. В. Бабкина, Н. С. Байбороша // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. Вып. 2 / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. Е. В. Бабкина, А. Е. Вашкевич. — Минск: БГУ, 2010. — С. 146—165.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 8 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
3. Зевков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Зевков. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 416 с.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
5. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 дек. 2011 г. № 518-IV ЗРК: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». — М., 2013.
6. Короткевич, М. П. Современные тенденции определения применимого права при расторжении браков с иностранными гражданами / М. П. Короткевич // Беларусь в современном мире: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 окт. 2011 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск, 2011. — С. 103—105.
7. Леанович, Е. Б. Брачный договор в международном частном праве / Е. Б. Леанович // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2006. — № 1. — С. 21—27.
8. Марышева, Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / Н. И. Марышева. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 328 с.
9. О международном частном праве: Закон Украины от 23 июня 2005 г. № 2709-IV [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». — М., 2013.
10. Семейный кодекс Азербайджанской Республики: утв. Законом Азербайджан. Респ. от 28 дек. 1999 г. № 781-IQ [Электронный ресурс] // Министерство по налогам Азербайджанской Республики. — Режим доступа: <http://vn.taxes.gov.az/2009/uploads/qanun/2011/mecelleler/aile_mecellesi_rus.pdf>. — Дата доступа: 10.06.2013.
11. Семейный кодекс Кыргызской Республики: принят Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ. 26 июня 2003 г.: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». — М., 2013.
12. Семейный кодекс Республики Армения от 8 дек. 2004 г. № НО-123: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // Там же.
13. Семейный кодекс Республики Молдова от 26 окт. 2000 г. № 1316-XIV: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // Там же.
14. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // Там же.
15. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30 апр. 1998 г.: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // Там же.
16. Семейный кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2013.
17. Семейный кодекс Туркменистана от 10 янв. 2012 г. №258-IV: текст по сост. на 1 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». — М., 2013.
18. Федосеева, Г. Ю. Некоторые особенности коллизионно-правового регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве Российской Федерации / Г. Ю. Федосеева // Право и государство: теория и практика. — 2007. — № 4. — С. 121—127.

«Коллизионные привязки в брачно-семейной сфере: новые подходы в законодательстве стран СНГ» (Наталья Анцух)

Статья посвящена определению коллизионных привязок, которые используются в брачно-семейной сфере, выявлению новых подходов коллизионного регулирования в данной области в законодательстве стран СНГ, а также формулированию предложений по совершенствованию норм белорусского семейного права, осложненного иностранным элементом.

«Adherences in the Family Law Sphere: New Approaches in the National Legislation of the CIS Countries» (Natalia Antsukh)

The article is devoted to the definition of adherences in the family law sphere and new conflict law regulation approaches to them in the national legislation of the CIS countries. The proposals are formulated for the improvement of the Belarusian legislation in the field of family law complicated with the foreign element.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2013 г.

АВТОНОМИЯ ВОЛИ: ТЕОРИИ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ

Сухроб Каримов

Автономия воли — один из базовых институтов международного частного права, основание которого лежит в развитии такого принципа частного права, как принцип диспозитивности. В настоящее время автономия воли пронизывает все трансграничные частноправовые отношения: договорные и внедоговорные, наследственные и брачно-семейные.

К исследованию вопроса автономии воли сторон в той или иной степени обращались многие представители международной частноправовой доктрины: Л. П. Ануфриева [1], А. В. Асоков [3], В. П. Звеков [5], Е. В. Кабатова [6], В. А. Канашевский [8], Л. А. Лунц [11], Д. Ф. Рамзайцев [18], А. А. Рубанов [19], В. Л. Толстых [20], Н. В. Трегубович [21], С. В. Третьяков [22] и др. Не оставлен данный вопрос без внимания и представителями западной доктрины: Дж. Билем [25], М. Вольфом [4], Д. К. Мосс [13], Л. Раапе [17], Т. Виналем [29] и др.

Целью настоящей статьи является определение правовой природы автономии воли сторон посредством анализа теорий, предположенных правовой доктриной и правоприменительной практикой, выявление их сильных и слабых сторон и формулирование предложений по развитию концепции, в большей мере соответствующей современному развитию науки и практики.

В доктрине международного частного права сложились следующие теории о правовой природе автономии воли сторон.

Хронологически первой возникла теория публично-правовой природы автономии воли сторон. Согласно данному подходу, истоки автономии воли лежат в международном публичном праве. Наиболее комплексно названная теория представлена в трудах известного итальянского ученого и государственного деятеля Паскуале Станислао Манчини (*Pasquale Stanislao Mancini*, 1817—1886). По его мнению, закрепление общепризнанных принципов международного права является международно-правовой обязанностью государств. В перечень таких принципов он включал: принцип гражданства, принцип суверенитета и принцип свободы. Под принципом свободы П. Манчини понимал «свободу договаривающихся сторон выбирать закон, который должен регулировать их договор» [см.: 4,

с. 54], причем в обязательственной сфере лицо по своему желанию может руководствоваться своим национальным законом, иными правилами, чем те, которые установлены национальными законами, либо нормами права иностранных государств [19, с. 224]. Российский исследователь теории автономии воли А. А. Рубанов современным адептом данного подхода называет немецкого ученого Нидерера, который относит автономию воли к международным обычаям, мотивируя это фактом повсеместного закрепления института автономии воли на национальном уровне. Аналогичного подхода придерживается Я. Крофоллер. Представитель советской школы Д. Ф. Рамзайцев называет автономию воли международно-правовым обычаем, основанным на принципах, признанных в международно-правовой практике государств [см.: 18].

На современном уровне развития международного публичного и международного частного права теорию международно-правовой природы автономии воли сторон трудно признать состоятельной.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации формулирует дефиницию общепризнанных принципов международного публичного права в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»: это основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонения от которых недопустимы. «Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного» [16].

Концепция «мирового права» П. Манчини осталась в прошлом. В настоящее время общепризнанно деление отраслей права в зависимости от предмета регулирования и субъектного состава регулируемых отношений и, как следствие, выделение особой системы принципов для каждой из отраслей. (Вместе с тем, данное заявление можно делать с определенной долей условности. Так, профессор В. Н. Карташов утверждает: «Нужно все общепризнан-

Автор:

Каримов Сухроб Саит-Мамедович — судья Суда Евразийского экономического сообщества

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Махмудова Лайли Шарофовна — кандидат юридических наук, помощник судьи Суда Евразийского экономического сообщества

ные принципы международного права разграничить, по крайней мере, на три группы: а) регулирующие отношения между государствами (принципы публичного права); б) регулирующие частные (между гражданами/подданными различных стран, их коллективами и частными организациями) отношения (принципы частного права); в) смешанные принципы (опосредующие связи государство — гражданин/подданный, государственный орган — субъект трудовых, имущественных, семейных и иных правоотношений) [9] «...Нельзя сказать, что те же самые принципы (*принципы международного публичного права* (курсив наш. — С. К.)) непосредственно определяют и гражданско-правовые отношения, регулируемые международным частным правом, например отношения между разнонациональными юридическими лицами по внешнеэкономической сделке [12, с. 18].

Трудно не согласиться с суждением профессора И. И. Лукашука о том, что «попытки распространить действие той или иной системы права на принципиально отличные общественные отношения, которые не отвечают основным чертам данной системы, не могут дать положительного результата» [10, с. 97].

Принцип автономии воли сторон не отвечает требованиям к применению принципов международного публичного права: государства обязаны руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и развивать свои взаимоотношения на основе их строгого соблюдения. Неприменение автономии воли сторон государством, т. е. отсутствие правового закрепления данного института во внутреннем праве никак не может рассматриваться в качестве нарушения государством своих международно-правовых обязательств. «Признание принципа автономии воли большинством развитых национальных правовых систем не делает его обязательной международной нормой и тем более не выводит из сферы частного права и внутригосударственного права отдельных стран» [22, с. 21].

Согласно другой теории, автономия воли представляет собой самостоятельный источник права, который может исключить применение коллизии стадий. Классическим примером применения данного подхода является решение по делу *American Trading Co. v. Quebec Steamship Co.*, вынесенное Кассационным судом Франции 5 декабря 1910 г. Спор вытекал из исполнения договора морской перевозки грузов, подчиненного сторонами праву штата Нью-Йорк. Коносамент содержал условие об исключении установленной законодательством ответственности перевозчика за повреждение груза в случае грубой небрежности капитана судна. Данное условие допускалось французским правом, но признавалось недействительным по праву штата Нью-Йорк. Суд, разрешая спор, постановил, что приме-

няется условие, согласованное сторонами, и что выбор сторонами права одного из американских штатов не должен затрагивать те условия, о которых стороны договорились в договоре: «применимое право становится таковым только в результате воли сторон, а потому оно не может иметь преимущества перед согласованными сторонами условиями договора» [3, с. 32].

Долгое время данная теория критиковалась англосаксонской доктриной и правоприменительной практикой. А. В. Асосков цитирует выводы американского суда в решении 1931 г. по делу *E. Gerly & Co. v. Cunard S.S. Co.*: «Люди не могут по соглашению между собой заменить применимое право. ...Соглашение не является контрактом. Пока право не признало его таковым, это попытка поднять себя вверх за собственные шнурки от ботинок. Какое-то право должно наложить обязанность, и стороны ничего не могут с этим поделать — не более чем в вопросе о том, являются ли их действия правонарушением или преступлением» [3, с. 33]. По мнению Дж. Биля, профессора Гарвардского университета, автора первого свода конфликтного права, «определять право, применимое к правоотношению, — есть функция права, и давать сторонам правомочие выбора применимого права значит наделять их законодательными функциями» [25].

Модельный гражданский кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств (часть третья) закреплял за автономией воли сторон роль полноценного источника права: «Право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложненным иным иностранным элементом, определяется на основании настоящего Кодекса, иных законов, международных договоров и признаваемых международных обычаев, а также на основании соглашения сторон» (ч. 1 ст. 1194) [15]. Следует отметить, что и в настоящее время законы некоторых государств предусматривают автономию воли отдельным основанием применения иностранного права. В качестве примера можно привести статью 1.2 Закона о международном частном праве Азербайджана от 6 июня 2000 г. [14]. Некоторые современные законы наделяют автономию воли статусом самостоятельного источника права с определенной оговоркой: «в соответствии с положениями настоящего закона». Например, статья 3 Закона о международном частном праве Китая от 28 октября 2010 г. устанавливает: «Стороны могут явным образом выбрать право, применимое к их трансграничным частным отношениям в соответствии с положениями настоящего Закона» [27]. Этот же аспект «законных оснований для автономии воли мы видим и в классической французской норме: согласно статье 1134 Гражданского кодекса Франции,

«соглашения, законно заключенные, занимают место закона для лиц, их заключивших» [26]. Французский коллизинист Т. Виналь подчеркивает, что «договорная свобода ограничена рамками, установленными законом» [29, р. 254]. В сфере применения статьи 1134 французского Гражданского кодекса включаются все аспекты договорных отношений: порядок заключения и условия действительности, обязательность исполнения договора, автономия воли сторон и т. д. [7, с. 105].

Безусловно, нельзя согласиться с идеей наделения автономии воли сторон ролью полноценного источника права. Основой позитивистской концепции права является рассмотрение догматических конструкций в качестве содержания правовых норм и сведение понятия правовой формы к анализу формальных отношений между нормами права [2, с. 13—40]. Нормы права «устанавливают акты принуждения, которые могут быть приписаны правому сообществу» [23, с. 112]. Исходным постулатом юридического позитивизма может служить высказывание: «Право может быть только твердым, мягкого же права быть не может» [28, р. 302], что делает невозможным признание за сторонами роли полноценного субъекта нормотворчества. Все же следует признать, что источником придания воле сторон соответствующего правового статуса, «санкционирования» автономии воли должен быть нормативный правовой акт: международный договор или национальное законодательство.

Третья теория, имевшая доминирующее положение в недалеком прошлом, это теория коллизинной природы института автономии воли. Адепты данного подхода не видят специфики действия механизма определения применимого права на основании автономии воли сторон по сравнению с коллизинным методом: «Критерием привязки и одновременно основанием привязки может служить и столь субъективный факт, как воля сторон» [17, с. 426]. Аналогичную точку зрения высказывает классик советского международного частного права Л. А. Лунц: «Нельзя, конечно, рассматривать автономию воли как один из источников коллизинного права наряду с законом или международным соглашением. Принцип автономии воли надо понимать как одно из коллизинных начал действующего права данного государства. Автономия воли является не источником коллизинного права, а одной из коллизинных норм или одним из коллизинных институтов права, установленных внутренним правопорядком государства или его международным соглашением» [11, с. 201—203]. Названный подход наблюдается и в работах некоторых современных авторов. Так, Д. К. Мосс заключает, что автономия воли понимается не только как коллизинная норма, но также как своеобразный способ регулирования отношений с иностранным

элементом [13, с. 8]. Относят автономию воли к типам коллизинных привязок и российские исследователи В. А. Канашевский [8, с. 97—98] и В. Л. Толстых: «Соглашение о выборе права не является самостоятельной коллизинной нормой, оно является привязкой коллизинной нормы... Тот факт, что данный институт основан на воле сторон, а не на некоем объективном обстоятельстве, не подтверждает принципиально иной природы автономии воли, отличающейся от природы коллизинной нормы» [20, с. 119]. А. В. Асосков видит причину широкого применения коллизинной теории природы автономии воли сторон в чисто позитивистском и узкоколлизинном понимании международного частного права германской правовой традицией, к которой тяготеет советская и постсоветская доктрина [3, с. 35]. Представляется, что причины такого явления кроются в другом. Дело в том, что, согласно классическому подходу, материально-правовая норма в отличие от своей противоположности — коллизинной нормы, характеризующейся отсылочным характером, должна устанавливать конкретные права и обязанности сторон правоотношения. Однако следует отметить, что норма об автономии воли имеет черты материально-правовой нормы, что будет аргументировано ниже.

Коллизинная теория автономии воли получила развитие в теории локализации, сформулированной французским ученым А. Батиффолем. Он не признавал, что стороны могут определять право, применимое к договору. По его мнению, они вправе только «локализовать» его, т. е. определить элементы, позволяющие «прикрепить» его к одному из государств: государству места заключения или государству места исполнения [см.: 29, р. 256—257]. Данная теория получила название «монистической», поскольку не имеет значения, выбрали стороны применимое право или нет. А. Батиффоль выделяет субъективную локализацию: стороны выбрали применимое право и такой выбор является одним из «элементов», фактических обстоятельств, наряду с другими, позволяющими суду локализовать договор, причем выбор права сторонами может быть устранен другими элементами, и объективную локализацию: воля не обозначена в контракте, и суд, оценивая один за одним элементы договора, ищет государство, в котором можно локализовать договор [см.: 29, р. 257].

Теория А. Батиффоля не была воспринята французским законодателем, но активно применялась судебными органами. Одним из самых ярких примеров является решение, вынесенное 25 марта 1980 г. Первой палатой Кассационного суда Франции по делу *Mercator Press*. В данном решении по иску коммерческого агента *Chavalle* (Франция) к своему принципалу, обществу *Mercator Press* (Бельгия), ставился вопрос о выплате компенсации

за прекращение агентского договора. Такого рода компенсация была в то время установлена французским правом и не предусматривалась бельгийскими нормами. Суд постановил, что несмотря на то, что стороны выбрали в договоре применимым правом право Бельгии, подлежит применению французское право как право государства локализации договора [24].

Теория А. Батиффоля критикуется за противоречие одному из основных принципов современного права — принципу правовой определенности, предсказуемости. Сама же коллизийная теория автономии воли сторон в целом не может разрешить серьезного противоречия: классические коллизийные привязки, согласно теории Ф. К. фон Савиньи, указывают на фактические обстоятельства, связывающие правоотношение с тем или иным правопорядком. Автономия воли как инструмент разрыва таких связей, неподчинения им выбивается из этого стройного логического ряда, просто не укладывается в эту систему норм.

Ответом на недостатки коллизийной теории автономии воли сторон, а также на расширение частнопроводных трансграничных отношений выступила материально-правовая теория автономии воли. Согласно данному подходу, источником автономии воли выступает особая материально-правовая норма, принадлежащая праву страны суда, которая наделяет выбор сторонами применимого права правовым статусом юридического факта, на основе которого определяется статут договорного отношения. Такая норма выполняет негативную и позитивную функцию. Негативная функция заключается в возможности отказа сторонами от применения отечественных норм, направленных на регулирование внутренних правоотношений, без учета специфики, привноси-

мой «иностранным элементом». Кроме того, негативная функция проявляется в отмене императивности коллизийных норм данного государства, наделении их субсидиарным характером. Позитивная функция состоит в определении пределов автономии воли сторон (ограниченная или неограниченная, применима к части договора или нет, возможность изменения сделанного ранее выбора), а также средств выражения воли (воля явно выраженная или подразумеваемая) [22, с. 106—107].

Таким образом, выявив недостатки приведенных в хронологическом порядке теорий правовой природы автономии воли сторон, следует констатировать логичность и обоснованность материально-правовой концепции института автономии воли, соответствие ее современному уровню развития частнопроводных трансграничных отношений и сложившейся системе принципов права (диспозитивности, правовой определенности). Использование данной теории может послужить дальнейшему развитию института автономии, ее дифференциации и усложнению. В полной мере соглашаясь с постулатами данной теории, необходимо отметить, что институт автономии воли давно перерос статус нормы. В настоящее время его статус в качестве принципа международного частного права общепризнан. Такой вывод объясняется, во-первых, повсеместным закреплением данного правила в международных договорах и национальном законодательстве для регулирования договорных отношений, во-вторых, расширением сферы применения автономии воли и распространением ее не только на договорные, но и на внедоговорные, определенные брачно-семейные и некоторые наследственные отношения.

Литература

1. Ануфриева, Л. П. Международное частное право: учебник. В 3 т. Т. 2: Особенная часть / Л. П. Ануфриева. — 2-е изд., перер. и доп. — М.: БЕК, 2002. — 644 с.
2. Аскназий, С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. Сер. «Классика российской цивилистики» / С. И. Аскназий. — М.: Статут, 2008. — 864 с.
3. Асосков, А. В. Коллизийное регулирование договорных обязательств / А. В. Асосков. — М.: Инфотропик Медиа, 2012. — 640 с.
4. Вольф, М. Международное частное право / М. Вольф; пер. с англ. С. М. Рапопорт; под ред. и с предисл. Л. А. Лунца / М. Вольф. — М.: Госизд. иностр. лит., 1948. — 702 с.
5. Звеков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 416 с.
6. Кабатова, Е. В. Отдельные соображения о развитии современного международного частного права / Е. В. Кабатова // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. — М.: Статут, 2006. — С. 95—102.
7. Каминская, Е. И. Проявление принципа автономии воли сторон в договорном праве США / Е. И. Каминская // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. К 80-летию В. А. Кабатова: сб. ст. / под ред. С. Н. Лебедева. — М.: Статут, 2006. — 284 с.
8. Канашевский, В. А. Международное частное право: учебник. Изд. 2-е, доп. / В. А. Канашевский. — М.: Международные отношения, 2009. — 752 с.
9. Карташов, В. Н. О сущности и некоторых видах общепризнанных принципов международного права / В. Н. Карташов [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр». — М., 2013.
10. Лукашук, И. И. Международно-правовое регулирование международных отношений (системный подход) / И. И. Лукашук. — М.: Международные отношения, 1975. — 175 с.
11. Лунц, Л. А. Международное частное право / Л. А. Лунц. — М.: Юрид. лит., 1970. — 360 с.
12. Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть / А. И. Абдуллин [и др.]; под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. — М.: Статут, 2011. — 400 с.
13. Мосс, Д. К. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража / Д. К. Мосс. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. — 83 с.

14. О международном частном праве: Закон Азербайджан. Респ. от 6 июня 2000 г. № 889 ІГ [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2013.
15. О Модельном гражданском кодексе для государств — участников Содружества Независимых Государств (часть третья): постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февр. 1996 г. № 7-4 [Электронный ресурс] // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. — 1996. — № 10. — С. 3—84.
16. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр». — М., 2013.
17. Раапе, Л. Международное частное право / под ред. и с предисл. Л. А. Лунца; сокр. пер. с 4-го нем. изд. А. М. Гурвича. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — 607 с.
18. Рамзайцев, Д. Ф. Договор купли-продажи во внешней торговле СССР / Д. Ф. Рамзайцев. — М.: Внешторгиздат, 1961. — С. 53—55.
19. Рубанов, А. А. Институт «автономии воли» в международном частном праве как теоретическая проблема / А. А. Рубанов // Сов. ежегодник междунар. права. 1986. — М., 1987. — С. 214—228.
20. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 526 с.
21. Трегубович, Н. В. Автономия воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. В. Трегубович; Саратов. гос. акад. права. — Саратов, 1999. — 161 с.
22. Третьяков, С. В. Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С. В. Третьяков; МГУ. — М., 2003. — 204 с.
23. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987) // Теория государства и права: хрестоматия. Т. 2 / авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. — М.: Юрист, 2001. — 604 с.
24. Arrêt Cour de Cassation Chambre civile 1 du 25 mars 1980 [Electronic resource] // easydroit.fr: Le droit pour tous. — Mode of access: <<http://www.easydroit.fr/jurisprudence/Cour-de-Cassation-Chambre-civile-1-du-25-mars-1980-78-15-862-Public-au-bulletin/C30141>>. — Date of access: 21.11.2013.
25. Beale, J. H. A treatise on the conflict of laws / J. H. Beale [Electronic resource] // Constitution Society. — Mode of access: <http://www.constitution.org/cmt/jhb/conflict_laws.htm>. — Date of access: 19.11.2013.
26. Code civil: Version consolidée au 1 septembre 2013 [Electronic resource] // Legifrance. Le service public de la diffusion de droit. — Mode of access: <<http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721>>. — Date of access: 21.11.2013.
27. Law of the People's Republic of China on the laws applicable to foreign-related civil relations [Electronic resource] // Conflict of Laws.net. — Mode of access: <<http://conflictoflaws.net/News/2011/01/PIL-China.pdf>>. — Date of access: 19.10.2013.
28. Simma, B. Symposium on Method of International Law: The Responsibility of Individuals for Human Rights Abuses in Internal Conflicts: a Positivist View / B. Simma, A. L. Paulus // American Journal of International Law. — 1999. — Vol. 93. — P. 302—316.
29. Vignal, T. Droit international privé: 2e ed. / T. Vignal. — Paris: Edition Dalloz, 2011. — 519 p.

«Автономия воли: теории о правовой природе» (Сухроб Каримов)

В статье рассматриваются теории правовой природы автономии воли в международном частном праве. Определяя особенности каждой из теорий, автор предлагает подходы к уточнению теории материально-правовой природы автономии воли сторон.

«The Will Autonomy: Theories on the Legal Nature» (Sukhrob Karimov)

The article is devoted to the theory of the legal nature of the will autonomy in the international private law. Identifying peculiarities of each theory, the author offers his own approaches towards clarification of the theory of substantive nature of the parties' will autonomy.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2013 г.

ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ПРИМЕНЕНИЕ КОЛЛИЗИОННОГО МЕТОДА РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО АГЕНТСКОГО ДОГОВОРА, ДИСТРИБЬЮТОРСКОГО ДОГОВОРА И ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА: ОПЫТ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Юлия Борель

Наряду с договором купли-продажи дистрибьюторский договор, агентский договор и договор сбытового франчайзинга являются, пожалуй, наиболее распространенными в практике международной торговли. Тем не менее, при заключении данных международных договоров следует учитывать наличие такого механизма, как «императивные нормы», ограничивающего применение коллизионного метода регулирования договоров. В Европейском союзе (далее — ЕС), одном из основных торговых партнеров Республики Беларусь, такие нормы содержатся в антимонопольном законодательстве. Заключение дистрибьюторского договора, агентского договора и договора франчайзинга с контрагентами из ЕС без учета соответствующего антимонопольного регулирования может привести к различным негативным последствиям вплоть до недействительности договора.

Тематике антимонопольного регулирования в ЕС посвящен ряд публикаций зарубежных авторов (В. Кора, Д. о'Салливан [21], Ф. Вийкманс [24] и др.). Изменения в данной сфере отражены в работах Р. Кристоу [22], И. Ван Бэля [23]. Тем не менее, изучение последних изменений антимонопольного законодательства ЕС, а также сравнительный анализ соответствующего регулирования в Республике Беларусь и ЕС отечественными авторами не проводились. Разработка нового законодательства в сфере антимонопольного регулирования в Республике Беларусь добавляет актуальности выбранной тематике.

Целью статьи является выявление условий международного дистрибьюторского договора, агентского договора и договора франчайзинга, которые могут противоречить отечественному антимонопольному законодательству и соответствующему законодательству ЕС, а также сравнительный анализ порядка антимонопольного регулирования таких догово-

ров. Объектом исследования выступают правоотношения, связанные с заключением и исполнением международного дистрибьюторского договора, агентского договора и договора франчайзинга.

Как отмечается в регламенте Европейского парламента и Совета ЕС о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам, от 17 июня 2008 г., несмотря на возможность сторон выбрать применимое к договору право (ст. 3), а также закрепление коллизионной привязки «право франчайзи» и «право дистрибьютора» в отсутствие такого выбора (ст. 4), статья 9 содержит положения, ограничивающие автономию воли сторон в договоре, а также применение коллизионных привязок, закрепленных в регламенте, в том числе и названных ранее, в случае наличия «преобладающих императивных положений права суда», а также «права страны, где возникающие на основании договора обязательства должны быть или были исполнены». К таким преобладающим императивным положениям суды ЕС относят антимонопольное регулирование ЕС [8].

Существует ряд распространенных в мировой практике дополнительных условий, общих для дистрибьюторского договора, агентского договора и договора сбытового франчайзинга как внутреннего, так и международного характера, которые потенциально могут затрагивать антимонопольное законодательство государств. К ним можно отнести условия об исключительности (эксклюзивности) договора и об установлении цены перепродажи товаров (в меньшей степени относится к агентскому договору).

Условия об исключительности (эксклюзивности) в большей степени характерны для дистрибьюторского договора и договора франчайзинга. В отношении дистрибьюторского договора такое условие закреплено в статье 4:101

Автор:

Борель Юлия Сергеевна — младший научный сотрудник Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Рецензенты:

Данилевич Александр Станиславович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Михалёва Татьяна Николаевна — кандидат юридических наук, заместитель руководителя Института — начальник отделения исследований в области государственного строительства и международного права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Принципов европейского договорного права (далее — ПЕДП) [20], пунктах 4.3.2, 4.3.6, 4.5, 4.6.1 Типового международного дистрибьюторского договора, разработанного Р. Кристоу [22]. Международная торговая палата (далее — МТП) при разработке Типового международного дистрибьюторского договора (далее — ТМДД) сконцентрировалась именно на его эксклюзивном варианте как самом распространенном в практике международной торговли [15].

Дистрибьютор осуществляет перепродажу товара на определенной территории (ст. 3.2 ТМДД), т. е. за ним закрепляется определенная географическая территория. Поставщик не вправе продавать товары на такой территории самостоятельно или сбывать по договорам через других лиц (дистрибьюторов, агентов и т. д.) (ст. 16.1 ТМДД). Публикация МТП предлагает для большей защиты прав эксклюзивного дистрибьютора запретить поставщику продавать товары даже за территорией, закрепленной за дистрибьютором, если поставщик знает или должен знать, что покупатели таких товаров собираются перепродавать их на данной территории (ст. 16.2 (b) ТМДД). Стороны вольны решать, следует включать такое условие в договор или нет (ст. 16.2 (a), (b) ТМДД). При наличии в международном дистрибьюторском договоре таких условий уже можно говорить о его эксклюзивности. Тем не менее, практика показывает, что поставщики, предоставляя эксклюзивные права дистрибьюторам, также заинтересованы в некоторых гарантиях (для себя и остальных дистрибьюторов (агентов и т. д.) своей товаропроводящей сети). Такие гарантии возможны, если дистрибьютор возьмет на себя обязательство не продавать товары за пределами своей территории. Запрет может касаться любых продаж. Более того, как вариант статьи 12 (b) в типовом договоре предлагается запретить дистрибьюторам продавать товары даже на своей территории клиентам, в отношении которых есть разумные основания полагать, что они собираются перепродавать товары за пределами территории. Запрет может касаться только так называемых «активных продаж». «Пассивные продажи» (продажа через Интернет) могут быть разрешены (вариант предложен в ст. 12 (a) ТМДД).

Так называемое «условие о неконкуренции» со стороны дистрибьютора, на наш взгляд, следует рассматривать как продолжение или в контексте условия об исключительности (эксклюзивности). При предоставлении «*carte blanche*» дистрибьютору на определенной территории логичным является желание поставщика, чтобы дистрибьютор успешно сбывал его товары и занимался увеличением сбыта. Это в большей степени возможно при концентрации на сбыте товаров только одного поставщика. Так, статья 4 Типового международного дистрибьюторского договора МТП за-

прещает без письменного разрешения поставщика на протяжении действия договора представлять, производить, продавать, перепродавать на закрепленной за дистрибьютором территории любые товары, которые могут составить конкуренцию товарам, по поводу которых заключен дистрибьюторский договор.

Международные документы рекомендательного характера по поводу договора франчайзинга не содержат подробных положений о данных условиях, хотя это не исключает возможности их включения в договор. Практика и комментарии в доктрине позволяют говорить о том, что условия исключительности являются довольно распространенными в данном договоре [12, с. 106; 14, с. 202]. Сторонам никто не мешает воспользоваться характеристиками в документах рекомендательного характера в отношении дистрибьюторского договора.

В законодательстве Республики Беларусь такие условия названы условиями «ограничения прав сторон по договору франчайзинга» и также отнесены к дополнительным (ст. 910-5 Гражданского кодекса Республики Беларусь) [2]. Но такие ограничения прав сторон по договору франчайзинга могут быть признаны судом недействительными по требованию антимонопольного органа или иного заинтересованного лица.

Условие эксклюзивности также встречается и в агентских договорах. ПЕДП и директива № 86/653 Совета ЕС от 18 декабря 1986 г. о координации законодательства государств — членов ЕС по вопросу о независимых торговых агентах (далее — Директива) [18] регулируют лишь вопрос вознаграждения агента по такому договору. Статья 2:301 ПЕДП и статья 7(2) Директивы устанавливают право агента на вознаграждение по сделкам, заключенным с клиентами на закрепленной за ним территории (даже без его непосредственного участия). Данное условие более подробно рассмотрено в статье 11 Типового международного агентского договора МТП [см.: 1, с. 158—187] и прокомментировано в пункте 7 Руководства к нему [1, с. 137—158], пунктах 3.3.8, 3.3.9, 3.4.3 Типового международного агентского договора Р. Кристоу [22]. Условие о неконкуренции, закрепленное в пункте 10-г Руководства, раскрыто схожим с обозначенным выше способом. Статья 20 Директивы посвящена оговорке о неконкуренции как соглашению, ограничивающему профессиональную деятельность агента после прекращения с ним соглашения.

Условие об установлении цены перепродажи товаров устанавливается ПЕДП в контексте обязанности сторон информировать друг друга. Статья 2:307 ПЕДП обязывает принципала сообщить агенту цену и условия продажи товара, статьи 3:205 и 4:202 ПЕДП обязывают франчайзера и поставщика сообщить соответственно франчайзи и дистрибьютору рекомендованную цену перепродажи товара. Так

как речь идет о рекомендованной цене, весьма условно можно говорить об установлении цены перепродажи. Все же такое условие является весьма распространенным, что позволило включить его в Типовой международный дистрибьюторский договор МТП (ст. 11). Схожее условие содержится в пункте 4.9.2 Типового международного дистрибьюторского договора, разработанного Р. Кристоу.

Антимонопольное законодательство ЕС. Статья 101 Договора о функционировании Европейского союза (далее — Договор о ЕС) [17] запрещает определенные виды поведения, которые способны затрагивать торговлю между государствами-членами и имеют целью или результатом создание препятствий для конкуренции в рамках внутреннего рынка, ее ограничение или искажение. Такое поведение (выражающееся в соглашении либо согласованной практике) может заключаться в том числе и в «фиксировании прямым или косвенным образом цен покупки или продажи либо других условий торговли», а также «разделе рынков...» и др. Часть вторая статьи 101 закрепляет ничтожность таких соглашений и решений как санкцию за нарушение данного запрета. Часть третья статьи 101 Договора о ЕС устанавливает условия для исключения (изъятия) из-под запрета.

Регламент Комиссии от 20 апреля 2010 г. по применению статьи 101(3) Договора о функционировании Европейского союза по категориям вертикальных соглашений и практик № 330/2010 (далее — регламент 330/2010) [16] исключает из сферы действия антимонопольных ограничений, закрепленных в части первой статьи 101 Договора о ЕС, вертикальные соглашения. Регламент 330/2010 применим к торговле как товарами, так и услугами. Далее речь пойдет о продаже товаров.

Статус дистрибьюторского договора и договора (сбытового) франчайзинга. По общему правилу данные договоры, являясь договорами между двумя или более предприятиями, каждое из которых осуществляет свою деятельность на различных уровнях товарно-сбытовой сети, исключены регламентом 330/2010 из-под действия антимонопольных запретов статьи 101 Договора о ЕС, так как являются вертикальными в соответствии с определением, приведенным в статье 1 регламента. В то же время документ содержит ряд требований как к сторонам такого соглашения, так и его содержанию. В случае, когда одной из сторон такого договора является ассоциация предприятий, устанавливается ограничение, по которому общий годовое оборот каждого члена (торгующего в розницу) такой ассоциации не должен превышать 50 млн евро (ч. 2 ст. 2 регламента 330/2010). Доля как поставщика, так и покупателя (дистрибьютора и др.) товаров не должна превышать 30 % на соответствующих рынках (ст. 3 регламента 330/2010).

Вместе с тем, ряд условий в вертикальном договоре запрещен. Так, под запретом установление цены перепродажи товара; разрешено включить в договор лишь условие о максимальной или рекомендованной цене (ст. 4 (а) регламента 330/2010).

В отношении условий исключительности регламент 330/2010 содержит следующие положения. По общему правилу ограничение территории или круга лиц для перепродажи товаров также запрещено (ст. 4 (b)). Тем не менее, поставщик вправе: 1) запретить (ограничить) только так называемую «активную торговлю» на определенных территории или кругу клиентов, закрепленных за поставщиком или другим дистрибьютором (франчайзи) (ст. 4 (b) (i)); 2) в сети выборочного сбыта (*selective distribution system*) запретить участникам на территории действия такой сети перепродажу товаров неавторизованным дистрибьюторам (ст. 4 (b)(iii)), в то же время запретить такую продажу конечным потребителям нельзя (ст. 4 (c)); 3) ограничить либо запретить право покупателя (дистрибьютора) перепродавать части и детали, поставляемые для сборки, клиентам, которыми такие части и детали в дальнейшем будут использованы для производства аналогичных товаров (ст. 4 (b)(iv)), однако запретить продажу самим поставщиком запасных частей и деталей конечным потребителям, а также в сервисные центры покупатель (дистрибьютор) не может (ст. 4(e)); 4) ограничить право покупателя (дистрибьютора)-оптовика перепродавать товар конечному потребителю (ст. 4 (b)(iii)). Активной торговлей в соответствии с Руководством по вертикальным ограничениям, являющимся приложением к регламенту 330/2010 (далее — Руководство по вертикальным ограничениям), считается торговля в прямом смысле слова в отличие, например, от ситуации, когда покупатель самостоятельно вышел на продавца, заметив рекламу в Интернете, или заказал товар на его сайте. Такая торговля считается пассивной [19]. Договоры, содержащие хотя бы одно из таких запрещенных условий, являются ничтожными (ч. 2 ст. 101 Договора о ЕС). Как видно, законодателем при составлении регламента 330/2010 было рассмотрено множество конкретных ситуаций, возникающих на рынке товаров и услуг, каждой из которых была дана оценка в зависимости от ее положительного или отрицательного влияния на развитие конкуренции, о чем свидетельствует также и преамбула документа.

Таким образом, возможность (хотя и с некоторыми нюансами) включения условий о запрете дистрибьютору (франчайзи) активной торговли на определенной территории (кругу лиц в сети выборочного сбыта) предоставляет право сторонам заключать исключительные дистрибьюторские договоры и договоры сбытового франчайзинга. Следует обратить внимание, что такой запрет в соответствии с ан-

тимонопольным регулированием в ЕС может действовать только на территориях, закрепленных за поставщиком или другими дистрибьюторами и обозначенных в договоре, а не на всей территории за пределами той, которая закреплена за дистрибьютором, как это определено в Типовом международном дистрибьюторском договоре МТП.

Авторами документа были разработаны правила и в отношении «условий о неконкуренции». В соответствии со статьей 5 (1)(b) регламента 330/2010 запрещено прямым или косвенным способом возлагать на покупателя (дистрибьютора) обязанность воздержаться от производства, покупки и продажи товаров после прекращения договора. Более того, включать в договор «условие о неконкуренции» на неопределенный срок или срок, превышающий пять лет (ст. 5 (1)(a)), условие членам системы выборочного сбыта воздержаться от продажи товаров под маркой определенных конкурирующих поставщиков (ст. 5 (1)(c)) также запрещены.

Особый статус агентского договора. Общий запрет статьи 101 (1) Договора о ЕС применяется, в том числе, и к соглашениям между предприятиями. В судебной практике ЕС было дано толкование понятия «предприятия» для целей статьи 101. Кратко можно обозначить, что агент и принципал считаются единым целым предприятием, так как первый выступает от имени и за счет второго, не несет финансовых рисков. Таким образом, само соглашение между предприятиями отсутствует, а следовательно, запреты статьи 101 неприменимы. В то же время существует ряд исключений, когда агент признается самостоятельным с экономической точки зрения (т. е. предприятием) [13], о чем свидетельствует правоприменительная практика и комментарии Руководства по вертикальным ограничениям [19]. В таких случаях запрет статьи 101 применим, а следовательно, и справедливы все правила регламента 330/2010, обозначенные ранее для дистрибьюторского договора и договора сбытового франчайзинга.

Антимонопольное законодательство Республики Беларусь. Изучение статьи 6 Закона Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. № 2034-ХІІ «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее — Закон) [9] позволяет сделать вывод о том, что любой договор, который имеет целью или результатом «раздел товарного рынка по территориальному принципу; по видам, объемам сделок; по видам, объемам товаров и их ценам; по кругу потребителей и т. д.», является недействительным, а также запрещенным. Закон содержит лишь разрешительный порядок для таких договоров. Лица, намеревающиеся заключить соглашения с такими условиями, имеют право запросить заключение антимонопольного органа о соответствии

соглашений хозяйствующих субъектов антимонопольному законодательству. На практике такое заключение было вынесено лишь однажды [5]. Таким образом, распространенные и привлекательные с экономической точки зрения для сторон договора условия в соответствии с отечественным законодательством являются незаконными.

В настоящее время ведется активная работа по реформированию законодательства о защите конкуренции в рамках Единого экономического пространства. После принятия 9 декабря 2010 г. Соглашения о единых принципах и правилах конкуренции между Республикой Казахстан, Российской Федерацией и Республикой Беларусь [10] (далее — Соглашение) началось обсуждение проекта Модельного закона о защите конкуренции Единого экономического пространства [6], разработанного во исполнение данного Соглашения (ст. 30). Решением Высшего Евразийского экономического совета от 24 октября 2013 г. № 50 был утвержден окончательный вариант Модельного закона «О конкуренции» (далее — Модельный закон) [7], параллельно в Палате представителей Республики Беларусь рассматривается проект нового Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», обеспечивающий имплементацию положений Соглашения в национальное законодательство [11]. Так как источником всех проводимых реформ является именно Соглашение, рассмотрим его положения в отношении вертикальных договоров (соглашений).

Статьи 10—11 Соглашения содержат довольно сложные для восприятия правила в отношении вертикальных соглашений. Статья 11 относит договор коммерческой концессии к безусловно допустимому вертикальному соглашению (как следует из ст.ст. 10—11, без дополнительных условий и требований). Доля каждого хозяйствующего субъекта — участника такого соглашения не должна превышать 20 % на любом товарном рынке. О статусе остальных вертикальных соглашений структура норм Соглашения позволяет лишь строить предположения. Полагаем, что составители Соглашения относят остальные вертикальные соглашения к разрешимым при определенных условиях. Запрещено устанавливать в таких соглашениях цену перепродажи (максимальную цену устанавливать можно), а также запрещено обязательство покупателя не продавать товар субъекта рынка, который является конкурентом продавца (п. 2 ст. 10).

Основные проблемы для понимания вызывает пункт 1 статьи 11, из которого следует, что любые соглашения (за исключением вертикальных) могут быть признаны допустимыми, «если они не накладывают на хозяйствующие субъекты (субъекты рынка) ограничения, не являющиеся необходимыми для достижения целей этих соглашений, и не создают воз-

возможность для устранения конкуренции на соответствующем товарном рынке и если хозяйствующие субъекты (субъекты рынка) докажут, что такие соглашения имеют или могут иметь своим результатом: содействие совершенствованию производства (реализации) товаров или стимулированию технического (экономического) прогресса либо повышение конкурентоспособности товаров производства Сторон на мировом товарном рынке; получение потребителями соразмерной части преимуществ (выгод), которые приобретаются соответствующими лицами от совершения таких действий». Таким образом, вертикальные соглашения, для которых установлен более льготный режим по сравнению со всеми остальными (ст. 10 Соглашения), что, в принципе, соответствует мировой практике (например, в ЕС), теряют такой режим по статье 11. Стороны вертикального соглашения (в отличие от любого другого соглашения, содержащего аналогичное условие о запрете покупателю продавать товар субъекта рынка, который является конкурентом продавца (см. п. 2 ст. 10)) не допускаются к процедуре признания таких соглашений допустимыми в соответствии с пунктом 1 статьи 11.

Сомнение вызывает целесообразность наделяния особым статусом именно договора коммерческой концессии. Невозможно выделить какие-либо его черты, позволяющие говорить о его особом влиянии на развитие конкуренции (в отличие от других вертикальных соглашений). Более того, из трех государств — участников Соглашения договор под таким наименованием получил закрепление лишь в законодательстве Российской Федерации (ст. 1027 ГК) [4]. Несмотря на то, что аналогичные договоры со схожим предметом фактически урегулированы в ГК Республики Беларусь (ст. 910) [2] и ГК Республики Казахстан (ст. 896) [3] под наименованием «договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинг)», *de jure* на них не может быть распространен льготный режим, предусмотренный Соглашением для договоров коммерческой концессии. Более того, не может распространяться такой режим и на договоры, фактически являющиеся договорами коммерческой концессии по российскому законодательству, но названные сторонами каким-либо другим образом, так как определение понятия данного договора отсутствует в Соглашении.

Статья 12 (2) Модельного закона [7] содержит аналогичный содержащемуся в Соглашении список запрещенных условий вертикальных соглашений. Дополнительно устанавливается запрет на включение в вертикальное соглашение условия, обязывающего продавца не продавать товар субъекту рынка, который является конкурентом покупателя [7] (в первоначальном варианте такой запрет отсутствовал (ст. 11 (2) проекта) [6]). Таким образом, любое «условие о неконкуренции» — под запретом.

Модельный закон более детально регламентирует статус вертикальных соглашений. Из норм Закона следует, что вертикальные соглашения (даже устанавливающие цену перепродажи товара и «условие о неконкуренции») могут быть признаны допустимыми, если данными соглашениями «не создается возможность для отдельных лиц устранить конкуренцию на соответствующем товарном рынке, не налагаются на их участников или третьих лиц ограничения, не соответствующие достижению целей таких соглашений.., а также если их результатом является или может являться: 1) совершенствование производства, реализации товаров или стимулирование технического, экономического прогресса либо повышение конкурентоспособности товаров национального производства на мировом рынке; 2) получение покупателями преимуществ (выгод), соразмерных... полученным хозяйствующими субъектами в результате... сделок» (ст. 14 (1)). Хозяйствующий субъект наделяется правом представить доказательства, что заключенное им соглашение может быть признано допустимым по обозначенным выше основаниям (ст. 12 (6) Модельного закона). Допускаются соглашения в письменной форме, если они являются договорами коммерческой концессии (ст. 14 (3) Модельного закона). Так, подтверждается особый статус договора коммерческой концессии. Из части 3 статьи 14 Модельного закона следует, что допустимость вертикальных соглашений может быть установлена в законодательстве государствами, исходя из доли на любом товарном рынке каждого из участников такого соглашения. По-прежнему неясным остается статус условия об исключительности (разделе рынка на территории и по кругу лиц) в вертикальных соглашениях. В статье 13 Модельного закона речь идет о ведении согласованных действий «хозяйствующих субъектов, являющихся конкурентами», которые приводят к «разделу товарного рынка по территориальному принципу... либо составу продавцов или покупателей», а не о вертикальных соглашениях (участники которых не являются конкурентами).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

1. По общему правилу запреты антимонопольного права ЕС не применяются к агентскому договору, так как агент в таком договоре не несет никаких экономических рисков, т. е. не является самостоятельной экономической единицей (предприятием) в смысле статьи 101(1) Соглашения о ЕС.

2. Антимонопольное законодательство ЕС разрешает, с некоторыми оговорками, включить в вертикальные соглашения (т. е. в том числе международный дистрибуторский договор и договор франчайзинга) следующие составляющие условия исключительности: запрет «активных продаж» дистрибью-

тора (франчайзи) на определенной территории (кругу лиц). Территория в таком случае должна быть четко определена; запрет «пассивных продаж», т. е. продажа через Интернет не может быть включена в договор. Антимонопольное регулирование ЕС позволяет поставщику (франчайзеру) устанавливать в договоре только максимальную и рекомендованную цену перепродажи товара. Действие любой «оговорки о неконкуренции» не может превышать 5 лет.

3. Распространенные и привлекательные, с экономической точки зрения, для сторон дистрибуторского договора и договора франчайзинга условия исключительности и определения цены перепродажи в соответствии с отечественным законодательством запрещены. При реформировании антимонопольного регулирования следует учесть следующее, что

положения статей 10—11 Соглашения о единых принципах и правилах конкуренции требуют доработки для повышения уровня их восприятия. Сомнение вызывает целесообразность выделения в Соглашении и Модельном законе договора коммерческой концессии из ряда вертикальных соглашений и наделение его особым статусом. Представляется целесообразным более детальное регламентирование статуса всех вертикальных соглашений и определенных условий в данных соглашениях, например условия об исключительности (разделе рынка на территории и по кругу лиц), в соответствии со сложившейся мировой практикой (по аналогии с регулированием в ЕС). Пересмотра, на наш взгляд, требует и довольно жесткое ограничение любых «условий о неконкуренции» в вертикальных соглашениях.

Литература

1. Бабкина, Е. В. Международные агентские соглашения: учеб.-метод. пособие для студентов фак. междунар. отношений / Е. В. Бабкина. — Минск: БГУ, 2007. — 197 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 сент. 2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
3. Гражданский кодекс Республики Казахстан: Кодекс Респ. Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-1 ЗРК: текст по сост. на 1 сент. 2013 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2013.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Кодекс Рос. Федерации от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г.: текст по сост. на 1 сент. 2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр». — М., 2013.
5. Лихуто, А. Эксклюзивность договора дистрибуции и антимонопольное право / А. Лихуто // Промышленно-торговое право. — 2010. — № 12. — С. 49—52.
6. Модельный закон о защите конкуренции Единого экономического пространства (проект) [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://economy.gov.by/dadvfiles/002085_608252_Text.pdf>. — Дата доступа: 01.05.2013.
7. О Модельном законе «О конкуренции»: решение Высшего Евразийского экономического совета от 24 окт. 2013 г. № 50 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&po=F91300251>>. — Дата доступа: 24.10.2013.
8. О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»): регламент N 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского союза, принят в г. Страсбурге 17 июня 2008 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр». — М., 2013.
9. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции: Закон Респ. Беларусь от 10 дек. 1992 г. № 2034-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. № 328-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
10. О ратификации Соглашения о единых принципах и правилах конкуренции: Закон Респ. Беларусь от 28 дек. 2010 г. N 207-З [Электронный ресурс] // Там же.
11. Очередное заседание третьей сессии Палаты представителей пятого созыва состоялось 24 октября 2013 года, в ходе которого парламентарии рассмотрели 14 вопросов [Электронный ресурс] // Национальное собрание Республики Беларусь. Палата представителей. — Режим доступа: <<http://house.gov.by/index.php/,1,37530,1,,0,,,0.html>>. — Дата доступа: 24.10.2013.
12. Сосна, С. А. Франчайзинг. Коммерческая концессия / С. А. Сосна, Е. Н. Васильева. — М.: Академкнига, 2005. — 375 с.
13. Степанчикова, Ю. С. Правовое регулирование агентского договора в соответствии с антимонопольным законодательством Европейского союза / Ю. С. Степанчикова // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2011. — № 2. — С. 15—20.
14. Функ, Я. И. Право международной купли-продажи товаров и торгового посредничества. В 3 кн. Кн. 3: Международное торговое посредничество / Я. И. Функ — Минск: Дикта, 2005. — 296 с.
15. Bortolotti, F. Drafting and Negotiating International Commercial Contracts. ICC The World Business Organization. A practical Guide: ICC publication N 671 / F. Bortolotti. — London: Kluwer Law International, 2009. — 474 p.
16. Commission Regulation (EU) N 330/2010 of the 20 April 2010 on the application of the Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices [Electronic recourse] // Access to European Union Law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:102:0001:0007:EN:PDF>>. — Date of access: 01.05.2013.
17. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union [Electronic recourse] // Access to European Union Law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2008:115:0047:0199:en:PDF>>. — Date of access: 01.05.2013.
18. Council Directive 86/653/EEC of 18 December 1986 on the coordination of the laws of the Member States relating to self-employed commercial agents [Electronic source] // Access to European Union Law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31986L0653:EN:HTML>>. — Date of access: 01.05.2013.

19. Guidelines on vertical restraints: Commission notice: Doc. SEC (2010) 411 final, 10.05.2010 [Electronic recourse] // Access to European Union Law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=SEC:2010:0411:FIN:EN:PDF>. — Date of access: 01.05.2013.
20. Hesselink, M. W. Commercial Agency, Franchise and Distribution Contracts: Principles of European Law / M. W. Hesselink, J. W. Rutgers, O. B. Diaz. — Munich: Sellier European Law Publishers, 2006. — 371 p.
21. Korah, V. Distribution agreements under the EC competition rules / V. Korah, D. o'Sullivan. — Oxford: Hart Publishing, 2002. — 425 p.
22. International agency, distribution and licensing agreements / R. Christou [et al.]; writ. and ed. by R. Christou. 6th ed. — London: Sweet and Maxwell, 2011. — 1087 p.
23. Van Bael, I. Competition law of the European Community / I. Van Bael. — Austin: Wolters Kluwer, 2010. — 1674 p.
24. Wijckmans, F. Vertical agreements in EC Competition law / F. Wijckmans, F. Tyutschaever, A. Vanderelst; ed. by F. Wijckmans. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 464 p.

«Императивные нормы антимонопольного законодательства Европейского союза, ограничивающие применение коллизионного метода регулирования международного агентского договора, дистрибьюторского договора и договора франчайзинга: опыт для Беларуси» (Юлия Борель)

В статье приводятся последние изменения антимонопольного законодательства ЕС, а также сравнительный анализ соответствующего регулирования в ЕС, Республике Беларусь и ее интеграционных объединениях. Автор определяет, какие условия международного агентского договора, дистрибьюторского договора и договора франчайзинга могут потенциально противоречить антимонопольному регулированию в ЕС. В результате исследования сделаны выводы об условиях таких договоров, находящихся под запретом, о необходимости внесения изменений в антимонопольное законодательство Республики Беларусь, а также в трехсторонний международный договор в данной сфере и модельный антимонопольный закон.

«Peremptory Norms of Antitrust Law of the European Union, Restricting Collision Technique Application in Regulation of International Agency, Distribution and Franchise Agreements: Belarusian Experience» (Yuliya Barel)

The article is devoted to the analysis of the recent changes in antitrust law of the European Union and the comparative study of the correspondent antitrust law regulation in the EU and the Republic of Belarus as well as in its integration units. The author identifies the list of terms of the international agency, distribution and franchise agreements which are potentially in breach to the EU antitrust law. Conclusions on the terms of such agreements which are prohibited, as well as on the necessity of some amendments to the antitrust regulation of the Republic of Belarus, Model Antitrust Law of the Common Free Market Zone and Antitrust Treaty of the Russian Federation, Kazakhstan and the Republic of Belarus are made.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2013 г.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ РЕЖИМОВ ИНВЕСТИЦИЙ В СОГЛАШЕНИЯХ О ПООЩРЕНИИ И ВЗАИМНОЙ ЗАЩИТЕ ИНВЕСТИЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Артур Шумский

На современном этапе иностранные инвестиции являются важным условием экономического развития государств. Для привлечения иностранного капитала многие государства стремятся создать на своей территории предельно благоприятные условия для осуществления инвестиций, прибегая к подписанию двусторонних и многосторонних соглашений. Немаловажную роль в создании благоприятного инвестиционного климата играет правовой режим для иностранных инвестиций, устанавливаемый в таких международных соглашениях.

В зарубежной юридической литературе проблема установления правовых режимов для иностранных инвестиций была освещена достаточно полно. Особый вклад в ее разработку внесли А. Г. Богатырёв [4], Н. Г. Доронина [7], В. И. Лисовский [11], И. З. Фархутдинов [31], А. Ньюкомб [33] и др. Белорусскими учеными этому вопросу было уделено меньше внимания. Вместе с тем, следует отметить труды таких белорусских авторов, как Ю. А. Амелеченя, О. А. Бакиновская [1; 2], Е. Б. Леанович [10], О. В. Цегельник [32].

Как отмечает профессор В. И. Лисовский, в юридической литературе принято выделять три вида режимов для инвестиций: национальный режим (далее — НР), режим наибольшего благоприятствования (далее — РНБ) и специальный режим [11, с. 29]. Ряд исследователей используют другие термины для их обозначения. Например, И. Н. Лебединец вместо наименования «специальный режим» применяет термин «привилегированный» [12, с. 296]. В свою очередь, А. Г. Богатырёв отмечает, что льготный, или преференциальный, режим составляют суть специального режима для иностранных инвестиций [3, с. 13, 14].

Вместе с тем, у ученых нет единого мнения о том, какой из режимов следует использовать для привлечения большего количества иностранных инвестиций в экономику государства. Одни авторы (С. Ким [9, с. 10]), В. Рудашеский, А. Львов, М. Фурщик [15, с. 16] придерживаются мнения о необходимости ис-

пользования РНБ, другие (Н. Г. Доронина [6, с. 42], Ю.И. Ершов [8, с. 6]) склонны отдавать предпочтение НР.

Целью данной статьи является исследование режимов, закрепленных в действующих международных соглашениях Республики Беларусь, определение режима, создающего благоприятный инвестиционный климат и предотвращающего возникновение спорных ситуаций между иностранными инвесторами и принимающим государством, с выработкой рекомендаций для будущих международных соглашений Республики Беларусь.

В настоящее время в Республике Беларусь действует 51 двустороннее международное соглашение о поощрении и взаимной защите иностранных инвестиций [14], из них: 1 представляет НР, 5 соглашений содержат положения о РНБ и 45 предусматривают применение смешанного режима.

Национальный режим предполагает, что допуск иностранных инвесторов на территорию государства для ведения предпринимательской деятельности осуществляется по правилам, устанавливаемым национальным законодательством и в соответствии с правилами, применяемыми одновременно и к национальным инвесторам. Так, в соглашении с Сирийской Арабской Республикой предусматривается, что каждая договаривающаяся сторона в целях осуществления инвестиций на территории ее государства предоставит режим, не менее благоприятный, чем тот, который она предоставляет в отношении инвестиций и доходов своих собственных инвесторов [26, ст. 3, п. 1].

Государство — реципиент инвестиций в одностороннем порядке регулирует доступ капиталовложений на свой рынок и в отдельные отрасли, устанавливая, например, разрешительный порядок для осуществления предпринимательской деятельности и т. д., при этом не проводя различий в источнике капитала (национальном и/или иностранном). Использование НР компаниями, осуществляющими инвестирование на территориях государств — участников таких договоров, характеризует-

Автор:

Шумский Артур Иванович — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Мисько Максим Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель директора ООО «Эстертекс»

ся тем, что инвесторы получают доступ во все отрасли промышленности государства, пользуются местными источниками финансирования и т. д.

Как отмечает И. З. Фархутдинов, данный режим в основном предоставляется странами с развитой, стабильной экономикой, которые не боятся экономической интервенции со стороны другого государства. При этом они не создают специальное законодательство, которое регулирует деятельность иностранных компаний на своей территории. В случае необходимости урегулирования каких-то аспектов деятельности иностранных инвесторов (например, в вопросах порядка учреждения и регистрации компаний, лицензирования) следует применять нормы, содержащиеся в общих нормативных правовых актах. Такого принципа регулирования деятельности инвесторов придерживаются в США. Развивающиеся государства, в том числе Республика Беларусь и ряд стран СНГ, предоставляющие ИР инвесторам государств — участников подобных соглашений, имеют специальное законодательство (в виде законов или кодексов об инвестиционной деятельности) [31, с. 144] с целью недопущения иностранных инвесторов в стратегические отрасли экономики государства. Как утверждает Н. Г. Доронина, предоставление ИР никогда не означало полной идентичности в правах иностранцев и национальных граждан [8, с. 19].

Первое документальное закрепление РНБ было осуществлено в двустороннем соглашении о взаимном содействии и защите инвестиций, подписанном 16 апреля 1992 г. между правительствами Республики Беларусь и Республики Польша. Данное соглашение предусматривает, что режим деятельности инвесторов на территории принимающего государства будет не менее благоприятным, чем в отношении инвесторов третьих государств [29, ст. 3]. Аналогичный режим был предоставлен соглашениями о взаимном содействии и защите инвестиций, заключенными с Китайской Народной Республикой [20, ст. 3, п. 1], Республикой Сингапур [25, ст. 4], Социалистической Республикой Вьетнам [28, ст. 3] и Республикой Кипр [24, ст. 3, п. 2].

Как отмечает Т. Н. Нешатаева, данный правовой режим предоставляет возможность инвесторам из любого государства пользоваться теми же правами, которые предоставлены лицам другого иностранного государства [13, с. 124].

РНБ в целом соответствует интересам инвесторов зарубежных государств, поскольку при предоставлении льгот инвесторам третьего государства данные преференции будут распространяться и на них. Данный режим ставит в равное положение иностранных инвесторов друг перед другом, что, в свою очередь, облегчает конкуренцию между ними в стране — реципиенте капитала.

Однако такой режим, во-первых, сопряжен с ограничениями для иностранных инвесторов на получение особых льгот, которые могут быть закреплены для инвесторов других государств в результате подписания специальных международных договоров (по вопросам налогообложения, приграничной торговли и т. д.), в том числе соглашений об экономических зонах, экономическом или таможенном союзах и зонах свободной торговли [20, ст. 3, п. 2; 23, ст. 3, п. 3; 25, ст. 3, п. 3; 28, ст. 5]. Во-вторых, при проникновении на рынок государства — реципиента капитала иностранные инвесторы сталкиваются с преградой в лице национального инвестора, который активно пользуется защитой и поддержкой собственного государства. В качестве поддержки национальных инвесторов государство может устанавливать правила, регулирующие особый порядок доступа к осуществлению предпринимательской деятельности, запрет на использование зарубежных инвестиций в определенных секторах экономики и т. д.

Такой «осторожный» подход в целом не содействует росту инвестиционной активности из-за рубежа, и поэтому государства все-таки стремятся внести особые условия в соглашения о содействии и взаимной защите инвестиций, которые предоставят их инвесторам одинаковые с национальными инвесторами возможности по ведению хозяйственной деятельности. При этом иностранные инвесторы желают одновременно сохранить те преференции, которые им предоставляются в рамках РНБ.

По справедливому мнению И. З. Фархутдинова, новой тенденцией в соглашениях о содействии и взаимной защите инвестиций является предоставление смешанного режима, т. е. сочетания РНБ и ИР [31, с. 153].

Впервые закрепление смешанного режима произошло в Договоре о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 2 апреля 1993 г., заключенном между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германия. Согласно статье 3 данного Договора, стороны предоставляют инвесторам одновременно как РНБ, так и ИР: «Каждая из Договаривающихся Сторон обеспечивает на своей территории в отношении инвесторов другой Договаривающейся Стороны в том, что касается их деятельности в связи с инвестициями, режим не менее благоприятный, чем в отношении собственных инвесторов либо инвесторов третьих государств» [5]. Смешанный режим предоставляется в соглашениях о содействии и взаимной защите инвестиций, заключенных Республикой Беларусь с 45 государствами, например Королевством Нидерландов, Государством Израиль, Итальянской Республикой, Королевством Бахрейн и т. д. [16; 18; 19; 21].

При этом в соглашении с Королевством Нидерландов предлагается особый способ его действия, т. е. выбор режима будет зависеть от

того, какой из них в настоящий момент является наиболее благоприятным [16, ст. 3]. Таким образом, если государство предоставит в будущем в международном соглашении какие-либо льготы или преференции для иностранных инвесторов, ставя их в более благоприятное положение, чем собственных инвесторов, то будет применяться РНБ. В случае изменения инвестиционной политики государства и предоставления национальным инвесторам большего количества льгот или преференций будет действовать НР. Такой способ выбора режима закреплен в 15 соглашениях Республики Беларусь о поощрении и взаимной защите инвестиций (Королевство Нидерланды, Государство Израиль, Боливарианская Республика Венесуэла, Турецкая Республика, Королевство Швеция, Королевство Дания, Босния и Герцеговина, Республика Австрия, Иорданское Хашимитское Королевство, Исламская Республика Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Румыния, Финляндская Республика, Республика Хорватия, Республика Чехия).

Иным образом осуществляется действие данного режима в соглашении Республики Беларусь и Украины: «Каждая из Договаривающихся Сторон предоставит на своей территории в отношении инвестиций и доходов инвесторов другой Договаривающейся Стороны режим, не менее благоприятный, чем тот, который она предоставляет в отношении инвестиций и доходов своих собственных инвесторов или инвестиций и доходов инвесторов любого третьего государства» [30, ст. 3, п. 1]. Такой способ установления действующего режима для иностранного инвестора закреплен в 30 соглашениях (Федеративная Республика Германия, Республика Италия, Королевство Бахрейн, Украина, Республика Македония, Королевство Саудовская Аравия, Республика Армения, Республика Болгария, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Государство Катар, Корейская Народно-Демократическая Республика, Киргизская Республика, Ливанская Республика, Государство Кувейт, Республика Литва, Соединенные Штаты Мексики, Республика Молдова, Монголия, Султанат Оман, Республика Таджикистан, Республика Куба, Республика Латвия, Республика Корея, Арабская Республика Египет, Республика Индия, Швейцарская Конфедерация, Словацкая Республика, Королевство Саудовская Аравия, Республика Азербайджан, Республика Словения).

По мнению И. З. Фархутдинова, подобные формулировки статей соглашений создают особую проблему определения конкретного вида режима применительно к инвесторам каждого государства, сферы действия режима (правоотношений, на которые этот режим распространяется), способа его закрепления и реализации при практическом осуществлении инвестиционной деятельности [31, с. 155].

При несомненных положительных сторонах каждого режима одновременное использование НР и РНБ в соглашениях создает неопределенность при осуществлении инвестиций на территории принимающего государства ввиду возможной неоднозначной квалификации действий инвесторов контролирующими государственными органами. Реализация смешанного режима на практике ставит задачу перед государством в выборе конкретного правового режима деятельности для иностранного инвестора в зависимости от ситуации.

Для ее решения предлагается прибегнуть к одному из способов определения действующего режима, которые были установлены в соглашениях о поощрении и взаимной защите инвестиций Республики Беларусь с Королевством Саудовская Аравия, Азербайджанской Республикой и Республикой Словения, а именно: считать, что действует тот режим, который в настоящий момент является наиболее благоприятным [22, ст. 3, п. 3]; предоставить определение режима деятельности самому инвестору [17, ст. 3, п. 2]; считать, что режим деятельности иностранного инвестора определяется государством — реципиентом капитала [1278, ст. 3, п. 1]. И. З. Фархутдинов рекомендует установить одновременное действие НР и РНБ. В этом случае инвестор будет пользоваться теми же условиями предпринимательской деятельности, что и национальный инвестор, иметь равные с ним права, одновременно используя преимущества и льготы, предоставляемые иностранным инвесторам по национальному законодательству или на основании международных договоров [31, с. 155]. По нашему мнению, необходимо согласиться с данной позицией ученого относительно смешанного режима, поскольку создаваемые последние условия деятельности будут более привлекательными и максимально выгодными для иностранных инвесторов по сравнению с другими режимами.

Подводя итог, следует отметить, что положения двусторонних международных договоров Республики Беларусь о поощрении и взаимной защите иностранных инвестиций предоставляют различные правовые режимы иностранным инвесторам. Учитывая положительные и отрицательные стороны каждого из них, необходимо создавать унифицированные условия деятельности для иностранных компаний, в том числе и через установление правового режима.

Полагаем, что оптимальным является предоставление смешанного правового режима ввиду того, что он унифицирует условия деятельности, при этом сохраняет возможности по установлению льгот или ограничений для иностранных инвесторов в зависимости от проводимой государством инвестиционной политики. Использование данного режима под-

тверждается мировой практикой и данными ЮНКТАД о последних заключенных двусторонних инвестиционных соглашениях в докладе о мировых инвестициях 2013 г. [34, р. 101—

127]. Данной тенденции придерживается и Республика Беларусь, используя смешанный режим в большинстве двусторонних соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций.

Литература

1. Амельчя, Ю. А. Некоторые аспекты осуществления инвестиционной деятельности в Республике Беларусь / Ю. А. Амельчя, О. А. Бакиновская // Социально-экономические проблемы формирования инновационной экономики России: сб. ст. ежегод. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием; под ред. Г. И. Грековой [и др.] / НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2010. — С. 86—91.
2. Амельчя, Ю. А. Процессный подход к определению содержания инвестиционной деятельности и гарантий ее осуществления / Ю. А. Амельчя, О. А. Бакиновская [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». — Режим доступа: <http://www.etalonline.by/Default.aspx?type=text®num=U01100687#lo_ad_text_none_1_1>. — Дата доступа: 24.08.2013.
3. Богатырёв, А. Г. Государственно-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А. Г. Богатырёв; Акад. управления МВД России. — М., 1996. — 24 с.
4. Богатырёв, А. Г. Инвестиционное право / А. Г. Богатырёв. — М.: Рос. право, 1992. — 272 с.
5. Договор между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германия о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 2 апр. 1993 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2013.
6. Доронина, Н. Г. Комментарий к закону об иностранных инвестициях / Н. Г. Доронина. — М.: Право и экономика. — 2000. — 128 с.
7. Доронина, Н. Г. Некоторые организационно-правовые аспекты иностранных инвестиций в развивающихся странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. Г. Доронина; Москов. гос. ин-т междунар. отношений. — М., 1979. — 26 с.
8. Ершов, Ю. И. Реформирование инвестиционного климата в России: основные аспекты законодательной базы / Ю. И. Ершов // Инвестиции в России. — 2003. — № 9. — С. 4—16.
9. Ким, С. К. Правовое регулирование иностранных инвестиций (опыт Российской Федерации и Республики Корея): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С. К. Ким; Москов. гос. юрид. акад. — М., 1998. — 27 с.
10. Леанович, Е. Б. Международное частное право: учеб. пособие / Е. Б. Леанович. — Изд. 4-е. — М.: РИОР, 2009. — 187 с.
11. Лисовский, В. И. Международное торговое и финансовое право / В. И. Лисовский. — М.: Высш. шк., 1974. — 214 с.
12. Международное частное право: учебник / Л. П. Ануфриева [и др.]; под ред. Г. К. Дмитриева. — 2-е изд., перер. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. — 688 с.
13. Нешатаева, Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т. Н. Нешатаева // Хозяйство и право. — 2004. — № 5. — С. 121—130.
14. Перечень стран, с которыми Республика Беларусь заключила соглашения о содействии и взаимной защите инвестиций [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.esopontu.gov.by/dadfiles/001752_257085_Perec_2.rtf>. — Дата доступа: 24.05.2013.
15. Рудашевский, В. Вернуть иностранного инвестора не только нужно, но и можно / В. Рудашевский, А. Львов, М. Фурщик // Инвестиции в России. — 1999. — № 1. — С. 10—18.
16. Соглашение между Республикой Беларусь и Королевством Нидерландов о поощрении и взаимной защите инвестиций от 11 апр. 1995 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2013.
17. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Азербайджанской Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций от 3 июня 2010 г. [Электронный ресурс] // Там же.
18. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Израиль о взаимном содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 11 апреля 2000 г. [Электронный ресурс] // Там же.
19. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Итальянской Республики о содействии осуществлению и защите инвестиций от 25 июля 1995 г. [Электронный ресурс] // Там же.
20. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций от 11 янв. 1993 г. [Электронный ресурс] // Там же.
21. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Королевства Бахрейн о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 26 окт. 2002 г. [Электронный ресурс] // Там же.
22. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Королевства Саудовская Аравия о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 20 июля 2009 г. [Электронный ресурс] // Там же.
23. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Монголии о содействии осуществлению и защите инвестиций от 28 мая 2001 г. [Электронный ресурс] // Там же.
24. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Кипр о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 29 мая 1998 г. [Электронный ресурс] // Там же.
25. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Сингапур о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 15 мая 2000 г. [Электронный ресурс] // Там же.
26. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Сирийской Арабской Республики о взаимном содействии осуществлению и защите инвестиций от 1 окт. 1998 г. [Электронный ресурс] // Там же.
27. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Словения о взаимном содействии осуществлению и защите инвестиций от 18 окт. 2006 г. [Электронный ресурс] // Там же.
28. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о поощрении и защите инвестиций от 8 июля 1992 г. [Электронный ресурс] // Там же.
29. Соглашение между Республикой Беларусь и Республикой Польша о взаимном содействии и защите инвестиций от 16 апр. 1992 г. [Электронный ресурс] // Там же.
30. Соглашение между Республикой Беларусь и Украиной о содействии и взаимной защите инвестиций от 11 июня 1997 г. [Электронный ресурс] // Там же.
31. Фархутдинов, И. З. Международное инвестиционное право и процесс: учебник / И. З. Фархутдинов. — М.: Проспект, 2010. — 415 с.

32. Цегельник, О. В. Особенности инвестиционного договора (обязательства) в сфере приватизации акций, принадлежащих государству, по конкурсу по законодательству Республики Беларусь / О. В. Цегельник // Унів. наук. зап. / Хмельн. ун-т упр. та права. — 2007. — № 2 (22). — С. 220—228.
33. Newcombe, A. Law and Practice of Investment Treaties: Standards of Treatment / A. Newcombe, L. Pardell. — The Hague: Wolters Kluwer, 2008. — 598 p.
34. World investment report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013_en.pdf>. — Date of access: 08.10.2013.

«Закрепление режимов инвестиций в соглашениях о поощрении и взаимной защите инвестиций Республики Беларусь» (Артур Шумский)

В статье отмечается важная роль, которую играет предоставляемый правовой режим для иностранных инвестиций в создании благоприятного инвестиционного климата. Основное внимание уделено анализу относительных режимов, к которым относят национальный и режим наибольшего благоприятствования, а также их вариаций, поскольку именно они определяют степень готовности государства допустить иностранный капитал в собственную экономику. Изучены двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, заключенные Республикой Беларусь с 1992 г.

Автором сделан вывод о необходимости создания однородной юридической среды, регулирующей деятельность иностранных инвесторов с помощью установления для них смешанного режима, который унифицирует условия их деятельности, но при этом сохранит возможности установления льгот или ограничений в зависимости от проводимой государством инвестиционной политики.

«Maintenance of the Investment Regime in Agreements on Promotion and Mutual Protection of Investments of the Republic of Belarus» (Artur Shumsky)

The article reveals the important role of the legal regime provided to foreign investments in creation of the favorable investment environment. The author focuses on the analysis of relative regimes to which national and the most favored regimes are referred, as well as on their variations, because it is the latter that determine the degree of the country's readiness to let foreign capital into its own economy. Bilateral agreements on promotion and mutual protection of investments concluded by the Republic of Belarus from 1992 are researched.

The author draws a conclusion on the necessity to create homogeneous legal environment, which would regulate foreign investors' activities through introduction of the mixed regime unifying the terms of their activities but preserving the opportunities to establish privileges and restrictions according to the investment policy conducted by the state.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2013 г.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПОД ТАМОЖЕННЫМ КОНТРОЛЕМ КАК НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ БОРЬБЫ С КОНТРАФАКТОМ

Елена Иванова

Распространение контрафакта является международной проблемой, и таможенными органами в последнее время отводится значительная роль в пресечении торговли поддельными товарами. Контрафакт (с англ. *counterfeit* — подделка) — это нарушение интеллектуальных прав. Контрафактные товары, согласно таможенному законодательству Республики Беларусь, — «это товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности (объекты авторского права и смежных прав, права промышленной собственности), если перемещение таких товаров через таможенную границу либо другие действия с такими товарами, находящимися под таможенным контролем, влекут за собой нарушение прав правообладателя, охраняемых в соответствии с законодательством» (подп. 1.9 ст. 8 Таможенного кодекса; далее — ТК) [15]. Согласно законодательству Европейского союза (ЕС), контрафактными являются:

— товары, произведенные с использованием чужого товарного знака, который охраняется в стране — члене ЕС, либо товарного знака схожего с охраняемым до степени смешения;

— товары, нарушающие право на географическое наименование, которое находится под охраной в стране — члене ЕС;

— любая упаковка, этикетки, наклейки, брошюры, инструкции по эксплуатации, гарантийный документ или другой аналогичный документ, даже если они представлены отдельно, нарушающие право на товарный знак или географическое наименование, включающие в себя знак или наименование, уже зарегистрированное и охраняемое, либо схожие с ними до степени смешения [23].

В связи с тем, что объемы торговли поддельной продукцией достигают невероятных размеров, чем нарушаются права покупателя, в отдельных случаях может пострадать здоровье человека и значительные материальные убытки несут законные правообладатели, актуальность создания системы эффективной защиты прав интеллектуальной собственности не вызывает сомнений.

Вопросы защиты прав интеллектуальной собственности таможенными органами в последнее время освещаются многими российскими авторами. В белорусской доктрине данная область исследования является новой и широкому анализу не подвергалась. Среди российских авторов, занимающихся проблемой таможенного механизма защиты объектов интеллектуальной собственности, можно назвать С. Агамагомедову [1], Е. Панову [10], А. Паукова [11], Т. Фомину [17]. Однако анализ механизма защиты в российской научной литературе ограничивается общими рекомендациями при достаточно четких целях. Так, в своем диссертационном исследовании Г. В. Подпригора среди задач исследования называет разработку предложений по совершенствованию механизма защиты объектов интеллектуальной собственности предприятий — участников внешнеэкономической деятельности таможенными органами. Однако автор приводит лишь общие формулировки о налаживании тесного взаимодействия между различными госорганами, рекомендует проведение целенаправленной государственной политики в области образования населения, увеличение штрафов за нарушения прав интеллектуальной собственности и др. [12].

В белорусской правовой науке вопросы таможенной защиты прав интеллектуальной собственности рассматриваются в работах Н. Бородко [2], Я. Коневой [4], М. Романовой [14]. В основном эти авторы заостряют внимание на состоянии законодательства Таможенного союза в области таможенной защиты интеллектуальной собственности. Е. Леанович в своих работах более широко освещает данную проблему. Так, автор анализирует законодательство Европейского союза, международные соглашения (ТРИПС, АКТА) на предмет механизмов защиты прав интеллектуальной собственности, давая им правовую оценку и учитывая право Республики Беларусь; подробно останавливается на новеллах зарубежного законодательства в области таможенной защиты прав интеллектуальной собственности [5; 6].

Автор:

Иванова Елена Николаевна — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Синьков Борис Борисович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Таможенное дело» факультета технологий управления и гуманитаризации Белорусского национального технического университета

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе современной практики защиты прав интеллектуальной собственности таможенными органами выявить необходимость применения процедуры уничтожения контрафактной продукции под таможенным контролем как наиболее эффективной меры борьбы с распространением поддельных товаров.

Практика большинства европейских стран состоит в том, что таможенные службы по заявлению правообладателя прав интеллектуальной собственности либо по своей инициативе (процедура *ex officio*), если таможенными органами обнаружены признаки, указывающие на то, что товары могут являться контрафактными, вправе приостанавливать таможенное оформление таких товаров. Подобные положения имеются в основных международных документах по защите прав интеллектуальной собственности. В Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, принятом в рамках Всемирной торговой организации (далее — Соглашение ТРИПС) указано, что правообладатель, который имеет веские основания подозревать, что может осуществляться ввоз товаров с неправомерно используемым товарным знаком или товаров, произведенных с нарушением авторских прав, вправе подать в компетентный административный или судебный орган письменное заявление о приостановлении таможенными органами выпуска в свободное обращение таких товаров (ст. 51) [19]. Регламент Совета ЕС № 608/2013 о таможенных мерах по защите прав интеллектуальной собственности (далее — регламент 608/2013), вступающий в силу с 1 января 2014 г. и заменивший регламент 1383/2003 [22], также предусматривает аналогичную процедуру [23]. Таможенный кодекс Республики Беларусь и Таможенный кодекс Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации включили в систему мер защиты прав интеллектуальной собственности таможенными органами приостановление таможенного оформления товара, подозреваемого в нарушении исключительных прав до вынесения компетентными органами решения по существу данного дела. Примечательным является то, что в законодательстве Республики Беларусь, в отличие от всех остальных вышеназванных документов, не предусмотрена процедура *ex officio* и применение защитных мер возможно только по инициативе правообладателя. Однако применение процедуры *ex officio*, т. е. приостановление таможенного оформления товаров, подозреваемых в нарушении прав интеллектуальной собственности по инициативе таможенных органов, предусмотрено положениями Соглашения ТРИПС (ст. 58) [19], пусть факультативно. Ввиду вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) Российской Федерации в августе 2013 г. норма, предусма-

тривающая применение процедуры *ex officio*, может быть введена в Республике Беларусь в ближайшем будущем.

Согласно законодательству Республики Беларусь, если товар зарегистрирован в таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности, то на основе заявления правообладателя, имеющего основания полагать, что при перемещении товаров через таможенную границу нарушены или могут быть нарушены его права на объекты интеллектуальной собственности, таможенные органы предпринимают меры по защите прав интеллектуальной собственности и приостанавливают таможенное оформление данного товара. Далее, о приостановлении таможенного оформления товаров уведомляется декларант и заявитель (правообладатель) (ст.ст. 91—95 ТК) [15]. У заявителя при этом возможны четыре варианта поведения. Первый — не реагировать на уведомление о приостановлении таможенного оформления товара, при этом товар выпускается в оборот. Второй — подать заявление об отмене приостановления таможенного оформления товара; товар также выпускается в обращение. Третий — подать заявление об административном правонарушении в суд, где в ходе процесса будет устанавливаться, являются ли товары, таможенное оформление которых приостановлено, контрафактными или нет. Дела об административных правонарушениях, связанных с незаконным распространением или иным незаконным использованием объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, а также сортов растений или топологий интегральных микросхем, согласно подпункту 1 статьи 3.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, рассматриваются единолично судьей районного (городского) суда [13]. Четвертый — подать иск в судебную коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь. Заключение мирового соглашения между правообладателем и владельцем партии товара на любой стадии процесса до вынесения постановления судом — еще один способ урегулировать отношения.

Законодательство партнеров Республики Беларусь по Таможенному союзу (Российской Федерации и Республики Казахстан) предусматривает применение мер защиты прав интеллектуальной собственности по инициативе не только правообладателей, но и таможенных органов. Так, статья 308 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» регламентирует процедуру приостановления выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не внесенные в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности. Данное приостановление выпуска товаров на семь рабо-

чих дней правомерно при наличии двух условий: обладание информацией о правообладателе на территории Российской Федерации и обнаружение признаков нарушения прав интеллектуальной собственности. При приостановлении выпуска товаров таможенные органы не позднее следующего дня после дня приостановления выпуска товаров информируют об этом правообладателя и декларанта. Соответственно, правообладатель может обратиться в таможенный орган с просьбой об отмене решения о приостановлении выпуска товаров либо направить в таможенный орган обращение в письменной форме о продлении срока приостановления и подать заявление о включении соответствующего объекта интеллектуальной собственности в реестр, тем самым подтвердить свое желание на осуществление мер защиты прав интеллектуальной собственности таможенными органами [9]. Это означает, что процедура *ex officio* законодательно закреплена Российской Федерацией.

Статья 436 Кодекса Республики Казахстан «О таможенном деле в Республике Казахстан» от 30 июня 2010 г. также гласит, что таможенные органы принимают меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, включенные в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, и объекты интеллектуальной собственности, включенные в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств — членов Таможенного союза, а также не включенные в такие таможенные реестры [8]. Статья 441 данного кодекса регламентирует порядок приостановления выпуска товаров, подозреваемых в нарушении прав интеллектуальной собственности, но не включенных в таможенные реестры объектов интеллектуальной собственности. Так, решение о приостановлении выпуска указанных товаров принимается в письменной форме руководителем таможенного органа или уполномоченным им лицом на срок до трех рабочих дней. При этом незамедлительно уведомляются о приостановлении выпуска товаров правообладатель и декларант. Если у таможенных органов отсутствует информация о правообладателе, товарном знаке, знаке обслуживания и т. д. и нет возможности определить их в течение 24 часов, решение о приостановлении выпуска товаров подлежит отмене, а товары подлежат незамедлительному таможенному декларированию и выпуску в оборот. Решение о приостановлении выпуска товаров подлежит отмене, а товары подлежат незамедлительному таможенному декларированию и выпуску, если в течение трех дней в таможенный орган правообладатель:

- не представит письменное заявление о продлении срока приостановления выпуска товаров до десяти рабочих дней;
- представит письменное заявление об отмене решения о приостановлении выпуска товаров [8].

В случае, если в таможенные органы поступит заявление от правообладателя о продлении срока приостановления выпуска товаров, их выпуск приостанавливается на срок до десяти рабочих дней с даты первоначального приостановления выпуска товаров. В таком случае правообладатель обязан представить в таможенный орган следующие документы:

1) определение судьи о возбуждении гражданского дела по иску о нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности, которое связано с фактом перемещения через таможенную границу Таможенного союза товаров, выпуск которых приостановлен;

2) обязательство о возмещении вреда декларанту и иным лицам, а также затрат таможенных органов, которые могут возникнуть в связи с приостановлением выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, — в случаях, если решением суда будет определено, что товары не являются товарами с нарушением прав интеллектуальной собственности;

3) письменные доказательства, подтверждающие обращение правообладателя в уполномоченный орган в сфере таможенного дела о включении указанных товаров в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности.

При представлении правообладателем указанных документов сроки приостановления выпуска товаров, а также сроки их временного хранения продлеваются до вступления в законную силу решения суда по иску [8]. Соответственно факт нарушения прав интеллектуальной собственности и признания товара контрафактным устанавливается судом.

Если же в ходе судебного процесса (административного или гражданского) будет установлено, что товар является контрафактным, суд при отсутствии мирового соглашения может вынести постановление об уничтожении контрафактной продукции под таможенным контролем.

Уничтожение поддельной продукции является наиболее эффективным способом борьбы с ее распространением.

Под уничтожением товаров понимается обезвреживание или приведение товаров, включая упаковку и составные части таких товаров, в состояние, при котором они частично или полностью утрачивают свои потребительские и (или) иные свойства и не могут быть восстановлены в первоначальном состоянии экономически выгодным способом без необходимости уплаты ввозных пошлин и налогов (ст. 215 ТК) [15]. В случае с товарами, содержащими права интеллектуальной собственности, этот режим распространяется на товары иностранного производства или контрафактные товары, ввозимые из-за рубежа с нарушением правил действующего на территории го-

сударства ввоза законодательства. Это делается для того, чтобы не допустить последующей реализации этих товаров на внутреннем рынке государства и таким образом обезопасить граждан от покупки потенциально опасных изделий.

К операциям по уничтожению товаров относятся [16]:

а) термическое, химическое, механическое либо иное воздействие (сжигание, разрушение, захоронение и т. д.) на товары, в результате которого эти товары уничтожаются;

б) демонтаж, разборка с обязательным последующим механическим повреждением всех образовавшихся частей, включая пробивание дыр, разрывы, нанесение повреждений иными способами при условии, что такие повреждения исключают последующее восстановление товаров и возможность их использования в первоначальном виде.

Соглашение ТРИПС, которое положило начало массовому применению пограничных мер защиты прав интеллектуальной собственности, предусматривает уничтожение контрафактных товаров как меру защиты прав интеллектуальной собственности таможенными органами. Статья 59 Соглашения ТРИПС гласит, что компетентный орган имеет право вынести решение, предписывающее уничтожение или устранение из обращения контрафактных товаров. Данная процедура проводится в соответствии с принципами, изложенными в статье 46 Соглашения ТРИПС: для создания эффективного средства, удерживающего от нарушения прав, судебный орган имеет право издать судебный приказ, предписывающий, чтобы товары, установленные им как контрафактные, без какой-либо компенсации были изъяты из каналов движения товаров так, чтобы избежать причинения какого-либо вреда правообладателю, или, если только это не противоречит существующим конституционным требованиям, уничтожены. Судебный орган также имеет право издать судебный приказ, предписывающий, чтобы материалы и орудия производства, которые главным образом использовались при создании контрафактных товаров, без какой-либо компенсации были изъяты из каналов движения товаров с тем, чтобы свести к минимуму риски новых нарушений [19].

Наиболее четко регламентированы процедуры уничтожения контрафакта таможенными органами в законодательстве ЕС. В регламенте Совета ЕС № 1383/2003 о таможенных действиях против товаров, подозреваемых в нарушении прав интеллектуальной собственности, и о мерах, которые будут приняты против товаров, нарушающих такие права, процедура уничтожения была предусмотрена. Более того, хотя и в необязательном порядке была предусмотрена упрощенная процедура уничтожения контрафактных товаров под таможенным контролем [22].

Как было отмечено, 12 июня 2013 г. был принят регламент ЕС № 608/2013, касающийся таможенных мер по защите прав интеллектуальной собственности и отменяющий регламент 1383/2003. Здесь нашли отражение предложения Европейского парламента, Совета ЕС по усовершенствованию таможенной защиты прав интеллектуальной собственности.

Регламентом 608/2013 предусмотрено, что товары, подозреваемые в нарушении прав интеллектуальной собственности, могут быть уничтожены под таможенным контролем без необходимости инициирования судебного разбирательства, если выполнены следующие условия:

— заявитель письменно подтвердил таможенным органам в течение десяти рабочих дней (трех дней в случае скоропортящихся продуктов) получение уведомления о приостановлении выпуска товаров, которые, по мнению заявителя, нарушают права интеллектуальной собственности, либо об их задержании;

— заявитель письменно подтвердил таможенным органам в течение десяти рабочих дней (трех дней в случае скоропортящихся продуктов) получение уведомления о приостановлении выпуска или задержании товаров и дал согласие на их уничтожение;

— декларант или владелец товаров подтвердили таможенным органам в течение десяти рабочих дней (трех дней в случае скоропортящихся продуктов) получение уведомления о приостановлении выпуска или задержании товаров и дали согласие на их уничтожение. Если они не подтвердили свое согласие на уничтожение товаров и не выступили против уничтожения товара в течение десяти рабочих дней, таможенные органы вправе считать, что согласие на уничтожение получено [23].

В целях снижения административных расходов до минимума введена специальная «упрощенная» процедура уничтожения небольших партий контрафактной и пиратской продукции, содержащихся в почтовых отправлениях. Причина — рост нарушений прав интеллектуальной собственности в почтовом и курьерском трафике в результате Интернет-торговли. Для решения этой проблемы предлагается простая процедура. Лицу, получающему товар, будет предложена возможность согласиться на его уничтожение без необходимости оплаты расходов или выполнения формальностей. Применяться данная процедура будет в следующих случаях:

- товары подозреваются в нарушении прав интеллектуальной собственности,
- товары не являются скоропортящимися,
- на товары распространяется разрешение на применение процедуры уничтожения,
- правообладатель дал согласие на уничтожение товара,
- товары перевозятся мелкими партиями.

Согласно регламенту 608/2013, мелкая партия означает товары, доставляемые почтой или курьером, которые содержат не более трех единиц товара или имеют общий вес менее 2 кг [23].

Получение согласия правообладателя на уничтожение каждой партии товара не требуется, важно получение согласия на данную процедуру в принципе.

Говоря о защите прав интеллектуальной собственности таможенными органами, нельзя оставить без внимания вызвавшее много критики Соглашение по борьбе с контрафактом 2011 г. (далее — АКТА). Статья 20 АКТА предусматривает уничтожение контрафакта как меру борьбы с распространением поддельной продукции [20]. АКТА — это многостороннее соглашение, созданное с целью установления международных стандартов защиты прав интеллектуальной собственности, действующее за пределами ВТО, ВОИС и ООН. Критика АКТА обусловлена тем, что оно не построено на поиске гибкого баланса стран с разными интересами и возможностями в поле интеллектуальной собственности. Среди основных новелл АКТА, по мнению Е. Леанович, можно назвать:

- намерение обеспечить контроль за перемещением товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности (особенно за произведениями и товарными знаками) по инициативе как правообладателя, так и таможенных органов;

- возможность снятия ответственности за причиненный ущерб с должностных лиц таможенных органов при исполнении ими своих служебных обязанностей по предотвращению выпуска в оборот контрафактной продукции;

- возможность применения таможенных мер защиты прав интеллектуальной собственности к малым партиям отправок и личному багажу;

- конкретизацию применения мер уголовной ответственности за нарушения права интеллектуальной собственности [5, с. 8—9].

На данный момент ратифицировала АКТА только Япония, а остальные страны либо отвергли его (например, страны ЕС), либо приостановили ратификацию (Австралия, Сингапур и др.) [18; 21].

В некоторых странах уничтожение контрафакта предусмотрено, но как крайняя мера. Например, в Китае, который лидирует по поставкам контрафактной продукции [5, с. 9], согласно статье 27 Норм и правил «О таможенной защите прав интеллектуальной собственности», утвержденных постановлением Государственного совета Китайской Народной Республики (КНР) от 2 декабря 2003 г. № 395, в случае установления народным судом КНР факта нарушения прав интеллектуальной собственности по результатам проверки таможенные органы конфискуют удержанные товары. После конфискации товаров, нарушающих

права интеллектуальной собственности, таможенные органы должны уведомить в письменной форме правообладателя о данных товарах. В случае, если товары, нарушающие права интеллектуальной собственности, могут быть использованы для благотворительности, таможенные органы должны передать данные товары соответствующей благотворительной структуре для использования их в благотворительных целях; если правообладатель выражает намерение выкупить товары у нарушителя права интеллектуальной собственности, таможенные органы должны на компенсационной основе (для получения компенсации, подлежащей к взысканию с нарушителя в пользу правообладателя, необходимо обратиться в народный суд) передать данные товары правообладателю. В случае невозможности использования конфискованных товаров на общественную благотворительность или отсутствия у правообладателя намерения выкупить товары таможенные органы должны, согласно закону, продать данные товары при помощи аукциона после ликвидации особенности, составляющей нарушение прав; в случае невозможности ликвидации особенности, составляющей нарушение интеллектуальных прав, таможенные органы должны уничтожить конфискованные товары [7].

Законодательство Таможенного союза предоставляет урегулирование отношений в области уничтожения поддельной продукции национальному законодателю. Так, статья 308 Таможенного кодекса Таможенного союза, который вступил в силу 1 января 2010 г., предусматривает, что помещение товаров под таможенную процедуру уничтожения допускается на основании заключения соответствующего уполномоченного государственного органа, выдаваемого в соответствии с законодательством государств — членов Таможенного союза, о возможности уничтожения, в котором указываются способ и место уничтожения [3].

Кодекс Республики Казахстан «О таможенном деле в Республике Казахстан» (ст. 445) также гласит, что таможенные органы обязаны передать товары с нарушением прав интеллектуальной собственности, подлежащие уничтожению, согласно решению суда, соответствующему уполномоченному государственному органу Республики Казахстан. В случае вынесения положительного решения суда по вопросу уничтожения товаров с нарушением прав интеллектуальной собственности соответствующий уполномоченный государственный орган Республики Казахстан обязан незамедлительно принять меры по их уничтожению в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан, нормативными постановлениями Правительства Республики Казахстан [8], т. е. уничтожить контрафактную продукцию в Казахстане тоже можно после решения суда.

Согласно статье 310 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации», решение о приостановлении выпуска товаров подлежит отмене, если декларант с письменного согласия правообладателя на уничтожение товаров заявил таможенную процедуру уничтожения товаров, выпуск которых приостановлен [1, с. 43]. Это означает, что кроме суда процедура уничтожения контрафакта может быть инициирована декларантом, что позволит избежать временных и судебных затрат.

Белорусское законодательство предусматривает уничтожение контрафакта, т. е. возможность помещения товаров под таможенный режим уничтожения.

Согласно статье 215 ТК Республики Беларусь, таможенный режим уничтожения — это таможенный режим, допускающий уничтожение товаров под таможенным контролем на таможенной территории.

Под таможенный режим уничтожения могут помещаться иностранные товары, находящиеся на таможенной территории, за исключением:

- товаров, которые в соответствии с актами таможенного законодательства не подлежат помещению под этот таможенный режим;
- культурных ценностей;
- животных и растений, относящихся к видам, охраняемым в соответствии с международными договорами Республики Беларусь или включенным в Красную книгу Республики Беларусь, их частей и дериватов, за исключением случаев, когда требуется их уничтожение в целях пресечения эпидемий и эпизоотий;
- товаров, принятых таможенными органами в качестве предмета залога, до прекращения отношений залога;
- товаров, которые изъяты или на которые наложен арест в соответствии с законодательством;
- товаров, запрещенных к ввозу на таможенную территорию либо к перемещению транзитом через эту территорию;
- иных товаров, перечень которых устанавливается Правительством Республики Беларусь, если иное не определено Президентом Республики Беларусь.

Товары помещаются под таможенный режим уничтожения без исполнения налогового обязательства по уплате ввозных таможенных пошлин, налогов. Уничтожение товаров, помещенных под таможенный режим уничтожения, производится за счет декларанта (ст. 215 ТК) [15].

Декларант также может договориться с правообладателем о помещении им товара под таможенный режим уничтожения, если при этом декларант признает, что товар контрафактный, и желает избежать лишних издержек.

Таким образом, необходимость совершенствования существующего законодательства для эффективной борьбы с контрафактом и

защиты национальных рынков от недобросовестной конкуренции назрела и требует незамедлительного решения.

Большинство стран мира пришли к выводу о необходимости привлечения таможенных органов к защите от распространения контрафактной продукции, создавая для этого все условия. Все больше стран включают обязательное уничтожение контрафакта как необходимое условие для эффективной борьбы с нарушением интеллектуальных прав.

Страны Европейского союза оптимизировали законодательство в сфере таможенной защиты интеллектуальной собственности и закрепили необходимость уничтожения контрафактной продукции с наименьшими затратами. Приняты поправки в законодательство, позволяющие избавиться от затрат правообладателям (в частности, от судебных издержек), уменьшить нагрузку судебных органов и четко организовать работу таможенных служб по выполнению процедуры уничтожения контрафактной продукции под таможенным контролем. Еще более радикальные меры приняты для малых партий товаров: наличие заявления правообладателя на процедуру уничтожения товаров, нарушающих его права интеллектуальной собственности, дает возможность избежать финансовых, временных затрат и при этом применять процедуру уничтожения ко всем товарам, нарушающим исключительные права данного правообладателя.

На территории Таможенного союза нет единой системы применения упрощенной процедуры уничтожения контрафактной продукции, хотя данная процедура подтвердила свою результативность в странах ЕС. Более того, в принципе не предусмотрено обязательное уничтожение контрафакта таможенными органами.

Проблема, скорее всего, заключается в том, что при проведении упрощенной процедуры уничтожения товаров под таможенным контролем все расходы оплачивает правообладатель. Существует возможность впоследствии взыскать эти расходы с нарушителя права интеллектуальной собственности, но сделать это чаще всего проблематично. Соответственно, правообладатели не всегда готовы понести такие расходы. В случае договоренности декларанта с правообладателем о помещении товара, таможенное оформление которого приостановлено, под таможенный режим уничтожения ситуация еще проблематичней. Здесь декларанту необходимо добровольно согласиться на расходы по уничтожению товара и, что еще сложнее, на уничтожение товара. В таком случае декларант понесет значительные убытки. Если он не согласится на уничтожение товара добровольно, существует вероятность, что правообладатель не будет инициировать судебное разбирательство по каким-либо причинам.

Все это вызывает опасения, в первую очередь, у правообладателей и препятствует ввозу их продукции на национальные рынки стран Таможенного союза. Заявив о намерении создать Евразийский экономический союз, странам — участникам Таможенного союза необходимо законодательно закрепить до-

полнительные меры по защите правообладателей от незаконного использования их торговых марок и защите от недобросовестной конкуренции, перенимая положительный опыт западных стран для увеличения объемов международной торговли.

Литература

1. Агамагомедова, С. Совершенствование механизма защиты прав на объекты ИС таможенными органами / С. Агамагомедова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2011. — № 2. — С. 38—45.
2. Бородко, Н. П. Защита интеллектуальной собственности таможенными органами Таможенного союза / Н. П. Бородко // Труды БГТУ. История, философия, филология. — 2011. — № 5. — С. 120—122.
3. Договор о Таможенном кодексе таможенного союза [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
4. Конева, Я. Таможенная защита прав на товарные знаки как объекты интеллектуальной собственности / Я. Конева // Юрист. — 2011. — № 10. — С. 61—64.
5. Леанович, Е. Антиконтрафактное соглашение (АКТА): политико-правовые аспекты / Е. Б. Леанович // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2012. — № 1. — С. 3—11.
6. Леанович, Е. Б. Международная охрана интеллектуальной собственности: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по юрид. специальностям / Е. Б. Леанович. — Минск: ИВЦ Минфина, 2011. — 400 с.
7. О таможенной защите прав интеллектуальной собственности: нормы и правила КНР от 2 дек. 2003 г. [Электронный ресурс] // Законодательство Китая. — Режим доступа: <http://chinalawinfo.ru/economic_law/statute_customs_protection_ipr/statute_customs_protection_ipr_ch4>. — Дата доступа: 12.11.2013.
8. О таможенном деле в Республике Казахстан: Кодекс Респ. Казахстан от 30 июня 2010 г. № 296-IV (Таможенный кодекс) [Электронный ресурс] // ЮРИСТ — комплекс правовой информации (законодательство) Республики Казахстан. — Режим доступа: <http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30776062&mode=all#sub_id=4360000>. — Дата доступа: 05.11.2013.
9. О таможенном регулировании в Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 27 нояб. 2010 г. № 311-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/custom_new>. — Дата доступа: 10.11.2013.
10. Панова, Е. Объекты интеллектуальной собственности: основные понятия, классификация, роль таможенных органов в обороте через таможенную границу Российской Федерации товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности / Е. Панова // Право и экономика. — 2009. — №12. — С. 39—46.
11. Пауков, А. А. Управление качеством таможенных услуг по защите интеллектуальной собственности: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А. А. Пауков; Рос. тамож. академия. — М., 2004. — 192 с.
12. Подпригора, Г. В. Обеспечение защиты объектов интеллектуальной собственности предприятий — участников внешнеэкономической деятельности: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Г. В. Подпригора; Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ». — Ростов н/Д., 2005. — 169 с.
13. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь от 20 дек. 2006 г. № 194-З: принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г.; одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г.: текст по состоянию на 01.11.2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
14. Романова, М. Задержание товаров таможенными органами: новации законодательства / М. Романова // Компас экспедитора и перевозчика. — 2012. — № 1. — С. 19—21.
15. Таможенный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 204-З: принят Палатой представителей 7 дек. 2006 г.; одобр. Советом Респ. 20 дек. 2006 г.: текст по состоянию на 01.11.2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
16. Уничтожение [Электронный ресурс] // issa.ru. — Режим доступа: <http://issa.ru/legislation/custmod/custmod_13.html>. — Дата доступа: 12.11.2013.
17. Фомина, Т. И. Таможенное регулирование международной торговли товарами, содержащими интеллектуальную собственность: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Т. И. Фомина; Рос. тамож. акад. — М., 2004. — 225 с.
18. ACTA before the European Parliament [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: <<http://www.europarl.europa.eu/news/en/pressroom/content/20120217BKG38488/html/ACTA-before-the-European-Parliament/>>. — Date of access: 10.01.2013.
19. Agreement on trade-related aspects of intellectual property rights [Electronic resource] // The Trips Agreement. — Mode of access: <http://www.tripsagreement.net/?page_id=40>. — Date of access: 10.11.2013.
20. Anti-Counterfeiting Trade Agreement [Electronic resource] // Wikipedia: The Free Encyclopedia. — Mode of access: <http://en.wikipedia.org/wiki/Anti-Counterfeiting_Trade_Agreement>. — Date of access: 10.01.2013.
21. Japan ratifies ACTA agreement [Electronic resource] // the INQUIRER. — Mode of access: <<http://www.theinquirer.net/inquirer/news/2203330/japan-ratifies-acta-agreement/>>. — Date of access: 10.01.2013.
22. Council Regulation (EC) N 1383/2003 of 22 July 2003 concerning customs action against goods suspected of infringing certain intellectual property rights and the measures to be taken against goods found to have infringed such rights [Electronic resource] // World International Property Organization. — Mode of access: <<http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=1455>>. — Date of access: 10.01.2013.
23. Regulation (EU) N 608/2013 of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 concerning customs enforcement of intellectual property rights and repealing Council Regulation (EC) N 1383/2003 [Electronic resource] // Access to European Union Law. — Mode of access: <http://new.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?sessionid=lpZFRZvJJkwDLZH3kPwr3HxqinwfQKgL9b8vphsClGThNvkT4LMs1343514170?uri=uriserv:OJ.L_.2013.181.01.0015.01.ENG>. — Date of access: 10.11.2013.

«Уничтожение под таможенным контролем как наиболее эффективный способ борьбы с контрафактом» (Елена Иванова)

Статья посвящена анализу законодательства по применению процедуры уничтожения контрафактной продукции таможенными органами. Автором раскрыто понятие контрафактной продукции и механизм приостановления таможенного оформления товаров, подозреваемых в нарушении прав интеллектуальной собственности. В статье рассмотрены акты международного характера по названной тематике и проведено их соотношение с законодательством и таможенной практикой Республики Беларусь. Автором изложены основания для применения процедуры уничтожения контрафакта таможенными органами (на примере стран ЕС, стран Таможенного союза и Республики Беларусь), полномочия органов и лиц на принятие соответствующего решения, порядок проведения процедуры уничтожения и обозначены проблемы введения упрощенных процедур уничтожения поддельной продукции в Республике Беларусь.

«Destruction Under the Customs Control as the Most Effective Way to Combat Counterfeit» (Elena Ivanova)

The article is devoted to the analysis of the legislation on the procedure of the customs destruction of counterfeit goods. The author reveals the definition of counterfeit goods and the mechanism for suspending the release of goods suspected of violation of the intellectual property rights. The article examines international acts on the abovementioned issues and correlates them with Belarusian legislation and customs practice. The author describes the reasons for using the procedure of destruction of counterfeit goods by customs (taking as an example the rules of the EU, Member States of the Customs Union and the Republic of Belarus), institutional and personal authority to make the appropriate decision and the destruction procedure, as well as identifies the problems of introduction of simplified destruction procedures for the goods violating the intellectual property right in the Republic of Belarus.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2013 г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАЩИТУ»

Леонид Евменов

Какие события и почему привели руководство ООН к необходимости введения новой концепции? Это неуправляемость многих событий, массовая гибель населения, катастрофическое разрушение важных структур жизнедеятельности: Балканы, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Бразилия, Таиланд, США, Северо-Восточный Китай, Дальний Восток России, Мексика...

В статье «Глобальныя пытанні навукова-тэхнічнай палітыкі ў дзейнасці міжнародных навуковых аб'яднанняў» [3] были даны характеристики и политологический анализ основных глобальных вопросов, над решением которых работает ряд международных негосударственных научных объединений, а также предметно рассмотрен механизм исследования одной из проблем посредством использования инфраструктуры ООН. Данная статья посвящена рассмотрению другой конкретной глобальной проблемы — возможности (трактующейся как необходимость) вмешательства во внутренние дела других государств, оформлению в международном праве данной деятельности и деятельности ООН в этой сфере. Политико-правовым основанием, используемым ООН на современном этапе для оценки конфликтов с позиции необходимости вмешательства в процессы, происходящие в суверенных государствах, является концепция «ответственности за защиту» («*Responsibility to Protect*»), автор которой — бывший министр иностранных дел Австралии и главный исполнительный директор Международной кризисной группы Г. Эванс [см.: 6]. Предложив в 2002 г. преобразовать термин «право на вмешательство» в формулировку «ответственность за защиту», Г. Эванс обозначил категориальный аппарат, который был использован и используется при обосновании правомерности вторжения США в Ирак, одобрении со стороны ООН операции в Ливии в 2011 г., рассмотрении вопросов решения современной ситуации в Сирии. Критичность по последствиям и масштабность по географии рассматриваемого вопроса диктуют необходимость активного привлечения международных как правительственных, так и неправительственных структур к научному обеспечению процессов разработки нормативной базы и инструмен-

тов для выработки согласованных подходов, обеспечивающих выдержанные с социально-гуманитарных позиций, предсказуемые и разумно управляемые результаты с обязательным принятием во внимание требований поддержки национально-государственного суверенитета народов. Некоторые ориентиры по реализации политико-правовых исследований в данной сфере, а также использованию их результатов в дипломатии представлены ниже [4; 5; 8].

Понятийно-категориальное измерение

В любом документе, анализирующем явления и пытающемся сделать выводы, т. е. синтезировать излагаемые идеи, необходимо, в первую очередь, определить опорную группу идей и проблем, закладываемых в новый предлагаемый документ, в новую концепцию. ООН предлагает вместо концепции «гуманитарной интервенции» концепцию «ответственности за защиту», благодаря которой авторы рассчитывают на более конкретное решение проблемы «вмешательства во внутренние дела государств», заменяя многие его компоненты понятием «ответственности за защиту», представляющим якобы явления «невмешательства», «ненасильственного вмешательства» как составные элементы превентивной дипломатии. Или «в исключительных случаях» международному сообществу предоставляется право прибегать к коллективным мерам в соответствии с «нормами и процедурами, закрепленными в уставе ООН», т. е., говоря точнее, к той же коллективной «гуманитарной интервенции». Понятия «мониторинг», «превентивная дипломатия», «раннее предупреждение», «эффективное реагирование», «ненасильственные меры» также имеют отношения к этой опорной группе идей и проблем.

На основе данной группы опорных идей и проблем, может быть, следует искать название любого документа о новой концепции в пределах: «Ответственность за защиту: мониторинг, раннее предупреждение, невмешательство (как помощь с согласия), ненасильственное вмешательство без согласия (как санкции на передвижение лиц, оружейное эмбар-

Автор:

Евменов Леонид Фёдорович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, главный научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси

го), насильственное вмешательство в исключительных случаях» в соответствии с Уставом ООН [см.: 5].

Вызовы и угрозы, четко оговоренные в документах ООН

В основе вреда, наносимого населению (массовой гибели людей), вреда инфраструктурам жизнедеятельности человека, согласно ООН, выступают вызовы и угрозы, ведущие к кризису человеческой цивилизации. Такими угрозами человечеству в актах ООН обозначены: геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности.

По части вызовов, угроз и вреда, наносимого населению, для документа, анализирующего проблемы «ответственности за защиту», необходимы разъяснения. Главное из них: что нужно понимать, употребляя понятия «преступления против человечности». Что это за преступления? Они не обозначены ни в актах, ни в документах ООН. Что конкретно включают в себя вызовы и угрозы, именуемые в международном праве «преступлениями против человечности»? Для этого, прежде всего, следует уточнить содержание основообразующей части, ответив на вопрос, что должно включать в себя понятие «человечность».

Это, очевидно, определенные качества отношения человека к другому человеку. Высокоморальные качества. По всей вероятности, отношение к ДРУГОМУ, базирующееся на уважении его ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА, на неприкосновенности достоинства личности и прав человека как творца человеческой цивилизации. Какие же характеристики в данном случае нужно связывать с явлением «преступления против человечности»? Это все то, что ведет к уничтожению достоинства человека: пытки, рабство, торговля людьми и схожие с ними явления, т. е. те явления, которые угрожают человеку расчеловечиванием, бестиализацией. К ним следует отнести, кроме уже названных, алкоголизм, наркоманию, нетрадиционные сексуальные отношения и др. Таким образом, необходимо на научной основе реализовать уточнения понятия «преступления против человечности», четко определив его содержание.

Кризисные явления, не называемые однозначно в актах ООН вызовами и угрозами. Необходимость их структуризации

На нашей планете отмечается немало количество других явлений, которые в сущности относятся к вызовам и угрозам человеческой цивилизации. Это угрозы здоровью человека (онкологические, сердечно-сосудистые заболевания, ВИЧ-инфекция, туберкулез, ма-

лярия, вспышки холеры; стихийные бедствия (извержения вулканов, засухи, наводнения, опустынивание, обезлесение); техногенные катастрофы (Чернобыль, Фукусима); бедствия космического генеза (столкновения Земли с астероидами и метеоритами); медленные, затянутые во времени угрозы жизни, ведущие к расчеловечиванию (алкоголизм, наркомания, безработица, нетрадиционные сексуальные отношения) и др., ведущие к кризису человеческой цивилизации...

При их характеристике в докладах Генерального секретаря ООН 66-й и 67-й на сессиях о работе Организации используются понятия «глобальный кризис», «глобальная катастрофа», «беспрецедентные стихийные бедствия», «антропогенная чрезвычайная ситуация», «глобальные проблемы» (в области здравоохранения), «глобальный кризис в области занятости», «чрезвычайные ситуации в области прав человека» и, наконец (в докладах 66-й сессии) эти явления именуется «глобальными вызовами». В разделе «Борьба с терроризмом» ясно и четко говорится, что «терроризм, («организованная преступность и оборот наркотиков») по-прежнему является одной из **главных угроз** международному миру и безопасности» [см.: 2]. Как бы обобщая эти характеристики, Генеральный секретарь утверждает: «Мы вступили в эпоху мегакатастроф...», предупреждая, что человечество «должно быть готово к новым вызовам...» [см.: 1].

Опыт последнего десятилетия показывает, что вызовы и угрозы человеческой цивилизации неумолимо опережают по количеству, негативным последствиям (качеству), объемам смертельно опасного воздействия защитные меры разобщенного человека и человечества. В этом плане первой робкой попыткой представляется нам новая концепция ООН «ответственности за защиту», выдвигаемая как новый принцип политической действительности, объединенных политических отношений, как новый принцип управления делами человеческого общества. Но обстоятельства требуют пересмотра всей мировой политической системы противодействия вызовам и угрозам. Особенно остро должен быть поставлен вопрос о ядерных вооружениях и ядерных энергетических установках, представляющих сегодня действительную **мегаугрозу**.

Думается, что дипломатам в рамках обсуждения проблем новой концепции ООН необходимо поднимать вопрос о более широком спектре **ВЫЗОВОВ И УГРОЗ** современному человеку и человечеству, способному привести к краху человеческой цивилизации. Кризис ее уже очевиден. Краха еще можно избежать.

Определение структуры существующих угроз необходимо для лучшего понимания и видения потенциальных масштабов кризиса с целью организации продуманной системы противодействия ему.

Данная структура может выглядеть следующим образом: а) массовые старые и новые заболевания; б) природные катаклизмы и климатический кризис; в) техногенные катастрофы; г) космические столкновения с планетой Земля (астероиды и метеориты); д) гуманитарные вызовы и угрозы (алкоголизм, наркомания, безработица, пытки, геноцид, этнические чистки); е) политико-правовые проблемы (репрессии, революции, восстания, гражданские войны).

В соответствии с предложенной структурой вызовов и угроз следует определить и структуру возможной «ответственности за защиту». Именно в такой трактовке идея «ответственности за защиту» как новая концепция ООН призвана сделать подвижку в уточнении понятия «вмешательства» и «невмешательства» во внутренние дела государств и заменить концепцию «гуманитарной интервенции».

«Ответственность за защиту». Структура понятия и явления

Прежде всего, следует уточнить, что могут представлять собой понятия «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ», «ЗАЩИТА» и «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАЩИТУ», имея в виду «БОРЬБУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА С ВЫЗОВАМИ И УГРОЗАМИ ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИИ».

Ответственность — это, пожалуй, осознание возможности, необходимости, обязанности участия в решении проблем, создаваемых вызовами и угрозами для собственных стран, коллективных мероприятий в других странах, человечества в целом.

Защита — это участие в практических мероприятиях своей страны и в коллективных международных акциях по защите населения других стран и человечества от вызовов и угроз современности.

Ответственность за защиту как понятие, связывающее два предыдущих, означает явление, когда стороны, осознавшие необходимость и обязанности участия в защите, КОДИФИЦИРУЮТ в национальном и международном законодательстве свои обязательства по защите человеческой цивилизации от краха (поправки в конституции, специальные декларации, конвенции, поправки в Устав ООН). Только в этом случае «ответственность за защиту» приобретает возможность быть реализованной.

В этом плане уместно упомянуть стремление бразильской дипломатии заменить понятие и явление «ответственность за защиту» понятием и явлением «ответственность в процессе защиты» [7]. Никто не спорит с теми, кто стремится создать разумный механизм в самом процессе реализации борьбы против вызовов и угроз современной цивилизации. Но постановка вопроса только о самом процессе защиты уменьшает степень осознания важ-

ности мониторинга, планирования, создания «тормозной» системы национального и международного права вызовам и угрозам современному человечеству. Белорусским дипломатам следовало бы заменить свой подход к бразильской инициативе серьезным ее анализом.

В новой кодификации должны быть предусмотрены приемлемые меры и формы помощи отдельным странам, формат участия в коллективных ненасильственных акциях международного сообщества и механизм их реализации. Как и механизм приведения в действие принудительных, насильственных акций международного сообщества, который должен запускаться только с согласия Совета Безопасности ООН.

Изложенное дает проективное основание для предложения следующей структуры «ответственности за защиту»:

1) политико-правовая ответственность за защиту (от революций, гражданских войн, репрессий);

2) гуманитарная ответственность за защиту (от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и т. д.);

3) медицинская ответственность за защиту (от старых и новых смертельно опасных заболеваний);

4) экологическая ответственность за защиту (от стихийных бедствий);

5) техногенная ответственность за защиту (от ядерного и иного оружия массового уничтожения, от техногенных катастроф и киберугроз);

6) космическая ответственность за защиту (от астероидов и метеоритов, поиск и освоение новых возможных для обитания земляных объектов).

Предложенная структура ответственности за защиту человеческой цивилизации требует включения этой проблемы в дискуссии в рамках ООН.

Меры по реализации концепции «ответственности за защиту» на уровне отдельных государств, коллективных международных усилий и человечества

А. Государствам, в которых вызовы и угрозы зашкаливают до уровня, близкого к катастрофе, требуется оказывать помощь:

1) в разработке программ их внутреннего самоусовершенствования (модернизации, гармонизации их внутренних политико-правовых и экономических систем с системами наиболее развитых стран, культурологически сходных с ними);

2) в разработке и реализации программ гуманитарной, экономической и технической помощи (для компенсации жертвам, восстановления разрушенной инфраструктуры, предупреждения возможных чрезвычайных ситуаций);

3) в реализации ненасильственных санкционных мер (запреты на передвижение, замораживание активов, оружейное эмбарго и др.) при этом — только по решению Совета Безопасности ООН.

Б. На уровне коллективных международных усилий: создание групп мониторинговой разведки, разработка мониторинговой системы раннего предупреждения, разработка оперативных и стратегических мер реализации ответственности за защиту, учреждение организационных структур планирования, руководства, реализация и осуществление международных акций.

В. На уровне единого руководящего штаба

СОГЛАСОВАНИЕ И ГАРМОНИЗАЦИЯ принципов управления деятельностью различных субъектов «ответственности за защиту», за спасение человеческой цивилизации от гибели.

Управление делами «ответственности за защиту»

1. Всю работу по планированию и руководству следует возложить на Организацию Объединенных Наций. Спасти цивилизацию, созданную разумом, — ее главная задача. Окончательное решение по возникающим проблемам передать под эгиду модернизированного Совета Безопасности.

2. В связи с продвижением концепции «ответственности за защиту» и работы по ее реализации следует создать при Совете Безопасности Совет профессионалов, в который будут входить ученые и специалисты в областях, соответствующих каждой из шести частей структуры «ответственности за защиту».

3. Экспертиза предложений по отдельным странам и острым общечеловеческим проблемам должна осуществляться Советом профессионалов, решения которого утверждаются Советом Безопасности.

4. Уже сейчас действуют международные структуры ООН и самостоятельные организации, которые имеют опыт такой работы. Кроме структур ООН и ЮНЕСКО это ВОЗ, МОТ, МАГАТЭ и др., такие как специально созданные ООН институты, призванные обеспечивать осуществление «ответственности за защиту»: Интегрированная миссия Организации Объединенных Наций в Тиморе-Лешти, Миссия Организации Объединенных Наций в Либрии, Комиссия по миростроительству, Консультативная группа высокого уровня, Управление по координации гуманитарных вопросов, Объединенная канцелярия специальных советников по предотвращению геноцида, Консультативная группа высокого уровня Генерального секретаря по финансированию противодействия изменению климата, Межправительственная группа по изменению климата, Группа высокого уровня по глобальной устойчивости, Глобальная инициатива по искоренению полиомиелита, Целевая груп-

па по осуществлению контртеррористических мероприятий, Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства, по обеспечению глобального прогресса в равенстве полов и расширению прав и возможностей женщин, Отделение Организации Объединенных Наций при Африканском союзе, Региональное отделение Организации Объединенных Наций для Центральной Африки, Комитет по насильственным исчезновениям и ряд других. Необходимо только переключить и переорганизовать их на выполнение специфических региональных и глобальных задач «ответственности за защиту» [см.: 2].

5. Совершенствование (гармонизация, сближение, единение, унификация) системы принципов основополагающего управления в сущности уже предложено на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в заключительном разделе «Укрепление Организации» доклада Генерального секретаря. Эти принципы (инициативы) «в среднесрочной перспективе... дают возможность пересмотреть нынешние различия между так называемой "деятельностью Централных учреждений" и "деятельностью на местах", которые... привели к появлению различных подходов к управленческо-административной работе» [1]. Деятельность Центра — Регионов — Национально-государственных субъектов должна стать взаимосвязанной, согласованной деятельностью, реализующей унификацию явлений ответственности за защиту во имя спасения человечества как цивилизации.

Вместо заключения

В любой документ и в дальнейшие дискуссии по рассматриваемой тематике необходимо включать:

- проблему уточнения опорной группы идей концепции «ответственности за защиту»;
- определение понятия и явления «преступления против человечности»;
- идею более широкого спектра по сравнению с оговоренным в документах ООН, с включением всех вызовов и угроз, создающих опасность краха человеческой цивилизации;
- обсуждение проблем кодификации в национальном и международном праве как создание реальной возможности реализации новой концепции;
- вопрос о структуре «ответственности за защиту»;
- вопрос о реализации (операционализации) и управлении делами «ответственности за защиту»;
- планирование и реализацию мер, связанных со стремительным ростом народонаселения: в ближайшем будущем численность населения на Земле достигнет 9 млрд человек, что ставит перед человечеством, по меньшей мере, три вопроса:

- 1) как и чем прокормить такую армию, учитывая, что уже сегодня нищета является одной из главных угроз для землян?
- 2) как и чем обеспечить их занятость, учитывая, что уже сегодня эта проблема является одной из самых злободневных?
- 3) как обеспечить возможность переселения людей на другие космические объекты,

учитывая, что кризисные явления в обществе и на планете Земля неумолимо нарастают?

«...Мы должны быть готовы к новым вызовам, противостоять которым мы должны СООБЩА (выделено нами. — Л. Е.) и среди которых не последнее место занимают вызовы, порожденные демографическими изменениями» [2].

Литература

1. Доклад Генерального секретаря о работе Организации: док. ООН А/67/1 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/67/1>>. — Дата доступа: 01.09.2013.
2. Доклад Генерального секретаря о работе Организации: док. ООН А/66/1 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/66/1>>. — Дата доступа: 01.09.2013.
3. Падкапаеў, У. В. Глобальныя пытанні навукова-тэхнічнай палітыкі ў дзейнасці міжнародных навуковых аб'яднанняў / У. В. Падкапаеў // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. — 2012. — № 1. — С. 27–32.
4. Ceren, O. Responsibility to Protect Not Remotely New / O. Ceren // Commentary. — 2011. — March 20.
5. Charte des Nations Unies et Statut de la Cour Internationale de Justice. — New York: Nations Unies, 1968.
6. Evans, G. The Responsibility to Protect / G. Evans, M. Sahnoun // Foreign Affairs. — 2002. — Vol. 81, N 6. — P. 99–110.
7. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS), Sept. 2000.
8. Thakur, R. The United Nations Security: From Collective Security to the Responsibility to Protect / R. Thakur. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 402 p.

«Методологические ориентиры становления новой политико-правовой концепции Организации Объединенных Наций "Ответственность за защиту"» (Леонид Евменов)

Проведена характеристика понятийно-категориального оформления концепции «ответственности за защиту». Обоснована необходимость уточнения содержания ряда терминов, используемых в нормативных документах ООН, и организации деятельности по формированию на основе международной научной кооперации расширенного списка вызовов и угроз для использования в рамках концепции «ответственности за защиту». Представлена структура вызовов и угроз современной человеческой цивилизации, которой целесообразно руководствоваться при обсуждении вопроса «ответственности за защиту» в рамках ООН. Предложены меры реализации концепции «ответственности за защиту» на уровне отдельных государств, коллективных международных усилий и человечества. Связаны понятия и явления «ответственности за защиту» от вызовов и угроз и спасение человеческой цивилизации.

«Methodological Guidelines in Formation of a New Political and Legal Concept of the United Nations "Responsibility to Protect"» (Leonid Evmenov)

The article identifies the characteristics of conceptual and categorical formation of the concept «Responsibility to Protect» and gives the grounds for the necessity of clarification of a number of terms used in the UN legal acts and for the initiation of activities on formation of the extended list of challenges and threats on the basis of international scientific cooperation in order to use it in the framework of the concept «Responsibility to Protect». The author presents the structure of challenges and threats of modern human civilization which is advisable to use while discussing the «Responsibility to Protect» issue in the UN framework. Measures of the «Responsibility to Protect» concept application on the level of separate states, collective international efforts and humanity in general are proposed. The article links the terms and phenomena of the «Responsibility to Protect» from challenges and threats and salvation of human civilization.

Статья поступила в редакцию в октябре 2013 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА УВКБ ООН: № 111 (LXIV) — 2013 О РЕГИСТРАЦИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Исполнительный комитет,

ссылаясь на свои предыдущие заключения, в частности № 22 (XXXII), № 47 (XXXVIII), № 90 (LII), № 91 (LII), № 95 (LIV), № 100 (LV), № 101 (LV), № 102 (LVI), № 105 (LVII), № 106 (LVII), № 107 (LVIII), № 108 (LIX) и №109 (LX), а также принимая во внимание соответствующие резолюции Организации Объединенных Наций,

признавая, что регистрация актов гражданского состояния и соответствующая документация, особенно регистрация рождений как подтверждение факта рождения лица, способствуют повышению уровня защиты и осуществлению долгосрочных решений, в том числе путем документального обоснования связей со странами происхождения,

вновь подтверждая, что каждый ребенок должен регистрироваться сразу же после рождения без какой бы то ни было дискриминации,

признавая, что системы регистрации актов гражданского состояния, которые регистрируют рождение, смерть, причину смерти и заключение брака, обеспечивают важную информацию для целей разработки политики и планирования гуманитарной деятельности,

принимая к сведению неизменное великодушие, проявляемое принимающими странами, особенно развивающимися государствами, некоторые из которых принимают большое число беженцев, причем иногда в течение длительного времени, и социально-экономическое и экологическое воздействие на эти страны и их общины; а также *признавая* потребность в мобилизации необходимой поддержки, включая финансирование в целях оказания помощи странам, принимающим беженцев, в соответствии с принципами справедливого разделения ответственности и международной солидарности и сотрудничества,

отмечая, что отсутствие регистрации актов гражданского состояния и соответствующей документации может ставить лиц в уязвимое положение ввиду угрозы безгражданства и сопряженных с этим рисков для их защиты и что регистрация рождений во многих случаях имеет крайне важное значение для сокращения и предотвращения безгражданства,

признавая необходимость дальнейшего укрепления усилий в тех местах, где отмечается низкий уровень регистрации рождений и соответствующей документации, для целей улучшения доступа к регистрации актов гражданского состояния, учитывая в то же время необходимость оказания помощи странам, принимающим большое количество детей-беженцев, а также активизации усилий по реализации долгосрочных решений,

а) *настоятельно призывает* государства обеспечить регистрацию актов гражданского состояния и подчеркивает, что каждый ребенок должен регистрироваться сразу же после рождения без какой бы то ни было дискриминации, принимая во внимание то, что регистрация актов гражданского состояния, и в частности регистрация рождений, обеспечивает важную информацию для целей разработки политики и планирования гуманитарной деятельности в рамках нормативных мер, способствующих усилению защиты и реализации долговременных решений;

б) *призывает* государства предпринять в соответствии со своими законами и, при необходимости, в сотрудничестве и при поддержке УВКБ ООН любые необходимые правовые и практические меры для преодоления трудностей при проведении регистрации актов гражданского состояния, в том числе путем создания или укрепления существующих институтов, ответственных за регистрацию актов гражданского состояния, укрепления их потенциала и обеспечения безопасности и конфиденциальности их регистрационных документов;

с) *настоятельно призывает* УВКБ ООН, с согласия и в полном взаимодействии с заинтересованными правительствами, и, при необходимости, в сотрудничестве с другими соответствующими учреждениями, фондами и программами Организации Объединенных Наций, а также региональными организациями и гражданским обществом, содействовать регистрации актов гражданского состояния, в частности регистрации рождений, например путем сбора информации и обмена передовым опытом, организации технических рабочих совещаний, осуществления мер по наращиванию потенциала и предоставления информации и консультаций заинтересованным лицам, а также соблюдать основополагающие принципы и международные нормы и стандарты, регулирующие защиту персональных данных;

¹ Публикуется по: Доклад Исполнительного комитета Программы Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Шестдесят четвертая сессия (30 сентября—4 октября 2013 г.): док. ООН А/68/12/Add.1. — Нью-Йорк: ООН, 2013. — С. 3—5.

d) *призывает* государства сделать доступной регистрацию актов гражданского состояния, в частности через:

i) принятие упрощенных административных процедур и, при необходимости, встраивание в другие государственные структуры служб по регистрации актов гражданского состояния, в том числе связанных с рождением ребенка, медицинским обслуживанием матери и ребенка, иммунизацией и образованием;

ii) регулярное осуществление информационно-просветительских кампаний или пропагандистской деятельности на уровне сообществ;

iii) принятие надлежащих мер для охвата сельских или отдаленных районов, например путем создания передвижных пунктов записи актов гражданского состояния;

iv) изучение возможности бесплатной регистрации рождений и смертей в соответствии с национальными законами и нормами, в частности упрощение процедуры поздней регистрации и отказ от регистрационных сборов и штрафов в случае поздней регистрации;

v) содействие составлению в соответствующих случаях медицинского заключения о причине смерти;

e) *призывает* государства прибегать, при необходимости, к технической и иной помощи со стороны других государств, УВКБ ООН и других учреждений, фондов и программ Организации Объединенных Наций, а также гражданского общества и региональных организаций;

f) *просит* УВКБ ООН периодически представлять в Исполнительный комитет в рамках существующих механизмов отчетности обновленную информацию о прогрессе, достигнутом в области регистрации актов гражданского состояния.

РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ АДНОСІН У 2000-я гг.

Андрэй Валодзькін

Развіццё беларуска-літоўскіх адносін у 2000-я гг. уяўляе досыць цікавы прыклад паспяховай практычнай рэалізацыі абвешчаных кіраўніцтвам Беларусі яшчэ ў 1990-х гг. прынцыпаў добрасуседства і прагматычнага партнёрства ў знешняй палітыцы. Прагматызм тут трэба разумець, як імкненне перанесці ва ўмовах несупадзення базавых палітычных каштоўнасцей асноўны акцэнт адносін на сукупныя эканамічныя інтарэсы. І ў гэтым сэнсе адносіны Беларусі з Літвой у 2000-х гг. зайшлі значна далей, чым з іншымі заходнімі і паўночнымі суседзямі. Вядома, характар беларуска-літоўскіх адносін таксама шмат у чым залежаў ад знешніх фактараў і больш шырокага міжнароднага кантэксту (напрыклад, ад «пацяпленняў» ці «пахаладанняў» у адносінах паміж афіцыйным Мінскам і Захадам). Нават падчас сустрэчы з А. Лукашэнкам у 2009 г. Прэзідэнт Літвы Д. Грыбаўскайтэ адзначыла, што Літва «размаўляе з Беларуссю ў тым ліку і ад імя Еўрапейскай супольнасці» [11, с. 4]. Аднак ужо сам факт абмену візітамі на вышэйшым узроўні ў час дзеяння абмежаванняў ЕС на кантакты з вышэйшым кіраўніцтвам Беларусі сведчыць аб дасягненні досыць высокага ўзроўню двухбаковых сувязей і аб тым, што ўзаемныя эканамічныя інтарэсы і прагматычныя меркаванні сталі мацнейшымі за палітычныя рознагалосці. Умоўна кажучы, Літва паслядоўна ішла ў ар'эргардзе еўрапейскай палітыкі абмежавання і згортвання сувязей з Беларуссю і ў авангардзе іх паляпшэння.

Характарызуючы распрацаванасць тэмы, трэба адзначыць, што сур'ёзных навуковых публікацый, прысвечаных развіццю беларуска-літоўскіх адносін у 2000-я гг. значна меней, чым тых, дзе даследавалася іх развіццё ў 1990-я гг. Большасць вядомых аўтараў публікацый хутчэй варта аднесці да аналітыкі бягучых падзей, альбо пэўных (пераважна эканамічных) аспектаў двухбаковага супрацоўніцтва на працягу дастаткова кароткага (2—3 гады) прамежку часу. Сярод гэтых публікацый трэба адзначыць раздзел у манаграфіі А. Дайнэкі прысвечаны развіццю беларуска-літоўскіх эканамічных адносін у 2007—2008 гг. [4, с. 79—85], і прысвечаны

гэтаму ж перыяду двухбаковых адносін артыкул беларускага гісторыка А. Ціхамірава [14]. Яшчэ адзін артыкул гэтага даследчыка змяшчае некаторы аналіз развіцця ў 1991—2001 гг. адносін Беларусі і Літвы [15]. Трэба ўзгадаць таксама інфармацыйны артыкул Т. Палэжай, прысвечаны візіту Прэзідэнта Беларусі ў Вільнюс ў верасні 2009 г. і агляду асноўных паказчыкаў беларуска-літоўскага супрацоўніцтва на той час [11]. З літоўскай гістарыяграфіі праблематыкі адносін з Беларуссю ў разглядаемы перыяд аўтара вядомы толькі адна навуковая праца: калектыўны артыкул даследчыкаў Вільнюскага тэхнічнага ўніверсітэта імя В. Гедыміна аб уплыве далучэння Літвы да Еўрасаюза на двухбаковы літоўска-беларускі гандаль [19]. У цэлым жа з боку літоўскіх даследчыкаў не адзначаецца асаблівай зацікаўленасці да даследавання адносін Літвы з Беларуссю ў разглядаемы перыяд.

У якасці інфармацыйных крыніц для даследавання двухбаковых адносін выкарыстоўваліся статыстычныя матэрыялы Нацыянальнага статыстычнага камітэту Рэспублікі Беларусь [9], а таксама інфармацыя, змешчаная на афіцыйных сайтах Пасольства Рэспублікі Беларусь у Літоўскай Рэспубліцы [12; 16], Пасольства Літоўскай Рэспублікі ў Рэспубліцы Беларусь [13] і Двухбаковай беларуска-літоўскай камісіі па гандлёвым і эканамічным супрацоўніцтве [5]. Аналіз развіцця дамоўна-прававой базы двухбаковых стасункаў грунтуецца на матэрыялах электроннай даведачна-прававой сістэмы «КансультантПлюс». У якасці дадатковых крыніц інфармацыі выкарыстоўваліся змешчаныя ў Інтэрнэце паведамленні айчынных і замежных інфармацыйных агенстваў [2; 3; 6; 8; 17], а таксама інтэрв'ю беларускага пасла ў Літве В. Дражына [7].

Развіццё беларуска-літоўскіх адносін аналізуецца ў артыкуле ў храналагічным парадку па трох асноўных напрамках: развіццё палітычных адносін, дамоўна-прававой базы і эканамічных сувязяў. У заключнай частцы артыкула на падставе даследавання дынамікі гэтых трох накірункаў супрацоўніцтва вылучаюцца этапы развіцця беларуска-літоўскіх адносін у 2000-я гг. і асноўныя тэндэнцыі кожнага з

Аўтар:

Валодзькін Андрэй Аляксандравіч — кандыдат гістарычных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Рэцэнзенты:

Бажанаў Уладзімір Аляксандравіч — доктар гістарычных навук, загадчык кафедры «Гісторыя, сусветная і айчынная культура» факультэта тэхналогій кіравання і гуманітарызцыі Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта

Русаковіч Андрэй Уладзіміравіч — кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

іх. Сярод метадаў даследавання асноўнае месца займалі колькасны і параўнальны аналіз, а таксама рангаванне і сістэма рэйтынгавай ацэнкі, якія дазвалялі для больш дакладнага аналізу ўсталяваць сувязь паміж колькаснымі і якаснымі паказчыкамі развіцця двухбаковых адносін.

Развіццё беларуска-літоўскіх палітычных кантактаў

На першую палову 2000-х гг. прыйшла асноўная частка перыяду згортвання беларуска-літоўскіх палітычных кантактаў, які пачаўся яшчэ напрыканцы 1990-х гг. Так, пасля сустрэчы прэзідэнтаў дзвюх краін на кантрольна-прапускным пункце праз беларуска-літоўскую мяжу «Каменны Лог — Мядзінкай» у лістападзе 1998 г. спыніліся палітычныя кантакты на вышэйшым узроўні; пасля візиту ў Літву прэм'ер-міністра Беларусі С. Лінга ў чэрвені 1999 г. — на высокім узроўні; а з лістапада 2000 г. — і на ўзроўні міністраў замежных спраў [1]. Згортванне кантактаў на ўсіх узроўнях адбывалася па ініцыятыве літоўскага боку. У гэты час Літва як раз распачала перамовы аб уступленні ў Еўрасаюз і разам з іншымі краінамі-кандыдатамі далучылася да агульнай палітыкі гэтага аб'яднання па згортванню палітычных кантактаў з вышэйшым кіраўніцтвам Беларусі і абумоўленасці іх аднаўлення вяртаннем нашай краіны на шлях ліберальна-дэмакратычных рэформ. З улікам таго, што па тэмах рэструктурызацыі эканомікі дзеля выканання эканамічных крытэрыяў уступлення ў ЕС Літва саступала большасці краін-кандыдатаў, ёсць падстава меркаваць, што яе кіраўніцтва разлічвала кампенсаваць гэтае адставанне большай палітычнай лаяльнасцю да Брюксэлю, у тым ліку і ў пытанні адносін з Беларуссю.

2000 г. пачаўся з працоўных сустрэч намеснікаў міністраў замежных спраў Беларусі і Літвы, што адбыліся ў студзені ў Вільнюсе і Мінску. 4 красавіка Літву з працоўным візітам наведаў намеснік прэм'ер-міністра — міністр замежных спраў Беларусі У. Латышаў [1]. Падчас візиту ён правёў перамовы з Прэзідэнтам Літвы В. Адамкусам і перадаў яму запрашэнне А. Лукашэнкі наведаць Беларусь, якое літоўскі бок пакінуў без адказу. Акрамя таго, У. Латышаў сустрэўся з прэм'ер-міністрам Літвы А. Кубілюсам і міністрам замежных спраў А. Саўдаргасам. Па выніках гэтага візиту былі падпісаны міжурадавыя беларуска-літоўскія пагадненні аб супрацоўніцтве ў галіне чыгуначнага транспарту і транзіту з выкарыстаннем партоў і іншай транспартнай інфраструктуры Літвы. Разам з гэтым быў падпісаны сумесны мемарандум аб стварэнні Міжурадавай беларуска-літоўскай камісіі пад кіраўніцтвам міністраў замежных спраў дзвюх краін [1].

Яшчэ адна сустрэча міністраў замежных спраў Беларусі і Літвы адбылася 27 лістапада 2000 г. падчас пасяджанняў Савета міністраў замежных спраў (СМЗС) АБСЕ ў Вене. На гэтай сустрэчы новы міністр замежных спраў Літвы А. Валёніс выказаўся за развіццё «прагматычных адносін» паміж дзвюма краінамі [1]. Пасля гэтага кантакты на ўзроўні міністраў замежных спраў спыніліся на некалькі гадоў.

У 2001 г. палітычныя сувязі паміж Літвой і Беларуссю падтрымліваліся толькі на ўзроўні намеснікаў міністраў замежных спраў. 6 сакавіка адбылася працоўная паездка ў Літву намесніка міністра замежных спраў Беларусі А. Сычова, падчас якой ён сустракаўся з намеснікам міністра замежных спраў Літвы О. Юсісам і абмеркаваў з ім магчымасці беларуска-літоўскага супрацоўніцтва ў міжнародных арганізацыях [1]. Падчас гэтай сустрэчы літоўскі бок пацвердзіў сваю згоду аказаць Беларусі падтрымку ў атрыманні статусу назіральніка ў Савеце дзяржаў Балтыйскага мора (СДБМ). Акрамя таго, беларуска-літоўскія кансультацыі на тым жа ўзроўні прайшлі ў Мінску 5—6 красавіка [1].

Яшчэ адной асаблівасцю развіцця двухбаковых адносін на мяжы 1990—2000-х гг. стала аднаўленне кантактаў на міжпарламенцкім узроўні. Хоць ў 1997 г. літоўскія парламентарыі абвясцілі, што ў іх няма партнёраў у Беларусі, адмовіўшыся такім чынам прызнаць легітымнасць створанага па выніках канстытуцыйнага рэферэндуму Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, у 1999—2001 гг. адбылася серыя візітаў у Беларусь літоўскіх парламентарыяў і парламенцкіх дэлегацый. Так, 3—5 сакавіка 1999 г. Мінск наведала парламенцкая дэлегацыя Камітэта па пытаннях сяла Сейма Літоўскай Рэспублікі. У снежні 2000 г. па ініцыятыве Б. Брадаўскаса, які прадстаўляў фракцыю сацыял-дэмакратычнай кааліцыі ў сейме Літвы, была створана парламенцкая група па сувязях з Беларуссю ў складзе больш як 20 дэпутатаў ад розных палітычных сіл [1].

Аднак развіццё міжпарламенцкіх кантактаў насіла досыць супярэчлівы характар. Папершае, стварэнне парламенцкай групы па супрацоўніцтве з Беларуссю выклікала рэзкую крытыку з боку партыі кансерватараў і Міністэрства замежных спраў Літвы [1]. Па-другое, новы склад сейма, створаны па выніках парламенцкіх выбараў 2000 г. восенню таго ж года, выказаў падтрымку пазіцыі Еўрасаюза па непрызнанню Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь у якасці легітымнага парламенту краіны [6]. Па-трэцяе, уключэнне ў лік міжпарламенцкіх кантактаў наведвання Мінска дэпутатамі літоўскага сейма С. Дзмітрыевым і У. Арэхамым у пачатку лютага 2001 г. выклікала значныя пытанні. Бо хаця яны прыезджалі па запрашэнні дэпутата Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь А. Ваганаві і падчас знаходжання ў Мінску сустракаліся

з беларускімі парламентарыямі (у тым ліку са Старшынёй Палаты прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь У. Канаплёвым), у інтэрв'ю агенцтву «Інтэрфакс» У. Арэхаў падкрэсліў, што іх дэлегацыя прадстаўляе не сейм Літвы, а літоўскую палітычную партыю (досыць маргінальную, як сведчыць вопыт яе ўдзелу ў парламенцкіх і муніцыпальных выбарах. — А. В.) «Саюз рускіх Літвы» [6].

І ўсё ж пэўны ўсплёск цікаўнасці да супрацоўніцтва з Беларуссю з боку літоўскіх парламентарыяў безумоўна меў месца. Акрамя згаданага прыезду ў Мінск прадстаўнікоў «Саюза рускіх Літвы» дэпутаты літоўскага сейма яшчэ двойчы наведвалі Беларусь на працягу 2001 г. Для афіцыйных сустрэч у міністэрствах сельскай гаспадаркі і аховы навакольнага асяроддзя наведалі дэпутаты Сейму Б. Брадаўскас, В. Эйнаркус і У. Арэхаў. Падчас свайго візіта ў нашу краіну яны таксама сустрэліся са старшынёй Пастаяннай камісіі Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь па міжнародных справах і нацыянальнай бяспецы М. Чаргінцом. Начале дэлегацыі літоўскіх фермераў наведаў Беларусь і намеснік старшыні Сейму Літвы Р. Карбаўскіс [1].

2002—2004 гг. сталі перыядам максімальнага «замарожвання» літоўска-беларускіх палітычных кантактаў — наколькі дазваляе меркаваць наяўная інфармацыя, у гэты час яны спыніліся абсалютна на ўсіх узроўнях (табл. 1). Разважаючы аб падставах такой сітуацыі, варта ўгадаць, што, па-першае, менавіта ў гэты час Еўрасаюз і Арганізацыя Паўночнаатлантычнага дагавору прымалі канчатковыя рашэнні аб тэрмінах і ўмовах прыняцця новых членаў з ліку краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і аб тым, хто канкрэтна з кандыдатаў войдзе ў наступны раунд пашырэння. Таму ключавой тэмай, што адцягнула на сябе амаль усю ўвагу літоўскіх палітыкаў, стала ўзгаданне ўмоў уступлення Літвы ў гэтыя арганізацыі. Па-другое, у самой Літве разгарэўся ўнутрыпалітычны крызіс — пасля непрацяглага і скандальнага прэзідэнцтва Р. Паксаса, якое скончылася імпічментам, некалькі месяцаў абавязкі кіраўніка дзяржавы выконваў А. Паўлаўскас, пасля чаго па выніках датэрміновых прэзідэнцкіх выбараў да ўлады ізноў прыйшоў В. Адамкус, які ўжо ўзначальваў Літву ў 1998—2002 гг.

Першыя прыкметы «размарожвання» палітычных кантактаў дзвюх дзяржаў можна адзначыць у сярэдзіне 2005 г. Як адзначаецца ў даведцы беларускага пасольства ў Літве, 1—3 чэрвеня 2005 г. у Паланзе адбыліся «штыгадовыя» палітычныя кансультацыі паміж міністэрствамі замежных спраў (МЗС) Беларусі і Літвы. Беларускую дэлегацыю ўзначальваў намеснік міністра замежных спраў А. Міхневіч, літоўскую — сакратар МЗС А. Янушка [12]. А 4—5 кастрычніка таго ж года падчас удзелу кіраўніка беларускага ўрада С. Сідорскага ў адкрыцці ў Вільнюсе беларускай прамысловай выставы «BELEXPO 2005» адбылася яго сустрэча з прэм'ер-міністрам Літвы А. Бразаўскасам [12]. Такім чынам, пасля шасцігадовага перапынку былі адноўлены палітычныя кантакты на высокім узроўні.

Аднак тэндэнцыя да аднаўлення палітычных кантактаў пакуль была няўстойлівай. У наступным 2006 г. яны ізноў падтрымліваліся толькі на ўзроўні намеснікаў міністраў замежных спраў, а колькасць візітаў скарацілася да аднаго — 31 жніўня з працоўным візітам Вільнюс наведаў намеснік міністра замежных спраў Беларусі А. Міхневіч.

Сапраўдны пералом у беларуска-літоўскіх палітычных адносінах адбыўся ўжо ў 2007 г. Гэты год стаў самым багатым на двухбаковыя сустрэчы афіцыйных асоб за ўсё дзесяцігоддзе — 5 разоў сустракаліся намеснікі міністраў замежных спраў і іншыя прадстаўнікі МЗС Беларусі і Літвы, па 1 разу — міністры замежных спраў і кіраўнікі ўрадаў дзвюх краін. Так, 7 сакавіка ў Вільнюсе сустрэліся намеснік міністра замежных спраў Беларусі А. Еўдачэнка і сакратар МЗС Літвы Л. Таллат-Кялпіша. 5 красавіка з працоўным візітам Вільнюс наведаў намеснік міністра замежных спраў Беларусі В. Варанецкі. Восенню таго ж года В. Варанецкі і Л. Таллат-Кялпіша сустракаліся яшчэ два разы — 11 кастрычніка падчас правядзення ў Вільнюсе канферэнцыі па бяспецы ў галіне энэргетыкі і 15 лістапада падчас правядзення ў Друскенінкае форуму па міжрэгіянальным супрацоўніцтве «Друскенінкай і Гродна. Пошук шляхоў узаемавыгоднага развіцця» [12]. 25 мая ў Мядзінінкае сустракаліся міністры замежных спраў Беларусі і Літвы С. Мартынаў і П. Вайтэ-

Табліца 1

Колькасць сустрэч афіцыйных асоб Беларусі і Літвы

Узровень	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Прэзідэнты	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Прэм'еры	—	—	—	—	1	—	1	2	2	4
Міністры (МЗС)	—	—	—	—	—	—	1	4	2	—
Намеснікі МЗС	2	—	—	—	1	1	5	—	—	—
Парламентарыі	3	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Усяго	5	0	0	0	2	1	7	6	6	6

Крыніцы: [1; 12; 13].

кунас. А 21—22 чэрвеня ў Навагрудку адбыліся штогадовыя палітычныя кансультацыі МЗС дзвюх краін [12]. Але кульмінацыяй аднаўлення палітычных сувязяў у 2007 г. стала сустрэча з кастрычніка, падчас адкрыцця ў Вільнюсе беларускай прамысловай выставы «Беларусь EXPO 2007», беларускага прэм'ера С. Сідорскага з прэм'ер-міністрам Літвы Г. Кіркіласам і старшынёй літоўскага Сейму В. Мунцянам [12].

У адрозненне ад кароткага «ўсплёску» 2005 г. уздым палітычных адносін 2007 г. стаў больш працяглым і трывалым. Праўда, у наступныя гады колькасць сустрэч, як відаць з табл. 1, крыху паменшылася ў параўнанні з 2007 г. Але тут трэба звярнуць увагу не толькі на колькасць, але і на ўзровень кантактаў, бо сустрэчы на больш высокіх узроўнях, відавочна, мелі большае значэнне для развіцця сувязей дзвюх дзяржаў. Для ўліку абодвух гэтых паказчыкаў прапануецца аўтарская сістэма падліку іх сукупнага гадавога рэйтыngu, пабудаваная на падставе рангавання кантактаў па наступнай шкале: кожная сустрэча на ўзроўні кіраўнікоў дзяржаў ацэньваецца ў 10 балаў, кіраўнікоў урадаў — у 5, міністраў замежных спраў — у 3, намеснікаў міністраў і іншых прадстаўнікоў МЗС — у 2, парламентарыяў — у 1 бал. Вядома, такая шкала будзе даволі ўмоўнай, бо цяжка аб'ектыўна вызначыць у лічбавым эквіваленце, наколькі, напрыклад, кантакты на вышэйшым узроўні ў сярэднім пераўзыходзяць па сваёй значнасці для развіцця двухбаковых адносін кантакты на высокім узроўні. І усё ж гэтая сістэма дапамагае лепш зразумець агульныя тэндэнцыі паляпшэння беларуска-літоўскіх палітычных адносін у другой палове 2000-х гг. Таму аўтар лічыць яе выкарыстанне апраўданым і мета-згодным. Карыстаючыся ёй, мы бачым, што нягледзячы на змяншэнне колькасці кантактаў у параўнанні з 2007 г. і захоўванне яе ў 2008—2010 гг. на адным узроўні, іх сукупны гадавы рэйтынг няўхільна павялічваўся за кошт павышэння ўзроўню сустрэч — 18, 22, 27 і 31 бал адпаведна. Так, у 2008 г. кіраўнікі ўрадаў Беларусі і Літвы С. Сідорскі і А. Кубілюс сустракаліся двойчы — у чэрвені ў Гродна і ў верасні ў Вільнюсе [12]. А міністры замежных спраў сустракаліся 4 разы. У 2009 г. таксама адбыліся дзве сустрэчы кіраўнікоў урадаў, а ў наступным 2010 г. яны сустракаліся 4 разы [12]. Аднак кульмінацыяй аднаўлення палітычных адносін стаў абмен візітамі кіраўнікоў дзяржаў у 2009—2010 гг., які адбыўся пасля 11-гадовага перапынку кантактаў на вышэйшым узроўні [11; 12].

Для больш поўнага аналізу тэндэнцый развіцця беларуска-літоўскіх палітычных сувязяў варта таксама ахарактарызаваць дынаміку візітаў з двух бакоў. Пры гэтым варта адзначыць, што візітаў з беларускага боку было больш, чым з літоўскага (14 і 10 адпаведна). І іх

узровень быў значна вышэйшым (50 балаў супраць 31 паводле згаданай рэйтынгавай сістэмы). Парытэт быў дасягнуты толькі па візітах на вышэйшым узроўні. На ўсіх астатніх, акрамя парламенцкага, колькасць беларускіх візітаў у Літву значна пераўзыходзіла колькасць літоўскіх візітаў у Беларусь. І толькі візіты парламентарыяў былі выключна з літоўскага боку. Згаданыя тэндэнцыі, аднак, не даюць падставы сцвярджаць, што літоўскі бок быў менш зацікаўлены ў развіцці двухбаковых адносін, чым беларускі. Хутчэй гэта сведчыла аб імкненні літоўскіх афіцыйных асоб для дэманстрацыі лаяльнасці генеральнай знешнепалітычнай лініі Еўрасаюза мінімізаваць свае візіты ў Беларусь і сустракацца з беларускімі калегамі альбо падчас неафіцыйных мерапрыемстваў, ці «працоўных кансультацый» на сваёй тэрыторыі, альбо падчас шматбаковых форумаў на тэрыторыі трэціх краін.

Развіццё дамоўна-прававой базы беларуска-літоўскіх адносін

Трэба адзначыць, што развіццё дамоўна-прававой базы беларуска-літоўскіх адносін не супадала з дынамікай палітычных кантактаў — за 2001—2010 гг. было заключана больш пагадненняў і дамоўленасцяў, чым за папярэдняе дзесяцігоддзе (23 і 20 адпаведна). Сярод заключаных на працягу гэтага дзесяцігоддзя дакументаў была толькі адна міждзяржаўная дамова — «Аб рэжыме беларуска-літоўскай дзяржаўнай мяжы», падпісаная падчас візіту А. Лукашэнкі ў Вільнюс 16 верасня 2009 г. Асноўную ж масу складалі міжурадавыя і міжведамаственыя пагадненні. Прычым 5 з іх тычыліся ўнясення змяненняў у падпісаныя раней пагадненні — напрыклад, у міжурадавае пагадненне «Аб узаемных паездках грамадзян» ад 26 лістапада 2002 г. змены ўносіліся тройчы — у 2005, 2006 і 2007 гг. [гл.: 18].

Для вызначэння прыярытэтных накірункаў развіцця дамоўна-прававой базы прапануецца зноў скарыстацца рэйтынгавай сістэмай, якая будзе ўлічваць колькасць і ўзровень дакументаў, якія рэгулююць пытанні адной і той жа (альбо блізкіх) сфер супрацоўніцтва. Адпаведна, кожная міждзяржаўная дамова ацэньваецца ў 3 балы, міжурадавае пагадненне — у 2, міжведамаснае — у 1 бал. Атрыманая на падставе гэтай метадыкі вынікі сведчаць, што прыярытэтнымі накірункамі ў гэты перыяд былі: рэгуляванне ўзаемных паездак грамадзян (5 дакументаў з сукупным рэйтыгам 10 балаў), сувязей у галіне транспарту і транзіту (4 і 8 адпаведна), памежнае і мытнае рэгуляванне (3 і 7), адукацыя, навука і культура (4 і 5).

У якасці адметных асаблівасцей развіцця дамоўна-прававой базы беларуска-літоўскіх адносін у разглядаемы перыяд таксама варта

адзначыць пачатак супрацоўніцтва ў двухбаковым фармаце ваенных ведамстваў Беларусі і Літвы (у 2003 г. паміж імі было заключана пагадненне «Аб абмене інфармацыяй аб палётах паветраных судоў») і паглыбленне распачатага яшчэ ў 1995 г. супрацоўніцтва нацыянальных банкаў дзвюх краін. У красавіку 2002 г. паміж Нацыянальным банкам Беларусі і Банкам Літвы быў падпісаны мемарандум аб узаемапаразуменні, а ў лістападзе таго ж года — пагадненне аб супрацоўніцтве ў галіне навучання персанала. Яшчэ адно пагадненне аб супрацоўніцтве паміж імі было заключана ў верасні 2009 г. [гл.: 18].

Акрамя таго, пасля далучэння Літвы да шэнгенскай прасторы і ўвядзення ёй у адпаведнасці з патрабаваннямі шэнгенскага пагаднення больш жорсткага візавага рэжыму для грамадзян Беларусі актуальнай тэмай стала падпісанне пагаднення аб спрошчаным парадку перасячэння мяжы жыхарамі 50-кіламетровай зоны ўздоўж беларуска-літоўскай дзяржаўнай мяжы. Пасля працяглых і даволі няпростых перамоў пагадненне «Аб парадку ўзаемных паездкаў жыхароў памежных тэрыторый Рэспублікі Беларусь і Літоўскай Рэспублікі» было ўрэшце падпісана 20 кастрычніка 2010 г. Закон аб яго ратыфікацыі быў прыняты Нацыянальным сходам Беларусі 10 студзеня 2011 г. Аднак з нагоды незавершанасці ўнутрыдзяржаўных працэдур, неабходных для ўступлення пагаднення ў сілу, яно дагэтуль не дзейнічае, і жыхары памежных тэрыторый вымушаны па-ранейшаму атрымліваць візы ў агульным парадку.

Развіццё эканамічных адносін

Пачатак дзесяцігоддзя характарызаваўся даволі няўстойлівымі тэндэнцыямі ў развіцці беларуска-літоўскага гандлю. Пасля рэзкага павелічэння двухбаковага таваразвароту і беларускага экспарту ў Літву ў 2000 г. у наступныя два гады назіраліся цалкам супрацьлеглыя тэндэнцыі — скарачэнне таваразвароту і беларускага экспарту пры адначасовым павелічэнні імпарту з Літвы. Аднак у 2002 г. гэтыя тэндэнцыі запаволіліся, а ў наступным, 2003 г. зноў змяніліся — пачаўся рост таваразвароту за кошт павелічэння як экспарту, так і імпарту. Прычым імпорт павялічваўся больш хуткімі тэмпамі, таму становіцца для Беларусі

знешнегандлёвае сальда з Літвой у 2001—2004 гг. няўхільна памяншалася. У 2005 г. тэмпы павелічэння таваразвароту захоўваліся прыблізна на тым жа ўзроўні, аднак структура яго росту змянілася — адбылося даволі значнае павелічэнне беларускага экспарту ў Літву пры адначасовым скарачэнні імпарту з гэтай краіны [1; 5].

Другая палова 2000-х гг. характарызаваўся большай устойлівасцю дынамікі ўзаемага гандлю. На працягу 2006—2008 гг. таваразварот павялічваўся вельмі хуткімі тэмпамі — на 100—140 млн дол. ЗША штогод за кошт павелічэння як экспарту, так і імпарту [5]. Прычым тэмпы росту беларускага экспарту ў Літву ўвесь гэты час апырэджалі рост імпарту, што забяспечвала пастаяннае павелічэнне знешнегандлёвага сальда. На кароткі час гэтыя тэндэнцыі былі спынены ў 2009 г., калі ў беларуска-літоўскім гандлі адбыўся сапраўдны абвал — беларускі экспарт у Літву скараціўся больш як на 250 млн дол. ЗША, а імпорт — амаль на 40 млн. Аднак ужо ў наступным 2010 г. становіцца тэндэнцыя папярэдняга перыяду аднавіліся па ўсіх накірунках [16] (табл. 2).

Трэба адзначыць, што нягледзячы на значнае павелічэнне беларуска-літоўскага таваразвароту з 2001 па 2010 г., доля Літвы ў агульнай структуры знешнегандлёвага таваразвароту Беларусі няўхільна змяншалася да 2008 г. Толькі з 2009 г. пачала (вельмі нязначна) расці доля Літвы ў беларускім імпарце, а з 2009 г. — у экспарце [9].

Таварная структура беларуска-літоўскага гандлю на працягу 2000-х гг. таксама значна змянілася. Па інфармацыі Двухбаковай беларуска-літоўскай камісіі па гандлёвым і эканамічным супрацоўніцтве, таварная наменклатура ўзаемага гандлю пашырылася ў 2000—2009 гг. прыблізна з 60 да 360 пазіцый. У структуры беларускага экспарту ў Літву 60 % складаюць прамежкавыя тавары, 17—20 % — сыравіна і 20—23 % — гатовая прадукцыя [5]. Асноўнымі пазіцыямі беларускага экспарту ў Літву на працягу 2000-х гг. з'яўляліся нафта і газавы кандэнсат, нафтапрадукты, мінеральныя (пераважна калійныя) ўгнаенні, пракат чорных металаў, прадукцыя хімічнай прамысловасці, трактары, драўніна і лесаматэрыялы [5]. Некаторыя пазіцыі на працягу разглядаемага пе-

Табліца 2

Аб'ёмы гандлю Беларусі з Літвой, млн дол. ЗША

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Таваразварот	383,1	366,1	419,2	460,4	486,4	603,0	744,7	852,8	557,4	698,8
Экспарт	275,8	256,7	265,0	284,8	351,8	432,7	564,6	619,2	362,3	450,8
Імпорт	107,3	109,4	154,2	175,6	134,6	170,3	180,1	233,6	195,2	247,9
Сальда	168,5	147,3	110,8	109,2	217,2	262,4	384,5	385,6	167,1	202,9

Крыніцы: [1; 5; 9; 16].

рыяду фігуравалі ў графе як імпарту, так і экспарту. Так, да закрыцця Ігналінскай АЭС Беларусі імпартавала электраэнергію з Літвы, а пасля, наадварот, стала экспартаваць яе ў гэтую краіну. У структуры беларускага імпарту з Літвы цяжэй вызначыць відавочныя прырытэты. Калі казаць аб групах тавараў, варта вылучыць будаўнічыя матэрыялы (бетон, шлакавата, вырабы з штучнага каменя, арматура для трубаправодаў і г. д.), тыпаграфскую фарбу, рэфрыжэратарную тэхніку і некаторыя віды сельскагаспадарчай прадукцыі (асабліва карма для жывёлагадоўлі) [2].

Акрамя гандлю яшчэ адным важным накірункам развіцця эканамічных сувязей стала інвестыцыйнае супрацоўніцтва, прававая база якога была закладзена пагадненнем «Аб садзейнічанні ажыццяўленню і абароне інвестыцый» ад 5 сакавіка 1999 г. Дынаміка аб'ёмаў беларускіх інвестыцый у Літве адлюстравана ў табл. 3, літоўскіх у Беларусі — у табл. 4.

З прыведзеных табліц бачна, што на працягу бадай што ўсяго дзесяцігоддзя (за выключэннем 2008 г.) рост аб'ёмаў літоўскіх інвестыцый у Беларусі моцна апырэджваў аб'ёмы беларускіх інвестыцый у Літве. Прычым у адрозненне ад апошніх, за выключэннем кароткага перыяду 2004—2006 гг., у іх структуры пераважалі прамыя інвестыцыі. У 2009 г. у Беларусі налічвалася 374 структуры з удзелам літоўскага капіталу, з іх 207 сумесных і 167 замежных прадпрыемстваў [7]. Сярод сфер, у якіх літоўскія інвестары праяўляюць найбольшую актыўнасць, варта вызначыць будаўніцтва (удзел у будаўніцтве гандлёва-забаўляльнага комплексу ў Жлобіне, шматфункцыянальнага комплексу на базе мінскага стадыёна «Трактар», транспартна-лагістычнага цэнтра ў Валожынскім раёне, рэканструкцыя і пашырэнне пляцовак «Беларусьфільма»), дрэваапрацоўку і вытворчасць мэблі (стварэнне прадпрыемства па вырабу мэблевых тканін у Гродне і Гродзенскай вобласці, вытворчасці драўляных паліўных гранул у Пастаўскім раёне, будаўніцтва вертыкальна інтэграванага дрэваапрацоўчага комплексу на тэрыторыі

СЭЗ «Магілёў»), а таксама вытворчасць піва (буйныя інвестыцыі ў ТАА «Рэчыцапіва» і ААТ «Аліварыя») [2].

Беларускія інвестыцыі ў Літве былі скіраваны пераважна на стварэнне таварна-праваднай сеткі (ТПС) беларускіх вытворцаў угэтай краіне. У выніку, у Літве было створана 6 суб'ектаў ТПС з удзелам беларускага капіталу: ЗАТ «ТД БМЗ-Балтыя» (стваральнік — РУП «Беларускі металургічны завод» (Мінпрам), доля беларускага капіталу — 55 %), ЗАТ «Белвердзі» (ЗАТ «Пінскдрэў» (Беллеспапрам), доля беларускага капіталу — 51 %), кампанія «Балткаліс» (РУП ВА «Беларуськалій» (канцэрн «Белнафтахім»), доля беларускага капіталу — 40 %), ЗАТ «Трансхема» (УП «Беларускі нафталы гандлёвы дом» (канцэрн «Белнафтахім»), доля беларускага капіталу — 51 %), ТАА «Белтайер» (ААТ «Белшына» (канцэрн «Белнафтахім»), доля беларускага капіталу — 51 %), ЗАТ «Магатэкс-Балтык» (ААТ «Магатэкс» (канцэрн «Беллэпрам»), доля беларускага капіталу — 51 %) [2; 17].

Нарэшце, важнае месца ў эканамічным супрацоўніцтве абедзвюх краін займалі пытанні транзіту. Літоўскі порт Клайпеда, як і раней, адыгрываў вельмі значную ролю ў транзіце беларускіх грузаў. І хоць у пачатку 2000-х гг. яму стварылі пэўную канкурэнцыю латвійскія парты Вентспілса і Рыгі, па выніках 2010 г. Клайпеда заняла першае месца па аб'ёмах перавалкі беларускіх грузаў сярод усіх партоў, паслугамі якіх карысталася наша краіна — 8 млн т (на 22 % болей, чым у 2009 г.). Для параўнання: праз Вентспілс у тым жа годзе было транспартавана 6,5 млн т беларускіх грузаў, праз Нікалаеў — 2 млн т [17].

У сваю чаргу, тэрыторыя Беларусі мела вялікае значэнне для літоўскага транзіту ў паўднёвым і ўсходнім напрамках. Аб гэтым сведчыць распрацоўка праектаў па развіцці транзіту грузаў паміж рэгіёнамі Балтыйскага і Чорнага мораў. Яшчэ ў 2003 г. была арганізавана перавозка грузаў камбінаваным цягніком «Вікінг» па маршруце Ільчоўск—Калядзічы—Клайпеда. Беларусь, Літва і Украіна дамовіліся аб прадастаўленні грузапе-

Табліца 3

Беларускія інвестыцыі ў Літве, млн дол. ЗША

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Усяго	0,418	1,696	7,597	11,938	10,692	23,341	35,960	16,340	32,961	49,485
Прамыя	0,418	1,166	4,680	2,517	3,737	5,354	17,693	10,944	28,674	42,484

Крыніцы: [5; 9].

Табліца 4

Літоўскія інвестыцыі ў Беларусі, млн дол. ЗША

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Усяго	0,0002	0,0889	—	0,0002	0,283	1,023	7,422	18,637	9,547	9,601
Прамыя	0,0002	0,0889	—	0,0002	—	0,079	0,074	0,085	4,763	9,524

Крыніцы: [5; 9].

равозкам з дапамогай гэтага цягніка рэжыму найбольшага спрыяння [17]. А 12 мая 2008 г. міністры транспарту згаданых трох дзяржаў падпісалі ў Вільнюсе пагадненне «Аб развіцці перавозак грузаў у накірунку Балтыйскага мора — Чорнага мора». Аднак далёка не па ўсіх праектах у галіне транзіту краінам атрымоўвалася ўзгадніць інтарэсы. Так, безвыніковымі былі перамовы аб ажыццяўленні праз тэрыторыю Беларусі транзіту ўкраінскай электраэнергіі ў Літву, што расцягнуліся з 2008 па восень 2010 г. [3; 8; 10].

Заклучэнне

Такім чынам, характарызуючы перыядызацыю развіцця беларуска-літоўскіх адносін у 2001—2010 гг., варта вылучыць два асноўных этапы, што адзначаліся шмат у чым супрацьлеглымі тэндэнцыямі, і невялікі пераходны перыяд паміж імі. Першая палова 2000-х гг. стала працягам перыяда згортвання палітычных адносін, які пачаўся яшчэ напрыканцы 1990-х гг. па ініцыятыве літоўскага боку. Палітычныя кантакты паступова спыніліся спачатку на вышэйшым, потым на высокім узроўні і ў рэшце рэшт дасягнулі амаль поўнага «замарожвання» ў 2002—2004 гг. Тым не менш, у гэты час працягваецца стварэнне дамоўна-прававой базы двухбаковых адносін, асабліва ў фармаце міжведамаственага супрацоўніцтва. Эканамічныя адносіны характарызаваліся няўстойлівымі, пераменнымі тэндэнцыямі, якія, аднак, вялі да няўхільнага скарачэння станючага для Беларусі сальда ў гандлі з Літвой.

Перыяд 2005—2006 гг. можна назваць пераходным, бо ён адзначаўся паступовым аднаўленнем палітычных адносін, аднак палітычныя кантакты яшчэ не набылі рэгулярны характар. У гэты час адзначаецца актывізацыя развіцця дамоўна-прававой базы, прычым у адрозненне ад папярэдняга перыяду міжрадавыя пагадненні колькасна пераважаюць міжведамаственыя. У гандлёва-эканамічнай сферы гэты перыяд таксама можна назваць пераходным ад няўстойлівасці першай паловы 2000-х гг. да тэндэнцый устойлівага нарошчвання беларускага экспарту і двухбаковага таваразвароту, характэрных для другой паловы дзесяцігоддзя.

Нарэшце, 2007—2010 гг. сталі перыядам максімальнага ўздыму беларуска-літоўскіх адносін ва ўсіх сферах. Аднаўленне палітычных кантактаў набывае паслядоўны, рэгулярны характар і закранае ўсе ўзроўні — ў тым ліку і вышэйшы (абмен візітамі кіраўнікоў дзяржаў у 2009—2010 гг.). Дамоўна-прававая база развіваецца даволі інтэнсіўна, хоць і не без пэўных цяжкасцей. Да міжрадавых і міжведамаственых пагадненняў у 2009 г. дадаецца адзіная за ўсё дзесяцігоддзе міждзяржаўная дамова. У эканоміцы назіраецца ўстойлівы і даволі хуткі рост узаемнага гандлю і станючага для Беларусі знешнегандлёвага сальда, які толькі часова спыніўся абвалам 2009 г., каб зноў аднавіцца ў 2010 г. Нарошчваюцца і аб'ёмы ўзаемных інвестыцый. Акрамя таго, у гэты час актывізуецца абмеркаванне рэгіянальных праектаў з удзелам трэціх краін па больш поўным выкарыстанні транзітнага патэнцыялу Беларусі і Літвы.

Літаратура

1. Белорусско-литовские отношения: справка // Текущий архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь.
2. Беларусь — Литва: основа политики — экономическая выгода [Электронный ресурс] // Дело: бизнес-журнал. — Режим доступа: <<http://delo.by/news/~shownews/export-litva-ekonomika>>. — Дата доступа: 17.02.2013.
3. Беларусь пока отказывается от транзита украинской электроэнергии в Литву [Электронный ресурс] // TUT.BY: белорусский портал. — 19.02.2009. — Режим доступа: <<http://news.tut.by/economics/129695.html>>. — Дата доступа: 21.06.2013.
4. Дайнеко, А. Е. Беларусь в системе международных экономических отношений / А. Е. Дайнеко. — Горки, 2011. — 365 с.
5. Двусторонняя Белорусско-Литовская комиссия по торговому и экономическому сотрудничеству [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/ru/f_economic/rabota_sovmestnyh_komissij/bilateral-belarusian-lithuanian-commission>. — Дата доступа: 17.02.2013.
6. Депутаты сейма Литвы посетили Беларусь с целью активизации сотрудничества [Электронный ресурс] // bymedia.net: информационно-образовательный портал. — 09.02.2001. — Режим доступа: <http://dossier.bymedia.net/index.php?option=com_arpressdb&view=publications&layout=entry&id=8766>. — Дата доступа: 28.03.2013.
7. Дражин В.: Идет процесс интеграции в экономике Беларуси и Литвы [интервью Посла для БелТА, Е. Юрковиче] [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Литовской Республике. — Режим доступа: <http://lithuania.mfa.gov.by/rus/amb_int/~page__m12=1~news__m12=390914.txt>. — Дата доступа: 17.02.2013.
8. Кожемякин, А. Литва и Украина планируют провести переговоры с Минском о транзите электроэнергии / А. Кожемякин [Электронный ресурс] // TUT.BY: белорусский портал. — 14.10.2010. — Режим доступа: <<http://news.tut.by/economics/200432.html>>. — Дата доступа: 21.06.2013.
9. Основные показатели внешней торговли [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/frtrade1.php>>. — Дата доступа: 21.06.2013.
10. Переговоры о транзите нефти через Клайпеду зашли в тупик [Электронный ресурс] // Информационный портал Беларуси «МойВУ». — 02.12.2010. — Режим доступа: <<http://www.mouby.com/news/31792/>>. — Дата доступа: 21.06.2013.
11. Полежай, Т. Беларусь — Литва: прагматичный разговор соседей / Т. Полежай // Беларус. думка. — 2009. — № 10. — С. 3—7.
12. Политические отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Литовской Республике. — Режим доступа: <http://lithuania.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/>. — Дата доступа: 14.03.2013.

13. Связи Литовской Республики с Республикой Беларусь [Электронный ресурс] // Посольство Литовской Республики в Республике Беларусь. — Режим доступа: <<http://by.mfa.lt/index.php?2044500973>>. — Дата доступа: 17.02.2013.
14. Тихомиров, А. В. Белорусско-литовские отношения в 2007—2008 гг. / А. В. Тихомиров // Беларусь в современном мире: материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 87-летию образования Белорус. гос. ун-та, 30 окт. 2008 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Тесей, 2008. — С. 56—58.
15. Тихомиров, А. В. Отношения Беларуси с соседними государствами Центральной и Восточной Европы (Польшей, Литвой, Латвией) в 1991—2001 гг. / А. В. Тихомиров [Электронный ресурс] // Белорусская цифровая библиотека. — 03.03.2006. — Режим доступа: <http://library.by/portalus/modules/belarus/print.php?subaction=showfull&id=1141347534&archive=1291800676&start_from=&ucat=20&>. — Дата доступа: 17.02.2013.
16. Торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Литовской Республике. — Режим доступа: <http://lithuania.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/>. — Дата доступа: 14.03.2013.
17. Транзитный потенциал Беларуси и Литвы — основа взаимодействия [Электронный ресурс] // EXPORT.BY: портал информационной поддержки экспорта. — Режим доступа: <http://export.by/resources/izdaniya_i_publicacii/tranzitnii_potencial_belarusi_i_litvi___osnova_.html>. — Дата доступа: 17.02.2013.
18. Электронная справочно-правовая система КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс]. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
19. Lithuania — Belarus economic relations: How the EU accession impacted bilateral trade / R. Ginevičius [et al.] // Journal of Business Economics and Management — 2007. — Vol. 8, N 2. — P. 137—144.

«Развіццё беларуска-літоўскіх адносін у 2000-я гг.» (Андрэй Валодзькін)

На падставе праведзенага аналізу дынамікі палітычных кантактаў, развіцця дамоўна-прававой базы і эканамічных адносін Беларусі і Літвы ў артыкуле вызначаюцца асноўныя тэндэнцыі і этапы развіцця іх двухбаковых адносін у 2000-я гг. Аўтар прыходзіць да высновы аб прыярытэце ўзаемнай эканамічнай зацікаўленасці над разыходжаннем ва ўнутранай і знешняй палітыцы абедзвюх краін, а таксама аб актывізацыі «беларускага вектара» знешняй палітыкі Літвы менавіта пасля дасягнення яе асноўнай доўгатэрміновай мэты на заходнім накірунку — далучэння да ЕС і НАТА.

«The Development of Relations Between Belarus and Lithuania in the 2000s» (Andrey Volodkin)

Based on the analysis of the political contacts dynamics, the development of the legal base of the Belarusian-Lithuanian relations and their economic cooperation, the article reveals the main trends and stages of their bilateral relations evolution in the 2000s. The author draws a conclusion of the priority of the common economic interests for the countries over their internal and foreign policy differences, as well as of intensification of the «Belarusian direction» in the Lithuanian foreign policy, particularly after achieving its main long-term goal in Western direction — the accession to the EU and NATO.

Артыкул паступіў у рэдакцыю ў верасні 2013 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ БЕЛОРУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ (1992—2012 гг.)

Евгения Рупакова

В настоящее время ближневосточному направлению внешней политики Республики Беларусь уделяется серьезное внимание. Исследование особенностей становления и развития белорусско-турецких отношений представляется актуальным ввиду наличия между странами потенциала и возможностей для расширения двустороннего сотрудничества. Важным условием дальнейшего успешного развития отношений между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой является совершенствование договорно-правовой базы, которая регламентирует порядок и определяет основные направления их реализации.

Некоторые проблемы состояния договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений рассматривались в работах А. Ю. Зайцева [3], В. Г. Шадурского [34], а также в интервью Посла Республики Беларусь в Турецкой Республике В. Г. Колесника по случаю двадцатилетия установления дипломатических отношений [36]. В публикациях турецких исследователей данная проблема не освещалась.

В 2012 г. договорно-правовая база белорусско-турецких отношений насчитывала более 30 основных документов, без учета многосторонних соглашений. В указанных выше исследованиях и интервью называлось разное количество документов (от 20 до 40), формирующих нормативную базу отношений между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой. Это связано с тем, что нормативная база белорусско-турецких отношений постоянно пополняется, некоторые документы все еще находятся в процессе ратификации. Кроме того, не все белорусско-турецкие соглашения включены в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь [см.: 6; 16; 17; 18; 23; 28].

Таким образом, представляется актуальным рассмотреть особенности формирования договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений на протяжении их становления и развития в 1992—2012 гг., что и является целью настоящей статьи. Задачи работы — определение этапов формирования договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений, рассмотрение особенностей подписания и ратификации двусторонних

соглашений, выявление областей белорусско-турецкого сотрудничества, правовая база которых недостаточна и нуждается в развитии и совершенствовании.

Формирование нормативно-правовой базы отношений между государствами зависит от динамики и интенсивности двусторонних политических контактов, особенностей внутренней и внешней политики государств-партнеров. Ввиду внутривнутриполитических изменений, произошедших как в Республике Беларусь, так и в Турецкой Республике и повлекших за собой некоторую корректировку внешнеполитических приоритетов государств на рубеже 1990—2000-х гг., в динамике развития белорусско-турецких отношений можно выделить два периода: 1992—2002 гг. (формирование основ двустороннего сотрудничества) и 2002—2012 гг. (выделение приоритетных направлений и интенсивное развитие белорусско-турецких отношений преимущественно в экономической и культурной сферах).

В период 1992—2002 гг. стороны подписали 19 двусторонних соглашений, на протяжении второго периода (2002—2012 гг.) — 16. Отметим, что количество подписанных документов примерно равное, с незначительным преимуществом соглашений, заключенных в 1990-е гг. Это объясняется тем, что в первое десятилетие становления белорусско-турецких отношений формировалась их основа: стороны оформили весь комплекс нормативных правовых актов, обязательных для поддержания и развития двусторонних отношений. Ввиду расширения делового и культурного сотрудничества между государствами в 2002—2012 гг. происходило соответствующее совершенствование договорно-правовой базы: двусторонние соглашения стали более предметными, направленными на расширение сотрудничества в области экономики и культуры.

Весь комплекс документов, подписанных белорусской и турецкой сторонами, можно разделить на две группы в зависимости от органов, которые их заключили. В первую группу объединены межгосударственные и межправительственные договоры [1; 2; 5; 9—11; 19—30; 33]; ко второй группе относятся меж-

Автор:

Рупакова Евгения Александровна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Шарапо Александр Викторович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Кошелев Михаил Клавдиевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси

ведомственные договоры: меморандумы, протоколы и соглашения [4; 6; 12–18; 31; 32]. В количественном отношении преобладают межправительственные договоры.

Соглашением, положившим начало формированию договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений, стал Протокол об установлении дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Республикой Турция (курсив наш. — *E. P.*) от 25 марта 1992 г. [11]. Следует отметить, что официальное название турецкого государства — Турецкая Республика, однако в некоторых документах, подписанных в 1990-е гг., включая Протокол об установлении дипломатических отношений, употребляется название «Республика Турция». Данный факт можно объяснить неточностями перевода текстов соглашений с турецкого и английского языков.

Подписание соглашений между сторонами, как правило, происходило во время визитов на высшем и высоком уровнях. Так, первый пакет документов был подписан 8 августа 1995 г. во время визита турецкой делегации во главе с министром иностранных дел Турецкой Республики Э. Иненю в Минск. Тогда стороны заключили четыре межправительственных соглашения: Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о воздушном сообщении [21], Соглашение о содействии и взаимной защите инвестиций [30], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики в областях образования, науки, культуры и спорта [27], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о международном автомобильном сообщении [22].

Следующий пакет соглашений был подписан 24 июля 1996 г. в Анкаре во время визита Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Турецкую Республику. Стороны подписали Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики об избегании двойного налогообложения и предупреждении уклонения от выплаты налогов в отношении налогов на доходы [19], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области туризма [28], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в борьбе с международной организованной преступностью, международной нелегальной торговлей наркотиками и международным терроризмом [23], Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой [1].

Во время визита в Беларусь Государственного министра Турции К. Тюзмена 2 марта 2005 г. в Минске было подписано два межправительственных соглашения: Соглашение между Пра-

вительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области карантина и защиты растений [26] и Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области ветеринарии [24].

Как правило, срок со дня подписания документа до его ратификации и вступления в силу составляет в среднем один год. В договорно-правовой базе белорусско-турецких отношений имеются документы, которые не подлежали ратификации и вступили в силу в день подписания [9; 10; 12; 14; 15; 32]. Однако ратификация ряда белорусско-турецких соглашений занимала от полутора до пяти лет. К таким документам относятся Соглашение о содействии и взаимной защите инвестиций (вступило в силу через 1 год 7 месяцев) [30], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о международном автомобильном сообщении (вступило в силу через 1 год 5 месяцев) [22], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики об избежании двойного налогообложения и предупреждении уклонения от выплаты налогов в отношении налогов на доходы (вступило в силу через 1 год 9 месяцев) [19], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области ветеринарии [24; 26], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики в области карантина и защиты растений (ратифицированы через 4 года 11 месяцев), Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой (вступил в силу через 3 года 9 месяцев) [1], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о воздушном сообщении, которое было подписано 8 августа 1995 г. и вступило в силу через 5 лет 4 месяца [21]. В марте 1996 г. после реорганизации Белорусского объединения гражданской авиации была образована Национальная авиакомпания «Белавиа». В течение нескольких лет происходило присоединение к компании регионального парка самолетов, согласовывались механизмы взаимодействия с иностранными компаниями, было оформлено участие белорусской Национальной авиакомпании в Международной ассоциации воздушного транспорта, завершился процесс ратификации Белорусью ряда международных соглашений.

В настоящее время двусторонними соглашениями регулируются почти все сферы сотрудничества между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой: торговля [16; 33], инвестиции [30], налоговая [19] и банковская системы [32], здравоохранение и ветеринария [18; 24], воздушное и автомобильное сообщение [21; 22], политические отношения [1; 11; 12], визовая политика [9], образование, наука, спорт [10; 27], культура и искусство [13], экология и туризм [26; 28], легкая промышленность [5], информация [14], проблемы борьбы с торговлей людьми и незаконной миграцией [4], терроризмом и преступностью [23], проблемы взаимодействия органов судебной власти [15], правовой защиты граждан [2], земельного законодательства [20], а также области таможенного [29], военного [25], научного [31] и технического сотрудничества [6; 17].

Целый ряд белорусско-турецких соглашений направлен на выработку конкретных мер по двустороннему взаимодействию в определенных сферах. Это в основном межведомственные соглашения: Меморандум о взаимопонимании между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Республики Турция по взаимодействию в области борьбы с торговлей людьми и незаконной миграцией [4], Меморандум о взаимопонимании по вопросам технического сотрудничества между Государственным комитетом по стандартизации Республики Беларусь и Турецким институтом стандартов [6], Протокол о консультациях между Министерством иностранных дел Республики Беларусь и Министерством иностранных дел Республики Турция [12], Протокол о сотрудничестве в области обмена информацией между Министерством иностранных дел Республики Беларусь и Министерством иностранных дел Турецкой Республики [14], Протокол о сотрудничестве в области культуры и искусства между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры и туризма Турецкой Республики [13], Протокол о сотрудничестве между Высшим Хозяйственным Судом Республики Беларусь и Кассационным Судом Турецкой Республики [15], Протокол о сотрудничестве между Департаментом по предпринимательству Министерства экономики Республики Беларусь и Организацией по развитию и поддержке малого и среднего предпринимательства (*KOSGEB*) Турецкой Республики [16].

Можно выделить несколько областей двустороннего сотрудничества между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой, договорно-правовая база которых нуждается в развитии и совершенствовании.

Во-первых, в настоящее время ожидается изменение визового режима между государствами, в частности ратификация соглашения о взаимной отмене виз. Проект Соглашения между Правительством Республики Бела-

рус и Правительством Турецкой Республики о взаимной отмене виз, регулирующий поездки граждан Беларуси и Турции, был подготовлен и одобрен Указом Президента Республики Беларусь от 13 октября 2011 г. № 461 [7]. Само соглашение было подписано 29 марта 2013 г. в Минске во время визита министра иностранных дел Турецкой Республики А. Давутоглу в Республику Беларусь.

Во-вторых, белорусская и турецкая стороны планируют расширить нормативную базу сотрудничества в области сельского хозяйства. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 ноября 2012 г. одобрен проект Меморандума о взаимопонимании между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики по вопросам сотрудничества в области сельского хозяйства. Контроль над дальнейшим урегулированием вопросов, связанных с подписанием данного Меморандума, с белорусской стороны будет осуществлять Министерство сельского хозяйства Республики Беларусь [8].

В-третьих, белорусской и турецкой сторонам необходимо совершенствовать договорную базу сотрудничества в области образования, науки, культуры, искусства и спорта. Проблемным моментом здесь является слабое использование имеющихся возможностей и отсутствие конкретных долгосрочных программ взаимодействия.

В настоящее время развитие белорусско-турецких отношений в области образования регламентируют соответствующие положения Договора о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой [1], Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области образования, науки, культуры и спорта [27], Соглашения о сотрудничестве в области науки и технологий между Комитетом по научно-техническим исследованиям Турции (*TUBITAK*) и Национальной академией наук Беларуси [31] и Договора о сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и Академией наук Турции.

В разделе 2 Программы сотрудничества в области культуры, образования, науки, молодежной политики, спорта и средств массовой информации между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики на 2000—2002 гг. [10] было обозначено взаимодействие по обмену информацией, документацией, учебными материалами и специалистами в области образования, включая разработку совместных программ для обучающихся и выделение стипендий. Стороны договорились о том, чтобы рассматривать наличие сертификата вступительных экзаменов турецкого вуза (*OSS*) как необходимое условия для поступления в высшее учебное заведение Беларуси. Данный документ был принят сроком на два года (до 2002 г.) и до настоящего времени не возобновлен.

Существует ряд двусторонних договоров между университетами, которые, к сожалению, не используются в полном объеме ввиду отсутствия специального межправительственного соглашения, регулирующего взаимодействие сторон в данной сфере. Согласно статье 11 Договора о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой, стороны должны способствовать созданию надлежащих условий для эффективного сотрудничества в области фундаментальных и технических наук, а также поддержке прямых контактов и совместных инициатив научно-исследовательских институтов и ученых [1]. Аналогичные положения содержатся в Соглашении между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области образования, науки, культуры и спорта, где стороны согласились содействовать развитию отношений между университетами, научными и техническими учреждениями и поддерживать прямые контакты, а также заключать соглашения и протоколы между университетами [27].

Несмотря на общую положительную тенденцию развития связей между министерствами образования Беларуси и Турции, стороны не заключили специальное межведомственное соглашение. Такое соглашение могло бы регулировать, например, проблему эквивалентности дипломов двух государств. Ряд белорусских ВУЗов имеет соглашения с турецкими учебными заведениями, но обмен студентами и академические стажировки осуществляются в недостаточном количестве. Кроме того, поток турецких студентов в Беларусь пока незначителен, а из-за различий в системах последилового образования имеются трудности в оформлении документов для стажировок, научных обменов и проведения исследований.

В достаточной степени оформленной можно считать договорную базу белорусско-турецкого сотрудничества в области культуры, искусства и спорта. Основными действующими документами здесь являются Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой [1] и Протокол о сотрудничестве в области культуры и искусства между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры и туризма Турецкой Республики [13]. Последний был подписан 18 января 2007 г. в Анкаре и вступил в силу 7 февраля 2008 г. Подписание этого межведомственного протокола способствовало активизации связей в области культуры и искусства. Протоколом предусмотрены договоренности об организации Дней культуры и Дней кино, обмене музыкантами, хореографами, работниками театрального искусства и кинематографии. Стороны содействуют участию представителей двух стран в международных фестивалях и конкурсах. В Протоколе четко регламентирована работа по ор-

ганизации культурных обменов и стажировок, в том числе и расходы на них. Таким образом, заключение данного документа является положительным примером совершенствования и развития нормативной базы, регулирующей сотрудничество в области культуры.

В области спорта стороны пока не заключили прямых межведомственных соглашений. Большинство обменов осуществляется по личным контактам и на уровне двусторонних договоренностей между спортивными клубами. Информация о том, что стороны будут принимать меры содействия установлению связей между спортивными организациями двух стран и осуществлению обмена тренерами и спортсменами, изложена в разделе 12 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области образования, науки, культуры и спорта [27]. Отсутствие межведомственного соглашения между странами объясняется тем, что в Республике Беларусь вопросы спорта и туризма курирует соответствующее министерство, а в Турецкой Республике существует Министерство туризма и культуры, которое не затрагивая вопросы спорта. Между вышеперечисленными министерствами заключены договор и протокол о сотрудничестве только в области культуры и туризма. Законом от 6 марта 2011 г. № 6883 в Турции было создано Министерство молодежи и спорта, которое будет заниматься вопросами международного сотрудничества в данной области. В настоящее время имеется возможность заключить межведомственное соглашение в области спорта, в котором можно будет оговорить условия обмена, стажировок и выезда белорусских спортсменов для тренировок в Турцию.

Таким образом, проанализировав договорно-правовую базу двусторонних отношений между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой, можно сделать следующие выводы. В формировании договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений отмечаются два этапа: 1992—2002 гг. — оформление основ двустороннего сотрудничества и 2002—2012 гг. — определение приоритетных направлений, например расширения документальной базы в области экономического сотрудничества. Подписаны Соглашение о сотрудничестве между Национальным банком Республики Беларусь и Центральным банком Турции, Протокол о сотрудничестве между Департаментом по предпринимательству Министерства экономики Республики Беларусь и Организацией по поддержке малого и среднего предпринимательства Турецкой Республики, создана Ассоциация бизнесменов Беларуси и Турции. В целом формирование нормативной базы проходило постепенно, в зависимости от динамики политических контактов, но ратификация договоров в некоторых случаях занимала продолжительное время, что

связано с особенностями внутренней процедуры в странах. Можно выделить несколько областей двустороннего сотрудничества между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой, договорно-правовая база которых нуждается в развитии и совершенствовании: ожидаются изменения визового режима и ратификация Соглашения о взаимной отмене виз; бело-

русская и турецкая стороны планируют расширить нормативную базу сотрудничества в области сельского хозяйства; государствам необходимо совершенствовать договорную базу взаимодействия в области образования, науки, искусства и спорта, дополнив ее межведомственными соглашениями и долгосрочными программами сотрудничества.

Литература

1. Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой: [подписан в г. Анкаре 24.07.1996 г.] [Электронный ресурс] // Эксперт — информационно-правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
2. Договор между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой о правовой помощи по гражданским, хозяйственным и уголовным делам: [подписан в г. Анкаре 13.03.2012 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
3. Зайцев, А. Ю. Белорусско-турецкие отношения на современном этапе / А. Ю. Зайцев // Беларусь—Турция: пути сотрудничества: материалы науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 11—20.
4. Меморандум о взаимопонимании между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Республики Турция по взаимодействию в области борьбы с торговлей людьми и незаконной миграцией: [подписан в г. Минске 28.07.2004 г.] [Электронный ресурс] // Эксперт — информационно-правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
5. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики относительно торговли текстильными изделиями: [подписан в г. Анкаре 02.12.1997 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
6. Меморандум о взаимопонимании по вопросам технического сотрудничества между Государственным комитетом по стандартизации Республики Беларусь и Турецким институтом стандартов [Электронный ресурс] // Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.gosstandart.gov.by/mezhdogovors.php>>. — Дата доступа: 01.01.2013.
7. О проведении переговоров по проекту международного договора и его подписании: Указ Президента Респ. Беларусь от 13 окт. 2011 г. № 461 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
8. О проведении переговоров по проекту меморандума о взаимопонимании между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики по вопросам сотрудничества в области сельского хозяйства и подписании данного меморандума: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 5 нояб. 2012 г. № 1013 [Электронный ресурс] // Там же.
9. Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Рэспублікі Турцыя аб узаемных бязвізавых паездках па дыпламатычных, службовых або спецыяльных пашпартах: [подписано в г. Анкаре 14.12.1993 г.] [Электронный ресурс] // Эксперт — информационно-правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
10. Программа сотрудничества в области культуры, образования, науки, молодежной политики, спорта и средств массовой информации между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики на 2000—2002 гг.: [подписана в г. Анкаре 15.11.2000 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
11. Протокол об установлении дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Республикой Турция: [подписан в г. Хельсинки 25.03.1992 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
12. Протокол о консультациях между Министерством иностранных дел Республики Беларусь и Министерством иностранных дел Республики Турция: [подписан в г. Минске 14.12.1993 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
13. Протокол о сотрудничестве в области культуры и искусства между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры и туризма Турецкой Республики: [подписан в г. Анкаре 18.04.2007 г.] [Электронный ресурс] // Эксперт — информационно-правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
14. Протокол о сотрудничестве в области обмена информацией между Министерством иностранных дел Республики Беларусь и Министерством иностранных дел Турецкой Республики: [подписан в г. Анкаре 19.10.1998 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
15. Протокол о сотрудничестве между Высшим Хозяйственным Судом Республики Беларусь и Кассационным Судом Турецкой Республики [подписан в г. Стамбуле 02.11.2010 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
16. Протокол о сотрудничестве между Департаментом по предпринимательству Министерства экономики Республики Беларусь и Организацией по развитию и поддержке малого и среднего предпринимательства (KOSGEB) Турецкой Республики [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/ru/news/departament-po-predprinimatelstvu-minekonomiki-i-turetskaja-organizatsija-kosgeb-budut-sotrudnicat-dlja-razvitija-malogo-i-srednego-predprinimatelstva_i_0000001384.html>. — Дата доступа: 01.01.2013.
17. Соглашение между Государственным комитетом по стандартизации, метрологии и сертификации Республики Беларусь и Турецким институтом по стандартизации о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и сертификации [Электронный ресурс] // Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.gosstandart.gov.by/mezhd-dogovors.php>>. — Дата доступа: 01.02.2013.
18. Соглашение между Министерством здравоохранения Республики Беларусь и Министерством здравоохранения Турецкой Республики о сотрудничестве в области здравоохранения: [подписано в г. Минске 30.10.2009 г.] [Электронный ресурс] // Эксперт — информационно-правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
19. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики об избежании двойного налогообложения и предупреждении уклонения от выплаты налогов в отношении налогов на доходы:

- [заключено в г. Анкаре 24.07.1996 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
20. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о взаимном предоставлении земельных участков для размещения дипломатических представительств: [заключено в г. Минск 29.09.2004 г.] // Там же.
21. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о воздушном сообщении: [заключено в г. Минске 08.08.1995 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
22. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о международном автомобильном сообщении: [заключено в г. Минске 08.08.1995 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
23. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в борьбе с международной организованной преступностью, международной нелегальной торговлей наркотиками и международным терроризмом [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3941&po=2013076001>>. — Дата доступа: 01.09.2013.
24. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области ветеринарии: [заключено в г. Минске 02.03.2005 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
25. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области военного обучения, техники и науки: [заключено в г. Анкаре 04.11.1997 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
26. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области карантинной и защиты растений: [заключено в г. Минске 02.03.2005 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
27. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области образования, науки, культуры и спорта: [заключено в г. Минске 08.08.1995 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
28. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области туризма [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь и Турецкой Республике. — Режим доступа: <<http://turkey.mfa.gov.by/rus/belbelg/ecsotr/>>. — Дата доступа: 01.09.2012.
29. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах: [заключено в г. Минске 11.11.2008 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
30. Соглашение о содействии и взаимной защите инвестиций: [заключено в г. Минске 08.08.1995 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
31. Соглашение о сотрудничестве в области науки и технологий между Комитетом по научно-техническим исследованиям Турции (TUBITAK) и Национальной академией наук Беларуси // Текущий архив Нац. акад. наук Беларуси.
32. Соглашение о сотрудничестве между Национальным банком Республики Беларусь и Центральным банком Турции: [заключено в г. Анкаре 06.08.2010 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
33. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о торговом и экономическом сотрудничестве: [заключено в г. Измире 08.09.1993 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
34. Шадурский, В. Г. Беларусь—Турция: позитивная динамика межгосударственного сотрудничества / В. Г. Шадурский [Электронный ресурс] // ORSAM: Center for Middle Eastern Strategic Studies. — Режим доступа: <http://www.orsam.org.tr/en/enUploads/Article/Files/2012920_129%20rus2.pdf>. — Дата доступа: 10.10.2012.
35. Memorandum about the Ministry of Youth and Sport [Electronic resource] // IJAB: Fachstelle für Internationale Jugendarbeit der Bundesrepublik Deutschland e.V. — Mode of access: <http://www.ijab.de/fileadmin/user_upload/ijab_article/MEMORANDUM_ABOUT_THE_MINISTRY_OF_YOUTH_AND_SPORTS.pdf>. — Date of access: 01.02.2013.
36. Valery Kolesnik, Ambassador of the Republic of Belarus: «Effective Partnership Mechanisms Established between Belarus and Turkey»: Interview [Electronic resource] // ORSAM: Center for Middle Eastern Strategic Studies ORSAM. — 05.03.2012. — Mode of access: <<http://www.orsam.org.tr/en/showArticle.aspx?ID=1630>>. — Date of access: 01.07.2012.

«Формирование договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений (1992—2012 гг.)» (Евгения Рупакова)

В статье рассматриваются особенности формирования договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений на протяжении их становления и развития в 1992—2012 гг.

Автор определяет этапы формирования договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений, характеризует особенности подписания и ратификации двусторонних соглашений, выделяет области белорусско-турецкого сотрудничества, правовая база которых недостаточна и нуждается в развитии и совершенствовании.

«The Formation of the Treaty Framework in the Belarusian-Turkish Relations (1992—2012)» (Evgeniya Rupakova)

The article is devoted to the peculiarities of formation of the international treaty framework in Belarusian-Turkish relations during their establishment and development in 1992—2012.

The author determines the formation stages of the Belarusian-Turkish treaty framework, describes the peculiarities of signing and ratifying bilateral agreements, as well as highlights the areas of Belarusian-Turkish cooperation, whose legal basis is inconsistent and needs development and improvement.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2013 г.

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Иван Махнач

В современном мире вопросы энергетической безопасности имеют ключевое значение во внешней политике развитых стран. В условиях растущего спроса на энергоресурсы перед основными потребителями нефти и природного газа стоит непростая задача — обеспечить бесперебойный доступ нефти и газа, сохранив при этом полную независимость. Обеспечение энергетической безопасности для Европейского союза — задача стратегического характера, поскольку страны ЕС напрямую зависят от импорта невозобновляемых источников энергии, таких как нефть и газ, не имея возможности обеспечить себя данными видами сырья самостоятельно. Основными поставщиками природного газа в ЕС являются Россия, Норвегия и Алжир. Импорт нефти приходится также на три страны — Россию, Норвегию и Саудовскую Аравию [18]. Согласно 12-му докладу по ЭнергодIALOGу Россия—ЕС, подготовленному министром энергетики Российской Федерации С. И. Шматко и комиссаром Еврокомиссии по энергетике Г. Эттингером в 2011 г., импорт энергоносителей из России составил: 34 % импорта газа ЕС; 23 % общего потребления газа в ЕС; 33 % импорта сырой нефти ЕС; 30 % общего объема потребления сырой нефти ЕС; 23 % импорта нефтепродуктов ЕС. В ЕС поставляется 88 % общего объема экспорта нефти из России и 70 % общего объема экспорта газа [17].

Для России Европейский союз — крупнейший рынок экспорта углеводородов, состоящий из платежеспособных игроков, а это означает постоянный приток нефтедолларов в федеральный бюджет Российской Федерации. Так, валютные поступления от экспорта российских углеводородов (природного газа, нефти и нефтепродуктов) в разные годы составляли от трети до половины федерального бюджета. По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Европейский союз остается крупнейшим торговым партнером России. На долю Европейского союза в 2012 г. приходилось 49 % российского товарооборота, основу которого составили топливно-энергетические товары (всего 73 %). Основными торговыми партнерами

России в 2012 г. среди стран Европейского союза были Нидерланды, Германия, Италия, Польша, Франция [15].

В данной статье представлена попытка исследования подходов к взаимодействию в энергетической сфере двух важнейших игроков европейского международного отношения — Европейского союза и Российской Федерации. Целью настоящей статьи является исследование становления и развития Энергетического диалога между Россией и Европейским союзом в 2000-х гг. В задачи, поставленные автором, входило выявление причин и поиска Российской Федерацией и Европейским союзом «особых» инструментов сотрудничества в энергетической сфере, эволюции Энергетического диалога между Россией и ЕС как основы энергетической политики и формирования нормативно-правовой базы энергетического сотрудничества сторон, изучение эффективности ЭнергодIALOGа как инструмента и исследование перспектив его развития. При этом были использованы работы российских исследователей Н. Н. Емельяновой [2], Я. В. Кузнецовой [5], Ю. Н. Масакина [6], Т. Романовой [9; 10], официальные документы по энергетической сфере Российской Федерации и Европейского союза. В статье рассмотрены основные этапы реализации Энергетического диалога между Россией и Евросоюзом как особого вида отношений во внешней политике сторон, представлена попытка оценки кратко- и долгосрочных перспектив влияния этого инструмента на модернизацию двусторонних отношений в энергетической сфере.

По данным *BP Statistical Review of World Energy*, за 2012 г. объем импорта нефти странами Европейского союза возрос на 2,3 % по сравнению с 2011 г. и составил 22,6 % мирового импорта нефти. Так, в 2012 г. Европа импортировала из стран СНГ 286,5 млн т нефти. Величина общего импорта нефти странами ЕС составляет 12 448 тыс. бар. в день, из них 5792 тыс. бар. импортируется из стран СНГ, преимущественно из России [18]. Что касается природного газа, то из России в страны ЕС в 2012 г. его было экспортировано 105,5 млрд куб. м. Крупнейшими импортерами российско-

Автор:

Махнач Иван Михайлович — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Русакович Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Воронович Виталий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Военной академии Республики Беларусь

го газа являются Германия (30,0 млрд куб. м), Италия (13,6), Франция (7,3), Польша (9,0), Чехия (6,6 млрд куб. м) [18].

Решение о создании ЭнергодIALOGа Россия—ЕС как площадки для обсуждения вопросов сотрудничества в сфере энергетики было принято на 6-м саммите Россия—ЕС в Париже в 2000 г. Главной целью инициативы председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди о начале диалога с Россией (с согласия заместителя председателя правительства Российской Федерации В. Б. Христенко) было стремление не только добиться значительного увеличения поставок энергоносителей из России на наиболее выгодных для ЕС условиях, но и инициировать взаимные консультации и обмен информацией по вопросам энергетической политики и формирования нормативно-правовой базы энергетического сотрудничества сторон. 30 октября 2000 г. в Париже была подписана совместная декларация президента Европейского совета Ж. Ширака, генерального секретаря Совета/Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности ЕС Х. Соланы, председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди и президента Российской Федерации В. В. Путина. В документе отмечалось, что сотрудничество между Россией и Европейским союзом вступает в новую фазу со времени подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (1994 г.). Согласно данному документу, углубление двустороннего сотрудничества стало возможным в связи с успехами внутренних реформ в России, а целью провозглашалось содействие России в проведении институциональных, экономических и социальных реформ [20]. Таким образом, базисом для углубления двустороннего сотрудничества служит либерализация рынков энергоресурсов Россией. Страны ЕС, будучи крупнейшими после США и Китая импортерами нефти и газа, зависят не только от конъюнктуры мирового энергетического рынка, но и от социально-экономической и политической ситуации внутри стран-поставщиков, а следовательно, заинтересованы в сохранении стабильности в этих странах. Тогда же были сформулированы общие направления сотрудничества в рамках Энергетического диалога Россия—ЕС: сотрудничество в сфере энергосбережения, транспортной инфраструктуры и рационализации производства; отношения между странами-производителями и странами — импортерами энергоресурсов; планируемая ратификация Россией Договора к Энергетической хартии; улучшение инвестиционного климата [20].

Таким образом, начиная с 2000 г., укрепление сотрудничества с Российской Федерацией в энергетическом секторе становится стратегически важным направлением в общей внешней политике стран ЕС, а также одним из глав-

ных направлений политики в области обеспечения энергетической безопасности стран Евросоюза [16].

На протяжении 2000—2001 гг. велась активная работа в рамках четырех рабочих групп по выработке общих целей и задач в рамках ЭнергодIALOGа Россия—ЕС в сфере энергетической политики, инфраструктуры и технологий, инвестиций, энергоэффективности и окружающей среды.

3 сентября 2001 г. на очередном саммите Россия—ЕС были сформулированы основные задачи энергетического диалога на кратко- и долгосрочную перспективу с целью стимулирования притока инвестиций, повышения энергетической безопасности и содействия развитию коммерческих отношений в энергетическом секторе [20].

Среди задач на краткосрочную перспективу выделялись следующие [19].

Обеспечение нормативно-правовых гарантий долгосрочных поставок (прежде всего, импорта природного газа) должно было быть достигнуто через заключение долгосрочных контрактов на условиях «бери или плати» на поставку энергоресурсов и безусловного выполнения договорных обязательств как гарантии энергетической безопасности сторон. Объем европейских инвестиций в газовую промышленность и транспортную инфраструктуру напрямую зависит от выполнения Россией договорных обязательств. ЕС выступает за так называемое разделение рисков между импортером и экспортером, за решение проблемы с заменой или исключением из долгосрочных контрактов положений, запрещающих странам — импортерам природного газа перепродавать его третьим странам.

Задача по созданию новой стратегической транспортной инфраструктуры, отражающая общим интересам, отражала стремление Европы обеспечить бесперебойные поставки энергоресурсов, в том числе природного газа. ЕС впервые настоял на том, что некоторые сегменты транспортной инфраструктуры должны представлять «общий интерес». Среди таковых были названы Северный трансъевропейский газопровод и газопровод Ямал—Европа, проходящий транзитом по территории Беларуси и Польши, а также разработка Штокмановского месторождения. Для России интерес представляет строительство газопровода «Кобрин — Велке Капушаны» для поставок газа в Европу в обход Украины.

Масштабные инвестиции в экономику России и ее энергетический сектор в значительной степени зависели от реализации мер, направленных на **совершенствование правовой базы Российской Федерации в отношении производства и транспортировки энергоносителей**, т. е. внесение поправок в налоговое законодательство в отношении Соглашений о разделе продукции (СРП),

а также в работу по ратификации Договора к Энергетической хартии. **Надежность энерготранспортных систем** подразумевала регулярный мониторинг потребности в ремонте газотранспортных сетей, своевременное устранение возможных утечек газа, а также создание региональной спутниковой системы мониторинга для предотвращения аварий в нефтегазовой инфраструктуре. Разработка проектов по увеличению **энергоэффективности**, прежде всего для Астраханской и Архангельской областей, была осуществлена в рамках программы ТАСИС.

Долгосрочные задачи включали, прежде всего, разработку схемы инвестиционного сотрудничества, которая предполагала привлечение европейских инвестиций в российский энергетический сектор. Таким образом, предполагалось увеличение роли Европейского инвестиционного банка и углубление финансового сотрудничества с целью достижения энергетической безопасности для обеих сторон и минимизации рисков неэкономического характера. Сотрудничество по вопросам изменения климата и разработка мероприятий по скорейшей ратификации Киотского протокола Россией и ЕС; технологическое сотрудничество, а именно создание на базе Международного научно-технического центра в Москве при финансировании со стороны ЕС Центра Россия—ЕС по энергетическим технологиям с целью активизации технологического сотрудничества, а также признания единых технических норм и стандартов; торговля электроэнергией; энергоэффективность и возобновляемые источники энергии; корпоративное управление также были определены в качестве долгосрочных задач [19].

Переговоры и взаимные консультации ведутся на уровне министра энергетики Российской Федерации, с одной стороны, и еврокомиссара по энергетике, с другой стороны, в рамках Постоянного совета партнерства (ПСП) России и ЕС в области энергетики, который был учрежден в 2003 г. по итогам саммита Россия—ЕС на смену Совету сотрудничества. По сути ПСП в области энергетики — это политический руководящий орган Энергодialogа Россия—ЕС, в рамках которого вырабатываются общие цели и задачи двустороннего сотрудничества в области энергетики. Координаторы Энергодialogа — министр энергетики Российской Федерации и европейский комиссар по энергетике — отвечают за мониторинг выполнения поставленных задач совместно с уполномоченными координаторами: заместителем министра энергетики России и генеральным директором директората по энергетике Еврокомиссии [13]. Для постоянной работы в рамках Энергодialogа были созданы тематические группы, состоящие из экспертов в сфере энергетики, назначаемых государствами — членами ЕС и Россией и представляю-

щих интересы промышленности, международных финансовых организаций, академических кругов, Министерства энергетики России, Европейской комиссии. За более чем 10-летнюю историю существования Энергодialogа тематические группы неоднократно претерпевали реорганизацию в зависимости от тех приоритетов, которые ежегодно расставлялись в рамках двусторонних переговоров.

До декабря 2011 г. текущая работа в рамках Энергодialogа была организована в трех тематических группах: 1) Тематическая группа по стратегии, прогнозам и сценариям; 2) Тематическая группа по развитию рынков; 3) Тематическая группа по энергоэффективности [22]. С 2012 г. в структуре Энергодialogа представлены четыре тематические группы, а также Консультативный совет по газу (КСГ) [22; 23].

Создание Консультативного совета по газу стало новым направлением в переговорах в рамках Энергодialogа Россия—ЕС по газовому вопросу. С начала существования Энергодialogа газовому вопросу отводилось одно из центральных мест. ЕС волновали, прежде всего, вопросы безопасности поставок природного газа и соблюдения своих прав как потребителей. Газовый кризис начала 2009 г. показал уязвимость европейского рынка природного газа и полную зависимость большинства европейских стран от российских поставок данного ресурса. Таким образом, из-за конфликта между Россией и Украиной, на которую приходилась значительная часть транзита газа в Европу, многие страны ЕС, такие как Германия, Италия, Австрия, Франция, Польша, Словакия, Словения, частично или полностью перестали получать газ из России. ЕС оказалась третьей стороной, невольно вовлеченной в российско-украинский торг о долгах и ценах на поставки газа. Стало очевидным, что необходимо пересматривать условия газового диалога между Россией и ЕС и искать новые механизмы для обеспечения газовой безопасности ЕС в кризисных ситуациях.

В ноябре 2009 г. координаторами Энергодialogа Россия—ЕС был подписан Меморандум о механизме раннего предупреждения в сфере энергетики с целью «обеспечения беспрепятственного и непрерываемого энергоснабжения, предупреждения и преодоления с минимальными негативными последствиями чрезвычайных ситуаций в сфере энергетики» и с учетом возможных «рисков в сфере поставок и спроса». Механизм раннего предупреждения, состоящий из Группы экспертов и Специальной группы мониторинга, — это орган, призванный осуществлять мониторинг поставок и спроса на природный газ, а также выявлять и оперативно реагировать на возникшую чрезвычайную ситуацию, под которой понимается «значительное нарушение/физическое прерывание в поставках природного газа, нефти и

электроэнергии из Российской Федерации на территорию Европейского союза, включая поставки транзитом через третьи страны» [7].

Меморандум характеризуется четкой поэтапной процедурой кризисного реагирования, что не находило отражение в ранее подписанных документах в рамках ЭнергодIALOGA.

24 февраля 2011 г. стороны подписали Меморандум о механизме предупреждения и преодоления чрезвычайных ситуаций в сфере энергетики в рамках ЭнергодIALOGA Россия—ЕС (механизм раннего предупреждения) с целью повышения эффективности принятого ранее Меморандума о механизме раннего предупреждения. В частности, было расширено понятие «чрезвычайная ситуация», под которой, кроме упомянутых ранее позиций, понимается также «событие наступления исключительно высокого спроса на энергетические продукты в Европейском союзе и России, при котором рыночные меры недостаточны и должны быть дополнительно введены нерыночные меры» [8].

Тогда же в рамках переговоров на уровне органов исполнительной власти России и ЕС, а именно членов Еврокомиссии и министров Российской Федерации, координаторы ЭнергодIALOGA подписали еще один документ — Совместное заявление о создании механизма оценки будущей конъюнктуры газовых рынков в рамках ЭнергодIALOGA Россия — ЕС. Таким механизмом призван был стать Консультативный совет по газу [12].

В состав КСГ входят представители Еврокомиссии и Министерства энергетики Российской Федерации, ведущих энергетических компаний, в том числе «Газпрома», «Роснефти», «Новатэка», «Газпромбанка», Европейской сети системных операторов передачи газа, «Еврогаза», научных кругов — Российского энергетического агентства, Института энергетики и финансов (аналитический центр, Москва), Института энергетической стратегии, Российской Академии наук, Оксфордского института энергетических исследований, Международного энергетического агентства, Международной ассоциации производителей нефти и газа, Ассоциации европейского бизнеса в России и др. [21].

Работа КСГ организована в трех рабочих группах: по долгосрочным энергетическим сценариям и Дорожной карте энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г., по внутреннему рынку газа, по развитию газовой инфраструктуры [4]. По мнению координаторов ЭнергодIALOGA, Консультативный совет по газу призван «оценивать развитие газовых рынков Российской Федерации и Евросоюза и вырабатывать оценку спроса и обеспечения (поставок) природного газа на европейских рынках в перспективе, объемов производства, транспортировки и спроса на газ на российском рынке; представлять рекомендации по долгосрочному взаимодействию России и

ЕС в газовой сфере в рамках устойчивого, взаимовыгодного и безопасного сотрудничества» [12]. Учреждение КСГ было обусловлено еще и необходимостью создания дополнительной площадки для обсуждения главного документа в области энергетического сотрудничества сторон — Дорожной карты энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г. В марте 2013 г. данный документ был подписан обеими сторонами. Рекомендации, сценарии и прогнозы Консультативного совета по газу были положены в основу Дорожной карты в разделе, посвященном газу.

В данном документе сформулирована стратегическая цель сотрудничества России и ЕС в энергетической сфере: «формирование к 2050 г. панъевропейского энергетического пространства с функционирующей интегрированной сетевой инфраструктурой, с открытыми, прозрачными, эффективными и конкурентными рынками, которое будет способствовать обеспечению энергетической безопасности и достижению целей устойчивого развития ЕС и России» [1]. Согласно Дорожной карте, стороны ставят перед собой следующие задачи: 1) обеспечение энергетической безопасности и прозрачности торговли энергоресурсами; 2) гармонизация нормативно-правовой базы, регулирующей отношения сторон в энергетическом секторе; 3) увеличение объема инвестиций и технологическое сотрудничество [1]. В целом данный документ является всеобъемлющим планом действий сторон в рамках ЭнергодIALOGA. Дорожная карта структурирована таким образом, что по каждому из вопросов, представляющих взаимный интерес, — электроэнергетика, газ, нефть, возобновляемые источники энергии, энергоэффективность — определены путь сотрудничества, план действий и практические рекомендации (до 2020, 2030 и 2050 гг.), возможные риски политического, экономического, финансового и иного характера. В Дорожной карте описаны также тенденции развития энергетического сектора по каждому из видов энергоресурсов, возможности поставщиков и производителей в зависимости от возможного сценария. Таким образом, подписание данного документа имеет огромное значение в развитии ЭнергодIALOGA и отношений России и ЕС в сфере энергетики в целом. Дорожная карта стала первым всеобъемлющим документом, в котором сделана попытка выработать общую для России и ЕС стратегию действий на энергетическом рынке с целью проведения согласованной политики в области энергетики. Подписание данного документа стало первым шагом на пути формирования нового пятого общего пространства — энергетического.

Тем не менее, несмотря на достигнутые договоренности, у сторон остается немало разногласий, особенно в газовой сфере. Подписа-

ние в 2009 г. и последующая ратификация европейскими странами Третьего энергопакета значительно осложнили отношения ЕС и России. Это связано с тем, что, по мнению российской стороны, данный документ носит дискриминационный характер по отношению, в частности, к крупнейшей энергетической компании России ОАО «Газпром». Согласно Третьему энергопакету, в ЕС действует запрет на монополизацию газотранспортных систем, что не позволяет «Газпрому» доставлять природный газ конечному потребителю. Монополия «Газпрома» не только на производство, но и на транспортировку газа не вписывается в политику ЕС, направленную на максимальное разделение добычи и продажи газа от его транспортировки конечному потребителю. Все это породило немало споров между ЕС и «Газпромом», например начало расследования Еврокомиссией монопольной деятельности «Газпрома» (сентябрь 2012 г.), в том числе и посредством дочерних организаций в Европе, разногласия относительно эксплуатации газопровода *OPAL* — части «Северного потока», соединяющего Чехию с балтийским побережьем Германии. На сегодняшний день вопрос об исключении газопровода *OPAL* из Третьего энергопакета, который позволяет «Газпрому» заполнять его лишь на 50 %, остается открытым [11].

Принятие ЕС Третьего энергопакета представляет прямое продолжение европейской политики в сфере энергетики, направленной на максимальную либерализацию энергетического рынка. Привлечение новых энергетических компаний на европейский рынок приведет, по расчетам Еврокомиссии, к усилению конкуренции, прежде всего в газовом секторе, и, как следствие, к снижению цены на газ. Свободный рынок и конкуренция — столп, на котором основывается не только экономическая политика стран Европейского союза, но и, в известной мере, идеология. Равные возможности на рынке и свободное ценообразование являются все той же экономико-идеологической составляющей внешней и внутренней политике ЕС. Перенос этих ценностей рыночной экономики на все сферы отношений присущ Евросоюзу с момента его образования.

Не забывает ЕС и про финансовую выгоду. Стремление ЕС побудить «Газпром» к изменению структуры ценообразования на газ обусловлено, прежде всего, финансовыми ожиданиями — покупкой природного газа по более низкой цене. В результате два игрока на энергетическом рынке — поставщик и потребитель — имеют диаметрально противоположные позиции в отношении ценообразования на «голубое» топливо. «Газпром» настаивает на сохранении привязки цен на газ в долгосрочных экспортных газовых контрактах к ценам на нефтепродукты. Цена газа привязана к стоимости его замещения у конечного потребителя и рассчитывается по формуле, которая

включает два основных альтернативных газу энергоносителя: мазут и газойль/дизтопливо. В связи с ростом цен на нефть и нефтепродукты ЕС считает, что данный механизм ценообразования ведет к искусственному завышению цен на природный газ. Кроме того, не устраивают Евросоюз и положения долгосрочных контрактов об ограничении реэкспорта газа третьим странам [3].

Более справедливым и логичным вариантом формирования цен на данный вид топлива является привязка к биржевым котировкам на ликвидных европейских рынках, таких как рынок Великобритании (спотовое ценообразование). Спотовая цена — это цена на газ, доминирующая на рынке в данный промежуток времени [14].

В целом отношения России и ЕС в газовом секторе занимают одно из центральных мест в структуре ЭнергодIALOGа. Стремление сторон выработать единый подход к продаже и транспортировке данного вида топлива, а также найти решение наиболее острых противоречий по газовому вопросу было продемонстрировано на Конференции по инновационному использованию природного газа в Брюсселе 24 июня 2011 г., а также на ежегодных международных конференциях «Энергетический диалог Россия—ЕС: газовый аспект», в которых принимают участие политические, государственные и общественные деятели, представители крупнейших энергетических компаний России и ЕС. Стороны обсуждают вопросы применения Третьего энергопакета ЕС, путей обеспечения энергетической безопасности, выработки единого подхода по долгосрочным экспортным газовым контрактам и ценообразования на природный газ.

Стороны пытаются найти взаимовыгодные пути сотрудничества в энергетическом секторе, что позволяет сделать вывод о том, что ЭнергодIALOG Россия—ЕС как площадка для обсуждения согласованной энергетической политики будет существовать и дальше.

За почти 13 лет своего существования Энергетический диалог Россия—ЕС принес свои плоды, но не обусловил формирование единой энергетической политики сторон. Как заявлено в Дорожной карте сотрудничества России и ЕС до 2050 г., сторонам предстоит пройти долгий путь, чтобы достичь этой цели. У России и ЕС остается много нерешенных проблем, особенно в газовом вопросе, и партнерам по ЭнергодIALOGу предстоит провести много времени за столом переговоров. Разногласия по вопросам применения положений Третьего энергопакета ЕС тормозят процесс гармонизации законодательно-правовой базы отношений России и Евросоюза в энергетической сфере. Перед координаторами ЭнергодIALOGа стоит непростая задача — примирить концепции энергетической безопасности сторон, а также выработать проекты сотрудничества россий-

ских и европейских энергетических компаний. России и ЕС необходимо активизировать сотрудничество в сфере реализации инфраструктурных проектов по экспорту российского газа в Европу.

На данном этапе реализация Третьего энергопакета ЕС в полном объеме представляется невозможной. Россия вряд ли откажется от долгосрочных экспортных газовых контрактов, однако не исключено, что формула привязки цены на газ к ценам на нефтепродукты претерпит некоторые изменения. Россия не скрывает своего стремления идти на уступки ЕС по вопросам ценообразования на природный газ, например путем введения новых переменных в формулу расчета цены, а также использования корректирующих коэффициентов в зависимости от конъюнктуры газового рынка. Тем не менее, полностью сдавать позиции Россия не готова. Следует отметить, что для ЕС Третий энергопакет служит своеобразным рычагом давления на «Газпром». Для ЕС на данном этапе важнее промежуточный результат — корректировать цены на газ, нежели глобальная цель — диверсифицировать поставщиков голубого топлива, которых не так уж и много.

В связи с этим стороны в краткосрочной перспективе постараются выработать единый подход к вопросу ценообразования на газ и статуса трансграничных газопроводных магистралей на условиях статус-кво, не меняя коренным образом формат отношений в энергетическом секторе, а также достигнутых ранее договоренностей.

Однако будет ошибочным полагать, что Энергодиалог Россия—ЕС не принес позитивных результатов. Достаточно упомянуть усилия сторон по диверсификации маршрутов поставок природного газа в рамках проектов «Северный поток» и «Южный поток». Несмотря на разногласия относительно заполняемости «Северного потока» российским газом,

этот газопровод функционирует, а спорные вопросы стороны пытаются решить путем переговоров. Позитивным примером российско-европейского энергетического сотрудничества также может служить проект совместной работы энергосистем Российской Федерации, Литвы, Латвии и Эстонии. Синхронизация энергосистем трех прибалтийских стран с Россией — лишь первый этап на пути полной синхронизации энергосистем России и Европейского союза.

В 2010 г. стартовала новая инициатива России и ЕС «Партнерство для модернизации», кураторство над которой возложена на Тематическую группу ЭнергодIALOG Россия—ЕС по энергоэффективности и инновациям. В рамках энергетической составляющей данной инициативы рассматриваются и вопросы инвестирования в российский энергетический сектор, и гармонизация законодательства России и ЕС в области энергетики, и вопросы диверсификации путей поставок природного газа из России. В рамках «Партнерства для модернизации» развиваются проекты в сфере энергоэффективности, осуществляется инвестирование в энергетический сектор.

Таким образом, несмотря на разногласия между Российской Федерацией и Европейским союзом по вопросам, прежде всего в сфере газовых отношений, ЭнергодIALOG приносит результаты и продолжает играть значительную роль в модернизации отношений между Россией и ЕС в энергетическом секторе. Реализация Дорожной карты сотрудничества России и ЕС до 2050 г. станет предпосылкой для формирования в долгосрочной перспективе единого энергетического пространства России и ЕС. ЭнергодIALOG и дальше будет играть центральную роль в урегулировании спорных вопросов в отношениях между поставщиком энерго-ресурсов и их потребителем, а также служить основным механизмом формирования единой согласованной политики в сфере энергетики.

Литература

1. Дорожная карта энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г. [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <http://minenergo.gov.ru/co-operation/russia_eu/road_map/index.php>. — Дата доступа: 25.09.2013.
2. Емельянова, Н. Н. Энергетический фактор в сотрудничестве России и ЕС / Н. Н. Емельянова [Электронный ресурс] // Издательская группа «Дело и сервис». — Режим доступа: <<http://www.dis.ru/library/560/25630/>>. — Дата доступа: 12.11.2013.
3. Конопляник, А. Цена на газ в Европе продолжит равняться на нефть / А. Конопляник [Электронный ресурс] // Страничка д. э. н., проф. А. А. Конопляника. — Режим доступа: <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/427_Cena_gaza_v_Evropе_prodolzhit_ravnyatsya_na_neft.pdf>. — Дата доступа: 25.09.2013.
4. Консультативный совет по газу [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <http://minenergo.gov.ru/co-operation/russia_eu/konsultativnyy-совет-po-gazu/>. — Дата доступа: 25.09.2013.
5. Кузнецова, Я. В. Особенности взаимодействия России и Европейского союза в газовой сфере в современных условиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Я. В. Кузнецова; Рос. акад. народ. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2012 г. [Электронный ресурс] // disserCat — электронная библиотека диссертаций. — Режим доступа: <[http://www.dissercat.com/content/osobennosti-vzaimodeistviya-rossii-i-evropeiskogo-soyuza-v-gazovoi-sfere-v-sovremennyykh-uslo#ixzz2kVmP5RmT/](http://www.dissercat.com/content/osobennosti-vzaimodeistviya-rossii-i-evropeiskogo-soyuza-v-gazovoi-sfere-v-sovremennyykh-usloviyah-uslo#ixzz2kVmP5RmT/)>. — Дата доступа: 12.11.2013.
6. Масакин, Ю. Н. Энергетический диалог ЕС—Россия: политические и правовые основы сотрудничества / Ю. Н. Масакин [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. — Режим доступа: <<http://vestnik-mgou.ru/web/library/files/incoming/2/2010/1/st28.pdf>>. — Дата доступа: 12.11.2013.

7. Меморандум о механизме раннего предупреждения в сфере энергетики в рамках Энергодialoga Россия—ЕС: [подписан в г. Москве, 16 нояб. 2009 г.] [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <<http://minenergo.gov.ru/upload/medialibrary/656/6566442b1b008b56a46557475c681c94.pdf>>. — Дата доступа: 25.09.2013.
8. Меморандум о механизме предупреждения и преодоления чрезвычайных ситуаций в сфере энергетики в рамках Энергодialoga Россия—ЕС (Механизм раннего предупреждения): [подписан в г. Брюсселе, 24 февр. 2011 г.] [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <<http://minenergo.gov.ru/upload/medialibrary/45c/45c1ace02a62b9a6a4c0668f077574a.pdf>>. — Дата доступа: 25.09.2013.
9. Романова, Т. Энергетические связи России и Евросоюза: проблемы и перспективы / Т. Романова [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1492#top>. — Дата доступа: 12.11.2013.
10. Романова, Т. Энергетическое сотрудничество России и Евросоюза: основные направления эволюции и современное состояние / Т. Романова // Балтийский регион. — 2013. — № 3. — С. 7—19.
11. Саммит Россия—ЕС в Екатеринбурге: асимметричное «стратегическое партнерство» [Электронный ресурс] // REGNUM Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.regnum.by/news/polit/1667531.html>>. — Дата доступа: 25.09.2013.
12. Совместное заявление о создании механизма оценки будущей конъюнктуры газовых рынков в рамках Энергодialoga Россия—ЕС: [подписано в г. Брюсселе, 24 февр. 2011 г.] [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <<http://minenergo.gov.ru/upload/medialibrary/cd3/cd3639d424268c45f8908698b9c64333.pdf>>. — Дата доступа: 25.09.2013.
13. Сотрудничество с ЕС [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <http://minenergo.gov.ru/co-operation/russia_eu/>. — Дата доступа: 25.09.2013.
14. Торговля газом: управление рисками [Электронный ресурс] // Риск-менеджмент в энергетике. — Режим доступа: <<http://risk.e-m.ru/13/presentation/hushlos.pdf>>. — Дата доступа: 25.09.2013.
15. Экспорт-импорт России важнейших товаров за январь—декабрь 2012 г. [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. — Режим доступа: <http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=17055&Itemid=1981>. — Дата доступа: 25.09.2013.
16. Энергетический диалог Россия—ЕС 2000—2010: возможности для нашего будущего партнерства в области энергетики: обобщ. докл., Брюссель, ноябрь 2010 г. [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <<http://minenergo.gov.ru/upload/iblock/537/5379590b46ecb229803488dcb3940c.pdf>>. — Дата доступа: 25.09.2013.
17. Энергодialog Россия—ЕС: 12-й обобщ. докл., Москва, 1 дек. 2011 г. [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <<http://minenergo.gov.ru/upload/medialibrary/227/227f8de5e083e393cb36ac904c8b892e.pdf>>. — Дата доступа: 25.09.2013.
18. BP Statistical Review of World Energy, June 2013 [Electronic resource] // bp.com. — Mode of access: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf>. — Date of access: 25.09.2013.
19. EU—Russia Energy Dialogue: Synthesis Report, Brussels/Moscow, September 2001 [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/energy/international/russia/doc/reports/progress1_en.pdf>. — Date of access: 25.09.2013.
20. EU—Russia Energy Dialogue 2000—2010: the first ten years [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/energy/international/russia/dialogue/dialogue_en.htm>. — Date of access: 25.09.2013.
21. EU—Russia Gas Advisory Council [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/energy/international/russia/dialogue/doc/2012_eu_russian_members_council.pdf>. — Date of access: 25.09.2013.
22. Groups within the EU—Russia Energy-Dialogue [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/energy/international/russia/dialogue/thematic_en.htm>. — Date of access: 25.09.2013.
23. Terms of Reference: EU—Russia Energy Dialogue Thematic Group on Energy Markets and Strategies [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/energy/international/russia/dialogue/dialogue_en.htm>. — Date of access: 25.09.2013.

«Развитие энергетического диалога Российской Федерации и Европейского союза» (Иван Махнач)

В современном мире вопросы энергетической безопасности имеют ключевое значение во внешней политике развитых стран. Европейский союз и Российская Федерация на протяжении последних десятилетий стремились к поиску инструментов сотрудничества в энергетической сфере ввиду стремления Европейского союза обеспечить собственную энергетическую безопасность, а Российской Федерации — сохранить крупнейший рынок углеводородов. Эти задачи достигаются реализацией двустороннего Энергетического диалога как особого вида отношений во внешней политике сторон.

В статье рассматривается эволюция Энергетического диалога между Российской Федерацией и Европейским союзом. По мнению автора, Энергодialog стал особым внешнеполитическим инструментом, направленным на создание основ энергетической политики и формирование нормативно-правовой базы энергетического сотрудничества сторон. Статья представляет собой исследование становления, развития и эффективности Энергетического диалога между Россией и Европейским союзом в 2000-х гг. Проводится также анализ кратко- и долгосрочных перспектив влияния этого инструмента на модернизацию двусторонних отношений в энергетической сфере.

«Development of the Energy Dialogue Between the Russian Federation and the European Union» (Ivan Makhnach)

The issues of energy security are of key importance in the foreign policy of developed countries in the contemporary world. During the last decades the European Union and the Russian Federation sought to find instruments of cooperation in the energy sphere due to the European Union's intention to provide its own energy security, and the Russian Federation's intention to preserve the largest hydrocarbons market. These tasks are reached by the implementation of a bilateral Energy Dialogue as a particular form of relations in the parties' foreign policy.

The article considers the development of the Energy Dialogue between the Russian Federation and the European Union. According to the author, the Energy Dialogue has become a particular foreign policy instrument aimed at creation of the bases for energy policy and formation of the legal base for energy cooperation between the parties. The article presents a study of establishment, development and efficiency of the Energy Dialogue between Russia and the European Union in the 2000s. An analysis of the short-term and long-term prospects of the influence of this instrument on modernization of bilateral relations in energy is carried out.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2013 г.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВОПРОСУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИЦ, ПОКИДАЮЩИХ СИРИЙСКУЮ АРАБСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

(Редакция II)

22 октября 2013 г.

1. Данный документ отменяет и заменяет собой изданные УВКБ ООН в декабре 2012 г. «Рекомендации по вопросу международной защиты относительно лиц, покидающих Сирийскую Арабскую Республику»¹.

Гуманитарная ситуация и вынужденное перемещение

2. После выпуска УВКБ ООН в декабре 2012 г. документа «Аспекты защиты» вооруженный конфликт в Сирии продолжал обостряться², в результате чего разразился масштабный гуманитарный кризис, вызвавший также проблемы в плане защиты. Количество людей, погибших после начала конфликта, по сообщениям, превысило 100 тыс.³, а 6,8 млн человек, или треть населения, нуждаются в гуманитарной помощи, что значительно больше по сравнению с 1 млн человек, зафиксированным по состоянию на март 2012 г.⁴ Рост гуманитарных потребностей населения особенно заметен в провинциях Алеппо, Риф Дамаск, Идлиб, Дейр-эз-Зор, Хама, Деръа, Ракка, Латакия и Дамаск. С января 2013 г. в Алеппо гуманитарные потребности утроились, а в провинциях Риф Дамаск и Дейр-эз-Зор — удвоились.

3. По оценкам, более 6 млн человек подверглись перемещению внутри страны или обратились за убежищем в странах региона. По состоянию на октябрь 2013 г., более 2,1 млн сирийцев зарегистрированы или ожидают регистрации в соседних странах — Иордании, Ливане, Турции и Ираке, а также в Египте и других странах Северной Африки⁵. Кроме того, за период с начала беспорядков и насилия в 2011 г. до конца августа 2013 г.⁶ свыше 53 тыс. ходатайств о предоставлении убежища подано сирийцами в европейских странах (не считая Турции). В самой Сирии, по оценкам, 4,25 млн человек, по состоянию на апрель 2013 г., были перемещены, при этом некоторые — неоднократно; по имеющимся данным, это число с того времени значительно выросло⁷. На доступ к продовольствию⁸, воде⁹, жилью¹⁰, медицинской помощи¹¹, образованию¹² и непродовольственным товарам¹³ сильно влияют совокупные последствия вооруженного конфликта и сопутствующее ему разрушение инфраструктуры, нарушение предоставления основных услуг и потеря источников существования. Агентства системы ООН совместно с национальными и международными партнерами наращивают масштабы своей гуманитарной деятельности в соответствии с пересмотренным Планом ответных мер по предоставлению гуманитарной помощи в Сирии¹⁴. Масштаб, характер и интенсивность конфликта, бюрократические препоны и несоблюдение всеми сторонами конфликта международного гуманитарного права серьезно ограничивают доступ к гуманитарной помощи населения, нуждающегося в ней, внутри страны¹⁵. Особое беспокойство вызывают группы населения в осажденных районах, которые, по сообщениям, практически отрезаны от поставок основных товаров и остаются фактически недоступными для организаций, оказывающих гуманитарную помощь¹⁶.

Конфликт и ситуация в плане безопасности

4. Военные действия постоянно расширяются, в результате чего в Сирии не осталось мест, не охваченных конфликтом и его масштабными гуманитарными последствиями. Как сообщается, линии фронта в общем относительно статичны и любое изменение соотношения контроля над территорией между проправительственными силами и вооруженными оппозиционными группами требует значительных военных усилий, влекущих за собой массовые человеческие жертвы и масштабное разрушение как государственной инфраструктуры, так и частной собственности¹⁷. По сообщениям, территории, которые де-факто контролируются вооруженными оппозиционными группами или на которых эти группы присутствуют, подвергаются артиллерийским обстрелам со стороны правительственных сил, а органы власти препятствуют поставкам продовольствия и медикаментов населению этих территорий¹⁸. Аналогичным образом вооруженные оппозиционные группы нацеливают свои усилия на удерживаемые правительственными войсками районы или осаждают их¹⁹.

5. Согласно сообщениям, в обеих сторонах конфликта доминируют сторонники жесткой линии, при этом правительство все больше полагается на лояльные ему войска и ополчение, часто набираемое из общин меньшинств²⁰, тогда как в вооруженной оппозиции все больше преоб-

ладают различные экстремистские исламистские группировки²¹. Учитывая, что, по разным данным, действуют, как минимум, 1200 разных групп, вооруженные оппозиционные группировки раздроблены, лишены единой командной структуры и общего видения ситуации²². Ситуацию еще больше осложняет возникновение локальных конфликтов среди оппозиционных групп, например между исламистами и курдскими вооруженными группами²³. В политической оппозиции, по сообщениям, также имеет место глубокий раскол²⁴. Растет беспокойство в отношении обостряющейся динамики, которая влияет на конфликт, включая активную роль внешних субъектов²⁵, расширение религиозных²⁶ и этнических разделов²⁷ и применение химического оружия, в том числе против гражданского населения²⁸. В целом ситуация, как представляется, стала патовой, без решающего военного перевеса какой-либо из сторон конфликта, и немедленное политическое решение кажется маловероятным, несмотря на продолжающиеся международные усилия.

Влияние конфликта и насилия на гражданское население Сирии

6. ООН, правозащитные организации и средства массовой информации продолжают сообщать о непрекращающемся насилии и массовых убийствах в Сирии²⁹. По имеющимся данным, конфликт характеризуется невниманием к защите гражданского населения, поскольку стороны конфликта постоянно пренебрегают нормами международного гуманитарного права и совершают другие серьезные нарушения прав человека и посягательства на них, в том числе: произвольные аресты, пытки и другие формы жестокого обращения, насильственные исчезновения, похищения, массовые и внесудебные казни, принудительное перемещение и применение тяжелых или запрещенных вооружений против гражданского населения. Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике опубликовала доклады, в которых она заявляет о фактах преступлений против человечности³⁰, военных преступлений и нарушений прав человека и повсеместной безнаказанности виновных³¹. Всплеск преступности и нарушений в последнее время отмечается во всей северной части Сирии; их, как считается, совершают экстремистские антиправительственные вооруженные группировки совместно с иностранными боевиками³².

7. В числе тех, кто больше всех страдает от конфликта, — **дети**³³. Более 3 млн сирийских детей требуют гуманитарной помощи. Около 80 % из них (свыше 2,5 млн) — в возрасте от 4 до 18 лет, а почти половина из них (1,6 млн) перемещена³⁴. Почти 2 млн детей бросили школу из-за перемещения и насилия³⁵. Каждый второй беженец в регионе моложе 18 лет³⁶. Большие группы детей в Сирии стали свидетелями или жертвами травмирующих событий³⁷. Многие дети, пострадавшие от конфликта, принуждены или могут быть принуждены к детскому труду, разлучению со взрослыми членами семьи и (или) раннему браку. Среди других опасностей, касающихся детей, — возможность сексуальной эксплуатации и торговли людьми³⁸. Серьезную обеспокоенность вызывают сообщения о расширении вербовки молодежи всеми сторонами, в том числе для непосредственного участия в боевых действиях³⁹.

8. **Сексуальное и гендерное насилие**, как сообщается, — одна из существенных особенностей конфликта, даже при том, что задержки с получением данных и занижение сведений затрудняют оценку масштабов этого явления⁴⁰. Опасения изнасилования, как считается, — один из ведущих мотивов, побуждающих семьи спасаться от насилия. Изнасилование и другие формы сексуального насилия, по сообщениям, совершаются в отношении и мужчин, и женщин, и детей, причем преимущественно в местах содержания под стражей и во время обысков в домах и военных налетов, а также на контрольно-пропускных пунктах. Имеющиеся данные показывают, что угроза изнасилования применяется как средство получения вынужденного признания⁴¹.

9. Защита **палестинских беженцев** и их гуманитарная ситуация в Сирии за последние месяцы еще более ухудшились, поскольку почти все районы, где проживают беженцы из Палестины, непосредственно затронуты конфликтом. Среди 525 тыс. палестинских беженцев, которые, по имеющимся данным, проживали в Сирии до начала эскалации конфликта, 420 тыс., по оценкам БАПОР, требуют гуманитарной помощи. БАПОР считает, что более 50 % зарегистрированных палестинских беженцев перемещены либо внутри Сирии, либо в соседние страны⁴², а минимум 44 тыс. жилищ палестинских беженцев разрушены конфликтом⁴³. Как и в отношении других меньшинств, есть сообщения о том, что палестинцы втянуты в конфликт и поддерживают (или считаются поддерживающими) одну из сторон⁴⁴.

10. **Беженцы других национальностей**, которые искали безопасности в Сирии, в том числе множество иракцев, оказываются в результате конфликта в очень уязвимом положении, ибо не могут рассчитывать на поддержку членов расширенной семьи и племенных или общинных групп. Часто приписываемая им связь с одной из сторон конфликта может способствовать усугублению их уязвимости. В результате безработицы и потери источников существования многие истощили свои финансовые ресурсы⁴⁵. За период с июля 2012 г. по август 2013 г. из Сирии

стихийно выехали около 7800 зарегистрированных иракских беженцев. Неизвестно, какая часть из них вернулась в Ирак. Кроме того, более 1700 зарегистрированных иракских беженцев решили вернуться из Сирии в Ирак с помощью УВКБ ООН⁴⁶. С другой стороны, на фоне сообщений о росте насилия в Ираке⁴⁷ приблизительно за этот же период значительное число иракцев въехало в Сирию⁴⁸. Если беженцы, признанные УВКБ ООН в соответствии с его мандатом в Сирии, перемещаются в результате конфликта в иную страну, нежели страна их происхождения или обычного места жительства, то тому факту, что они были признаны беженцами УВКБ ООН в соответствии с его мандатом, уделять больше внимания в процедурах предоставления государственного убежища⁴⁹.

Доступ на территорию и лица, покидающие Сирию, как беженцы

11. УВКБ ООН характеризует бегство гражданских лиц из Сирии как перемещение беженцев. Сирийцы, а также беженцы из Палестины, прежним обычным местом жительства которых была Сирия, требуют международной защиты до тех пор, пока ситуация с безопасностью и соблюдением прав человека в Сирии не улучшится и не будут созданы условия для добровольного возвращения с соблюдением безопасности и уважения к человеческому достоинству. УВКБ ООН высоко ценит гостеприимство стран региона по отношению к большому количеству лиц, покидающих Сирию, несмотря на колоссальную нагрузку на принимающие сообщества, инфраструктуру и службы. Вместе с тем, помимо обеспокоенности в отношении препятствий, с которыми, по сообщениям, люди, желающие покинуть Сирию, сталкиваются при попытках добраться до границы, усиливается беспокойство в отношении все более ужесточаемых критериев допуска, применяемых принимающими странами⁵⁰. УВКБ ООН по-прежнему призывает все страны обеспечить, чтобы лица, покидающие Сирию, в том числе палестинские беженцы и другие лица, обычно проживавшие в Сирии, которые нуждаются в международной защите как беженцы, имели право искать убежища и допускались на их территорию. При въезде и допуске лиц, бежавших из Сирии, необходимо учитывать потребности в защите, независимо от того, пытаются эти лица въехать в страну без надлежащих документов или иным неправомерным образом. Лицам, бежавшим из Сирии и пересекшим международные воды в поисках международной защиты, следует разрешить высадку в безопасном месте, т. е. в месте, которое физически безопасно, где могут быть удовлетворены основные потребности и где им не угрожает высылка⁵¹. УВКБ ООН призывает все государства обеспечить защиту сирийского гражданского населения от высылки и его международную защиту, форма которой может варьироваться в зависимости от возможностей принимающих стран в плане рассмотрения ходатайств и приема, гарантируя при этом соблюдение основных прав человека. Граждане Сирии и лица, постоянно проживающие в Сирии, которые нуждаются в международной защите и которые обращаются в УВКБ ООН и (или) к правительствам соответствующих принимающих стран, зарегистрированы или регистрируются как лица, ищущие международной защиты.

12. УВКБ ООН неоднократно предупреждало о необходимости принятия неотложных мер по снижению рисков регионального распространения конфликта и мер по предотвращению дестабилизации в соседних с Сирией государствах. Это включает, среди прочего, активное вовлечение организаций, работающих в сфере развития, для оказания помощи принимающим сообществам с тем, чтобы укрепить их инфраструктуру и облегчить нагрузку на них. Кроме того, необходимы мощные и своевременные меры международной солидарности (см. пп. 21 и 22), чтобы поддержать соседние страны и государства региона в их масштабных усилиях по защите людей, покидающих Сирию, и оказанию им помощи⁵².

Гражданский и гуманитарный характер убежища

13. Учитывая господствующий в Сирии военный конфликт, вполне возможно, что среди лиц, покидающих Сирию в поисках международной защиты в соседних странах, могут быть люди, принимавшие участие в боевых действиях, т. е. военные⁵³ и (или) вооруженные элементы⁵⁴. Осознавая вызовы, существующие в нынешней ситуации, УВКБ ООН, тем не менее, призывает правительства заинтересованных стран приложить все усилия для того, чтобы выявлять среди прибывающих из Сирии военных и вооруженные элементы и располагать их отдельно, в соответствии с гуманитарным и гражданским характером убежища. С лицами, идентифицированными как военные или вооруженные элементы, включая детей, связанных с вооруженными силами или вооруженными группами, следует обращаться в соответствии с существующими нормами применяемого международного права⁵⁵.

Рассмотрение индивидуальных ходатайств о предоставлении убежища

14. Хотя большинство граждан Сирии и других лиц, покидающих страну, остаются в регионе, все больше людей прибывает в более отдаленные страны и подает ходатайство о международной защите там. Эти ходатайства необходимо рассматривать на основе справедливых и эффективных процедур. УВКБ ООН считает, что большинство граждан Сирии, обращающихся за международной защитой, вероятнее всего, удовлетворяют критериям определения понятия «беженец», приведенного в пункте 2 раздела А статьи 1 Конвенции 1951 г. о статусе беженцев, поскольку у них имеются вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований по одному из признаков, проведенных в Конвенции⁵⁶. Для многих гражданских лиц, покинувших Сирию, *nexus* с одним из признаков по Конвенции 1951 г. будет заключаться в прямой или косвенной, реальной или приписываемой связи с одной из сторон конфликта. Для того чтобы лицо отвечало критериям понятия «беженец», никакого требования о том, что данное лицо должно подвергаться преследованиям, которые уже имели место или опасность которых существует, не выставляется. Сирийцы и постоянные жители Сирии, которые покинули страну, могут, например, подвергаться опасности преследований по признаку приписываемых политических убеждений из-за того, кто именно контролирует район или деревню, где они обычно проживали, или из-за того, что они принадлежат к религиозному либо этническому меньшинству, которое связано или считается связанным с конкретной стороной конфликта.

15. В тех случаях (все более исключительных), когда критерии включения по Конвенции 1951 г. не будут соблюдены, следует рассматривать более широкие критерии соответствия понятию «беженец», сформулированные в региональных документах о беженцах⁵⁷, или иные формы международной защиты, в том числе дополнительную защиту⁵⁸ либо защиту от высылки, основанные на всеобщих или региональных нормах в области прав человека⁵⁹ либо базирующиеся на нормах национального законодательства.

Характеристики рисков

16. Если ходатайства, поданные лицами, ищущими убежища, которые покинули Сирию, рассматриваются в индивидуальном порядке в соответствии с установленными процедурами предоставления убежища или определения статуса беженца, то УВКБ ООН считает, что лица, имеющие любую из нижеприведенных характеристик или их сочетание, могут нуждаться в международной защите в смысле Конвенции 1951 г., если, конечно, данное лицо не подпадает под применение положений об исключении (см. п. 17). В отдельных случаях необходимо особо учитывать преследования, которым лица, ходатайствующие о предоставлении статуса беженца, возможно, подвергались в прошлом⁶⁰.

- I. Реальные противники сирийского правительства или лица, считающиеся таковыми, включая, без ограничений, членов оппозиционных политических партий; активистов правозащитного движения и гражданского общества; участников протестов; гражданских лиц, проживающих в городских районах, деревнях и поселках, которые являются (или считаются) противниками правительства; перебежчиков и дезертиров из армии; лиц, уклоняющихся от призыва; членов семей и родственников лиц, считающихся противниками правительства.
- II. Реальные сторонники сирийского правительства или лица, считающиеся таковыми, включая, например, государственных служащих; гражданских лиц, проживающих в городских районах, деревнях и поселках, которые являются (или считаются) сторонниками правительства; членов семей лиц, считающихся сторонниками правительства.
- III. Лица, считающиеся противниками вооруженных оппозиционных групп и курдских вооруженных групп в районах, фактически контролируемых такими вооруженными группами.
- IV. Специалисты, в частности журналисты и другие работники средств массовой информации, включая гражданских журналистов и блоггеров; врачи и другие медицинские работники; научные работники; творческие работники; правозащитники; сотрудники гуманитарных организаций.
- V. Члены религиозных группы (сунниты, алавиты, шииты, христиане, исмаилиты, друзы)⁶¹ и лица, которых исламистские оппозиционные группировки считают нарушителями законов шариата.
- VI. Курды и члены других этнических меньшинств.
- VII. Палестинские беженцы, обычным местом жительства которых ранее была Сирия.
- VIII. Женщины и дети, ставшие жертвами или подвергающиеся опасности сексуального насилия, раннего и насильственного брака, бытового насилия, «преступлений чести», сексуальной эксплуатации, и, в частности, женщины без защиты со стороны мужчин.

IX. Дети, ставшие жертвами или подвергающиеся опасности форм насилия, характерных в отношении детей, вербовки в несовершеннолетнем возрасте или принудительной вербовки, а также систематического отказа в доступе к образованию.

X. Лица лесбийской, гомосексуальной или бисексуальной ориентации и лица с иной гендерной идентичностью (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендерные лица и интерсексуалы).

XI. Жертвы торговли людьми и лица, подвергающиеся опасности стать таковыми.

Замечания в отношении исключения

17. Среди граждан Сирии или ее постоянных жителей, ходатайствующих о предоставлении убежища, могут быть лица, причастные к деяниям, за которые они подлежат исключению из сферы действия Конвенции 1951 г., согласно разделу *F* статьи 1⁶². Факторы исключения вступают в действие, в частности, в случаях, касающихся возможного участия в актах насилия, в том числе в нападениях на гражданских лиц, убийствах, пытках и других формах жестокого обращения, похищениях людей и взятии заложников или сексуальном насилии⁶³. Положения об исключении также применяются в случаях, когда заявители могли быть причастны к нарушениям прав человека или иным деяниям, подпадающим под действие раздела *F* статьи 1 Конвенции 1951 г., до того, как вспыхнул конфликт⁶⁴. В таких случаях необходимо тщательно изучить все вопросы индивидуальной ответственности за преступления, которые могут обусловить исключение из сферы действия международной защиты беженцев. Участие в вооруженных конфликтах, как таковое, не является основанием для исключения. Аналогичным образом просто принадлежность к группе или организации также не является достаточным основанием для исключения. Во всех случаях необходима индивидуальная оценка.

Возвращение, мораторий на принудительное возвращение и рассмотрение ходатайств «на месте»

18. Поскольку ситуация в Сирии, скорее всего, в ближайшее время будет оставаться неопределенной, УВКБ ООН приветствует тот факт, что правительства нескольких стран предприняли меры для того, чтобы приостановить принудительное возвращение граждан или постоянных жителей Сирии, в том числе тех, кому было отказано в предоставлении убежища. Такие меры должны приниматься до дальнейших указаний.

19. В свете развития событий и изменения обстоятельств в Сирии, возможно, будет целесообразно пересмотреть решения по делам сирийцев, ходатайства которых о предоставлении убежища в прошлом были отклонены, чтобы те, чье ходатайство о предоставлении статуса беженца «на месте» в силу изменившихся обстоятельств стало обоснованным, могли рассчитывать на принятие соответствующего решения, которое позволит им пользоваться защитой и правами, вытекающими из признания их беженцами. То же самое касается новых ходатайств «на месте».

20. УВКБ ООН призывает правительства контролировать возвращение граждан Сирии, бежавших в соседние или другие страны, и оценить, делают ли они это на основании свободно принятого и вполне осознанного решения. В свете обстоятельств, доминирующих в Сирии, такие случаи возвращения, которые могут иметь место по причинам личного или семейного характера или ввиду того, что потребности в помощи и (или) защите так и не удовлетворены, не должны быть препятствием для повторного въезда и не должны обязательно ограничивать доступ к защите и помощи в принимающей стране. УВКБ ООН, однако, призывает правительства стран бдительно относиться к сигналам о вербовке беженцев для участия в военных действиях, о которых может свидетельствовать возвращение в Сирию. Лиц, возвратившихся в Сирию по этой причине, необходимо было бы идентифицировать как военных или вооруженные элементы, руководствуясь приведенными выше указаниями (п. 13).

Солидарность и разделение ответственности

21. УВКБ ООН призывает государства, не находящиеся в непосредственной близости к Сирии, проработать конкретные и содержательные меры для выражения солидарности, особенно с целью разделения того колоссального бремени и той ответственности в связи с предоставлением защиты, которые сейчас берут на себя соседние с Сирией страны. В ряде последних наблюдаются настораживающие признаки, свидетельствующие о возможном дестабилизирующем влиянии притока сирийских беженцев, который обостряет и без того тяжелые последствия конфликта в Сирии в плане политики, безопасности, религии и экономики. Помимо столь необходимой соли-

дарности, выражающейся в финансовой и другой помощи пострадавшим странам региона для удовлетворения гуманитарных нужд и неотложных потребностей в области развития⁶⁵, солидарность может принимать форму допуска по гуманитарным причинам, переселения или других видов допуска на территорию страны⁶⁶, таких как упрощенное и ускоренное воссоединение семьи, визовые процедуры и расширение сферы действия студенческих и рабочих виз. УВКБ ООН воодушевлено имеющимися предложениями в этом отношении⁶⁷, но призывает другие государства присоединиться к таким усилиям.

22. Кроме того, солидарность может выражаться путем обеспечения надлежащего обращения и защиты относительно малых групп сирийцев, прибывающих непосредственно из Сирии, через страны региона или морем в более отдаленные страны, посредством обеспечения доступа на территорию и к оперативным и справедливым процедурам рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища. Нужны гуманные подходы к защите, отражающиеся в неприменении санкций к тем, кто прибывает без документов, удостоверяющих личность (или иным неправомерным образом), и в высоком проценте положительных решений по ходатайствам о предоставлении статуса беженца, наряду с обеспечением сопутствующих прав. Еще одной уместной формой солидарности в нынешней кризисной ситуации была бы гибкость применения критериев и процедур воссоединения семьи, равно как и отмена определенных требований для получения виз и облегчение въезда граждан Сирии с целью работы или учебы либо с семейными или гуманитарными целями в рамках национальных программ. Важным элементом комплекса мер по реагированию на прибытие сирийцев в эти страны является также установление строгих лимитов и гарантий в отношении применения содержания под стражей, наряду с применением альтернатив содержанию под стражей и мер, улучшающих условия для лиц, ищущих убежища, которые ожидают принятия решения по своим ходатайствам.

Дальнейшее развитие

23. Настоящие рекомендации предназначены для государств, в которые прибывают лица, покидающие Сирию. Они будут обновляться и расширяться по мере развития ситуации в Сирии. Все решения в отношении потребностей в международной защите гражданских лиц, спасающимся бегством из Сирии, должны основываться на актуальной информации о положении с безопасностью, соблюдением прав человека и гуманитарной ситуацией в Сирии.

УВКБ ООН
Октябрь 2013 г.

¹ Рекомендации по вопросу международной защиты относительно лиц, покидающих Сирийскую Арабскую Республику. Обновление I / УВКБ ООН, дек. 2012 г.: <<http://www.refworld.org/docid/50d457b12.html>> (на англ. яз.).

² В июле 2012 г. Международный комитет Красного Креста принял решение считать конфликт в Сирии вооруженным конфликтом немеждународного характера, что означает, что международное гуманитарное право распространяется на все районы, где ведутся военные действия. См.: Международный комитет Красного Креста: Сирия: Международный комитет Красного Креста и Сирийский Арабский Красный Полумесяц продолжают предоставлять помощь в условиях ужесточения военных действий, 17 июля 2012 г.: <<http://www.icrc.org/eng/resources/documents/update/2012/syria-update-2012-07-17.htm>> (на англ. яз.).

³ См.: напр.: Центр новостей ООН: Сирия: глава независимой комиссии ООН призывает государства — члены ООН положить конец продолжающейся резне, 29 июля 2013 г.: <<http://www.refworld.org/docid/51f7786559.html>> (на англ. яз.).

⁴ См. Управление ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 34, 10—23 сент. 2013 г.: <<http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria%20Humanitarian%20Bulletin%20No%2034.pdf>> (на англ. яз.).

⁵ Регулярно обновляемые данные о количестве зарегистрированных граждан Сирии можно найти на Сирийском региональном портале для размещения информации о положении беженцев: <<http://data.unhcr.org/syrianrefugees>> (на англ. яз.).

⁶ Приведенное количество включает ходатайства о предоставлении убежища «на месте». Оно получено из данных статистики УВКБ ООН (формируемой по данным, подаваемым в УВКБ ООН национальными органами). См. также: УВКБ ООН: Неформальное заседание Совета по вопросам юстиции и внутренних дел, Вильнюс, 18 июля 2013 г., замечания Верховного комиссара ООН по делам беженцев Антониу Гутерриша, 18 июля 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/51f17c39.html>> (на англ. яз.).

⁷ См.: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 33, 27 авг. — 9 сент. 2013 г.: <<http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria%20Humanitarian%20Bulletin%20Issue%20No%2033%20%281%29.pdf>> (на англ. яз.).

⁸ По сообщениям, 4 млн человек в Сирии нуждаются в продовольственной помощи. См., напр.: Всемирная продовольственная программа (ВПП): Четыре миллиона сирийцев не могут произвести или купить достаточно еды, 5 июля 2013 г.: <<http://www.wfp.org/news/news-release/four-million-syrians-are-unable-produce-or-buy-enough-food>> (на англ. яз.). По сообщениям ВПП, на всей территории Сирии высокие цены на продовольствие, растущая инфляция и неуклонное обесценивание национальной валюты подрывают покупательную способность семей и ограничивают

их доступ к основным продуктам питания. Сообщается также о росте масштабов недоедания; см., напр.: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 34, 10–23 сент. 2013 г.: <<http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria%20Humanitarian%20Bulletin%20No%2034.pdf>>. 25 июня 2013 г. ВПП сообщила, что сирийские семьи все больше прибегают к попрошайничеству в поисках еды из-за дефицита и высоких цен на рынке. Среди респондентов опроса ВПП 9 % занимались таким попрошайничеством, тогда как в марте эта цифра составляла 4 %. Респонденты назвали попрошайничество единственным оставшимся способом борьбы с ухудшением условий жизни. Многие сирийцы сообщили также, что перешли на менее качественные продукты питания, чтобы урезать расходы. См., напр.: Центр новостей ООН: Сирийцы прибегают к попрошайничеству и переходят на низкокачественные продукты — агентство ООН, 25 июня 2013 г.: <<http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45266>> (на англ. яз.).

⁹ Инфраструктура водоснабжения во многих населенных пунктах серьезно повреждена в результате конфликта, и сообщается о вспышках инфекционных заболеваний. См., напр.: Международный комитет Красного Креста: Миллионы сирийцев не могут обойтись без поддержки, оставшись без водоснабжения и канализации, 9 июля 2013 г.: <<http://www.icrc.org/eng/resources/documents/statement/2013/07-09-syria-sarc-icrc-joint-statement.htm>> (на англ. яз.).

Обеспеченность водой на душу населения сократилась до трети докризисного показателя, что вызвано перебоями электроснабжения, нехваткой топлива, нарушением производства и неудовлетворительным техническим обслуживанием водопроводных сооружений; см., напр.: ЮНИСЕФ: Сирийский кризис: выводы по результатам оценки ЮНИСЕФ ситуации в сферах водоснабжения, санитарии и гигиены, образования и питания, февр. 2013 г.: <http://www.unicef.org/appeals/files/UNICEF_Syria_Crisis_Assessment_Findings_Feb_2013.pdf> (на англ. яз.).

¹⁰ По данным Экономической и социальной комиссии ООН для Западной Азии, приблизительно 1,2 млн домов повреждено или разрушено. Около 400 тыс. домов разрушено полностью, а 300 тыс. — частично. В остальных 500 тыс. домов повреждена инфраструктура. Общий объем повреждений и разрушений — около трети всего жилого фонда Сирии по результатам переписи 2004 г. Повреждения жилья сконцентрированы в основном в неформальных поселениях, как их определяет Комиссия, что в большинстве случаев означает место проживания бедноты, в конфликтных зонах, таких как Хомс, Дамаск, Алеппо, Дерья и Дейр-эз-Зор»: см. Управление ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 22, 19 марта — 8 апр. 2013 г.: <http://syria.humanitarianresponse.info/system/files/documents/files/Syria_Humanitarian_Bulletin_22_130408_EN.pdf> (на англ. яз.).

¹¹ Сирийская система здравоохранения серьезно подорвана из-за конфликта: пострадало 60 % государственных больниц, 34 % государственных медицинских центров и 92 % государственных станций скорой помощи. Затронута также около 70 % фармацевтических заводов. Пришедшая в негодность инфраструктура здравоохранения, сокращение рабочей силы и дефицит основных лекарственных средств, предметов медицинского назначения и квалифицированных медицинских работников серьезно затруднили оказание первичной и вторичной медико-санитарной помощи. Медицинские учреждения и местные аптеки уже не могут обеспечивать пациентов, требующих непрерывного лечения хронических заболеваний. Имеет также место повышенный риск вспышек инфекционных болезней из-за перебоев в программах вакцинации, переполненности государственных приютов и поврежденных систем водоснабжения и канализации. См., напр.: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 34, 10–23 сент. 2013 г.: <<http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria%20Humanitarian%20Bulletin%20No%2034.pdf>> (на англ. яз.); Всемирная организация здравоохранения: Сирийская Арабская Республика, Иордания, Ливан, Ирак — оперативная сводка, вып. 15, 5–20 июня 2013 г.: <http://www.who.int/hac/crises/syr/sitreps/syria_regional_sitrep_5_20jun2013.pdf> (на англ. яз.). В марте 2013 г. МККК сообщил, что ежедневно десятки сирийцев умирают из-за ограниченного доступа к медицинской помощи и дефицита основных предметов медицинского назначения; МККК: Сирия: своевременный доступ к услугам здравоохранения как вопрос жизни и смерти, 1 марта 2013 г.: <<http://www.icrc.org/eng/resources/documents/update/2013/03-01-syria-health-care.htm>> (на англ. яз.). Подробно о «насилии против здравоохранения» см. также: Совет по правам человека ООН: Посвяительство на медицинскую помощь в Сирии, 13 сент. 2013 г., док. ООН А/HRC/24/CRP.2: <<http://www.refworld.org/docid/523c24704.html>> (на англ. яз.).

¹² С начала 2012 учебного года почти два миллиона сирийских детей в возрасте от 6 до 15 лет (почти 40 % учеников 1–9-го классов), по сообщениям, бросили школу. В целом почти каждая пятая из 22 тыс. сирийских школ либо разрушена, либо используется как приют для внутренне перемещенных лиц. По данным Министерства образования, по состоянию на июль 2013 г., 931 школа использовалась в качестве коллективных приютов, а 3004 школы повреждены или разрушены; см., напр.: ЮНИСЕФ: Сирийский кризис: двухнедельный отчет о гуманитарной ситуации, 25 июля — 8 авг. 2013 г., с. 2: <[http://www.unicef.org/mena/MENA-UNICEF_Syria-SitRep_\(Syria_Jordan_Lebanon_Iraq_Turkey\)_-_8_AUG_2013\(2\).pdf](http://www.unicef.org/mena/MENA-UNICEF_Syria-SitRep_(Syria_Jordan_Lebanon_Iraq_Turkey)_-_8_AUG_2013(2).pdf)> (на англ. яз.). По данным организации «Спасем детей», более 70 % актов насилия в мире, которые в 2012 г. повлияли на образование детей, имело место в Сирии; см.: Рейтер: Война в Сирии угрожает образованию 2,5 млн детей — агентство по оказанию помощи, 11 июля 2013 г.: <<http://www.reuters.com/article/2013/07/11/us-syria-crisis-children-idUSBRE96A14G20130711>> (на англ. яз.).

¹³ Это, в частности, основные бытовые товары, такие как гигиенические наборы, оборудование для приготовления пищи, постельное белье, одежда, предметы санитарии и гигиены и другие основные товары, включая предметы, необходимые для подготовки к зиме. Оценка потребностей в непродовольственных товарах приведена в Пересмотренном плане ответных мер по предоставлению гуманитарной помощи в Сирии, янв.—дек. 2013 г., подготовленном при координации между Правительством Сирии, Системой ООН и другими гуманитарными организациями, работающими в Сирии: <http://syria.humanitarianresponse.info/system/files/documents/files/Revised_Syria_Humanitarian_Assistance_Response_Plan_Jan-Dec_2013_en.pdf> (на англ. яз.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ О соблюдении норм международного гуманитарного права см.: Совет по правам человека ООН: Доклад независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике», 16 авг. 2013 г.: док. ООН А/HRC/24/46: <<http://www.refworld.org/docid/52302c5c4.html>>, гл. IV «Нарушения, касающиеся ведения боевых действий». См. также: многочисленные ссылки на ограничения в доступе в публикации Управления ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 33, 27 авг. — 9 сент. 2013 г.: <<http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria%20Humanitarian%20Bulletin%20Issue%20No%2033%20%281%29.pdf>> (на англ. яз.).

¹⁶ См.: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 34, 10–23 сент. 2013 г.: <<http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria%20Humanitarian%20Bulletin%20No%2034.pdf>> (на англ. яз.).

¹⁷ По словам Питера Харлинга из Международной группы по предотвращению кризисов, импульс «всегда достаточно смещается для того, чтобы обе стороны могли убедить себя в том, что победа в конце концов возможна. На практике же обе стороны "застряли" и мало чего могут добиться военными методами»; Ассошиэйтед Пресс: Сирийские повстанцы, связанные с «Аль-Каидой», напали на христианскую деревню, 5 сент. 2013 г.: <<http://www.breitbart.com/Big-Peace/2013/09/04/Syria-rebels-attack-regime-held-Christian-village>> (на англ. яз.). См. также следующий анализ: «Поскольку преимущества двух сторон сейчас более или менее уравновешены, то борьба увязла и привела к предсказуемому (и предсказанному) тупику» (Поллак, К. М. В поисках выхода из тупики: военная динамика сирийской гражданской войны и варианты ограниченного вмешательства США / Сабанский центр Брукингского института // Ближневосточные записки. № 30. Авг. 2013 г.: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2013/08/09%20military%20syria%20civil%20war%20us%20intervention%20pollack/08_pollack_syria.pdf> (на англ. яз.). См. также: Гардиан: Сирия в руинах: гражданское население страдает, а выход из тупики по-прежнему не найден. Простые люди надеются только на то, что конфликт закончится, поскольку правительственные войска обстреливают жилые кварталы, а влияние демократических сил на повстанцев незначительно, 19 февр. 2013 г.: <<http://www.theguardian.com/world/2013/feb/19/syria-civilians-military-stalemate>> (на англ. яз.).

¹⁸ См., напр.: Совет по правам человека ООН: доклад независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, 16 авг. 2013 г.: док. ООН А/НRC/24/46, пп. 171–186: <<http://www.refworld.org/docid/52302c54.html>> (на англ. яз.); Лос-Анджелес Таймс: Из-за осады районов сирийской столицы и пригородов снабжение продовольствием и медикаментами уменьшается, 25 авг. 2013 г.: <<http://www.latimes.com/world/middleeast/la-fg-syria-siege-20130826,0,262231.story>> (на англ. яз.).

¹⁹ См., напр.: Совет по правам человека ООН: доклад независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, 16 авг. 2013 г.: док. ООН А/НRC/24/46, пп. 187–190. Нью-Йорк Таймс: Сжигание кольца осады сирийскими повстанцами вызывает гнев, 10 июля 2013 г.: <http://www.nytimes.com/2013/07/11/world/middleeast/tightening-siege-by-syrian-rebels-stirs-anger.html?_r=0> (на англ. яз.).

²⁰ См., напр. анализ, приведенный в следующем докладе: Институт изучения войн: Джозеф Холлидей: доклад о безопасности на Ближнем Востоке № 8: Режим Асада. От борьбы с повстанцами к гражданской войне, март 2013 г.: <<http://www.understandingwar.org/sites/default/files/TheAssadRegime-web.pdf>> (на англ. яз.).

²¹ См., напр.: *The Long War Journal*: Исламисты преобладают в сирийском повстанческом движении, 16 сент. 2013 г.: <http://www.longwarjournal.org/threat-matrix/archives/2013/09/the_growing_role_jihadists_in.php> (на англ. яз.); *The Telegraph*: Сирия: почти половина повстанцев — джихадисты или радикальные исламисты, отмечается в отчете *HISJane's*, 15 сент. 2013 г.: <<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/10311007/Syria-nearly-half-rebel-fighters-are-jihadists-or-hardline-Islamists-says-IHS-Janes-report.html>> (на англ. яз.).

²² По словам Дэвида Шедда, заместителя директора Разведывательного управления Министерства обороны США, в Сирии выявлено, как минимум, 1200 повстанческих группировок; Элиз Лэботт, *CNN*: Официально: группировки, связанные с «Аль-Каидой», набирают силу в Сирии, 21 июля 2013 г.: <<http://security.blogs.cnn.com/2013/07/21/official-al-qaeda-affiliated-groups-gaining-strength-in-syria/>> (на англ. яз.). См. также: Нью-Йорк Таймс: Внутренние распри среди сирийских повстанцев подрывают усилия, направленные против Асада, 12 июля 2013 г.: <<http://www.nytimes.com/2013/07/13/world/middleeast/syrian-rebel-infighting-undermines-anti-assad-effort.html?pagewanted=all>> (на англ. яз.).

²³ См., напр.: *Wall Street Journal*: Насилие между повстанцами охватывает Сирию, 18 сент. 2013 г.: <<http://online.wsj.com/article/SB10001422127887324807704579082924138453120.html>> (на англ. яз.); Oxford Analytica: Множащиеся в Сирии конфликты затягивают выход из тупики, 7 авг. 2013 г.: <<https://www.oxan.com/display.aspx?ItemID=DB185075>> (на англ. яз.).

²⁴ См., напр.: *The Economist*: Сирийская политическая оппозиция. Смятение. Оппозиция, как всегда, разделена, 1 июня 2013 г.: <<http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21578721-opposition-divided-ever-disarray>> (на англ. яз.).

²⁵ О причастности «Хезболлы» к событиям в Сирии см., напр.: *Foreign Affairs*: Мона Якубян, Авантюра «Хезболлы» в Сирии. Опасный расчет лежит за решением группировки поддержать Асада, 2 июня 2013 г.: <<http://www.foreignaffairs.com/articles/136626/mona-yacoubian/hezbollahs-gamble-in-syria>> (на англ. яз.). Об участии курдов из Ирака и Турции см., напр.: Нью-Йорк Таймс: Борьба курдов расстраивает боевой порядок в Сирии, 1 авг. 2013 г.: <<http://www.nytimes.com/2013/08/02/world/middleeast/syria.html?pagewanted=all>> (на англ. яз.). Об участии в сирийских событиях иностранных исламистских и салафитских боевиков см., напр.: Нью-Йорк Таймс: Иностранные боевики наводняют Сирию, вызывая опасения в отношении нового прибежища экстремистов, 8 авг. 2013 г.: <<http://www.nytimes.com/2013/08/09/world/middleeast/as-foreign-fighters-flood-syria-fears-of-a-new-extremist-haven.html?pagewanted=all>> (на англ. яз.). Кроме того, ряд государств, по сообщениям, тем или иным образом задействован в сирийском конфликте, преимущественно в форме поставок оружия, финансовых средств и др.

²⁶ Как сообщила Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, конфликт все более приобретает межрелигиозный характер; см. доклады Комиссии: <<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/IIICISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx>> (на англ. яз.). См. также: *Foreign Affairs*: Самое ли отвратительное это зверство, увиденное в сирийской гражданской войне?, 13 мая 2013 г.: <<http://www.hrw.org/news/2013/05/13/most-disgusting-atrocity-filmed-syrian-civil-war>> (на англ. яз.). Например, некоторые из фактов насилия, совершенных, по имеющимся сведениям, вооруженными оппозиционными группами в отношении гражданских лиц-алавитов в Латакии в августе 2013 г., «имели явные межрелигиозные мотивы», как отмечает организация «ХьюманРайтсВотч»; ХьюманРайтсВотч: Вы все равно видите их кровь. Казни, массовые расстрелы и взятие заложников оппозиционными силами в Латакии, 11 окт. 2013 г., с. 2: <<http://www.refworld.org/docid/5257b1e04.html>> (на англ. яз.).

²⁷ В начале 2011 г. курды, крупнейшее этническое меньшинство Сирии, по-разному реагировали на восстание против сирийского правительства. Много курдской молодежи с самого начала присоединилось к протестам, однако большинство курдских партий решило оставаться в стороне. Начиная с середины 2012 г., сирийские правительственные силы оставили многие районы, населенные курдами, в результате чего курды, в основном партия «Демократический союз» и вооруженные «отряды народной самообороны», стали контролировать большинство курдских городов и поселков в провинциях Алеппо и Хасеке. Это привело к самоуправлению курдов на севере и северо-востоке Сирии и восстановлению их культурных прав, которые долгое время подавлялись. По состоянию на 2013 г., наблюдается активизация трений между «отрядами национальной самообороны» и антиправительственными группами, включая связанные с «Аль-Каидой», в этнически смешанных районах, в результате чего имеет место массо-

вый исход, главным образом курдов, в Курдский район Ирака. Есть сообщения о взаимных похищениях и боевиков, и гражданских лиц; см., напр.: Совет по правам человека ООН, доклад независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, 16 авг. 2013 г.: док. ООН А/НRC/24/46, п. 62: <<http://www.refworld.org/docid/52302c5c4.html>>; *Foreign Policy*: Гражданская война внутри сирийской гражданской войны, 28 авг. 2013 г.: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/08/28/the_civil_war_within_syria_s_civil_war_kurdish_fighters> (на англ. яз.); Нью-Йорк Таймс, 1 авг. 2013 г.: <http://www.nytimes.com/2013/08/02/world/middleeast/syria.html?pagewanted=all&_r=0> (на англ. яз.). См. также: Международная группа по предотвращению кризисов: Борьба в борьбе: доклад о положении на Ближнем Востоке № 136, 22 янв. 2013 г.: <<http://www.crisisgroup.org/~media/Files/Middle%20East%20North%20Africa/Iraq%20Syria%20Lebanon/Syria/136-syrias-kurds-a-struggle-within-a-struggle>> (на англ. яз.).

²⁸ См.: доклад о предполагаемом применении химического оружия в Гуте, пригороде Дамаска, 21 авг. 2013 г. Комментарий Генерального секретаря ООН, 16 сент. 2013 г.: <<http://www.refworld.org/docid/523993b54.html>> (на англ. яз.).

²⁹ См.: Центр новостей ООН: Сирия: глава независимой комиссии ООН призывает государства — члены ООН положить конец продолжающейся резне, 29 июля 2013 г.: <<http://www.refworld.org/docid/51f7786559.html>> (на англ. яз.).

³⁰ См., напр.: Совет ООН по правам человека: доклад независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, 16 авг. 2013 г.: док. ООН А/НRC/24/46, с. 1 резюме и далее по тексту доклада: <<http://www.refworld.org/docid/52302c5c4.html>>; см. также: Хьюман Райтс Вотч: Вы все равно видите их кровь. Казни, массовые расстрелы и взятие заложников оппозиционными силами в Латакии, 11 окт. 2013 г., с. 6, 62: <<http://www.refworld.org/docid/5257b1e04.html>> (на англ. яз.).

³¹ См.: доклады независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике: <<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/PCISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx>> (на англ. яз.).

³² См.: Центр новостей ООН: Большинство сирийцев погибает при нападениях с применением обычных видов оружия, заявляет комиссия ООН по правам человека, 16 сент. 2013 г.: <<http://www.refworld.org/docid/523821674.html>> (на англ. яз.).

³³ Значительное число детей были убиты и тяжело ранены в ходе артиллерийских обстрелов и боевых действий и еще тысячи своими глазами видели, как гибли и получали ранения их родные, или же пережили ракетные удары, интенсивные воздушные бомбардировки и тяжелые артиллерийские обстрелы их домов, школ и больниц правительственными войсками, что привело к тяжелейшим психологическим травмам. В отчетный период сильно участилось применение вооруженными оппозиционными группами террористических методов, включая взрывы машин, начиненных взрывчаткой, и применение других взрывных устройств в гражданских районах, в том числе недалеко от школ, и резко увеличилось число детей, связанных с такими вооруженными группами: Генеральная Ассамблея ООН: Дети и вооруженные конфликты: доклад Генерального секретаря, 15 мая 2013 г.: док. ООН А/67/845—S/2013/245, п. 150: <<http://www.refworld.org/docid/51b9864e4.html>> (на англ. яз.).

³⁴ Подробную информацию см.: <<http://www.childrenofsyria.info>> (на англ. яз.).

³⁵ См.: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 34, 10—23 сент. 2013 г.: <<http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria%20Humanitarian%20Bulletin%20No%2034.pdf>> (на англ. яз.).

³⁶ См.: УВКБ ООН и ЮНИСЕФ: совместный пресс-релиз «Миллион детей-беженцев — позорная вежа в сирийском кризисе», 23 авг. 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/521628cf9.html>> (на англ. яз.).

³⁷ Дети составляют около половины нуждающегося населения Сирии и по-прежнему ощущают основную тяжесть конфликта. По данным УВКПЧ ООН, как минимум, 6500 из 93 тыс. погибших за период с марта 2011 г. по апрель 2013 г. — несовершеннолетние, в том числе 1700 — младше 10 лет. Детей ранят, содержат под стражей, пытают, казнят и принуждают свидетельствовать или совершать злодеяния. Многих вербуют как вооруженных боевиков; по данным Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, с марта 2011 г. в военных действиях погибли 86 детей-боевиков. См.: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов: Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень, вып. 30, 16—29 июля 2013 г.: <http://syria.humanitarianresponse.info/system/files/documents/files/Syria_Humanitarian_Bulletin_Issue_No_30_130729_en.pdf> (на англ. яз.).

³⁸ См.: УВКБ ООН и ЮНИСЕФ: совместный пресс-релиз «Миллион детей-беженцев — позорная вежа в сирийском кризисе», 23 авг. 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/521628cf9.html>> (на англ. яз.).

³⁹ См., напр.: Совет по правам человека ООН: доклад независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, 16 авг. 2013 г.: док. ООН А/НRC/24/46, пп. 103, 108, 110: <<http://www.refworld.org/docid/52302c5c4.html>>. См. также: *Washington Post*: Растущие бреши в рядах сирийских повстанцев начинают заполнять подростки, 25 авг. 2013 г.: <http://www.washingtonpost.com/world/middle_east/as-syrian-rebels-losses-mount-teenagers-begin-filling-ranks/2013/08/24/2bdbdfea-0a8f-11e3-9941-6711ed662e71_story.html?hpid=hp_rss_homepage&tid=pp_widget> (на англ. яз.); Генеральная Ассамблея ООН: Дети и вооруженные конфликты: доклад Генерального секретаря, 15 мая 2013 г.: док. ООН А/67/845—S/2013/245: <<http://www.refworld.org/docid/51b9864e4.html>> (на англ. яз.).

⁴⁰ См., напр.: Совет по правам человека ООН: доклад независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, 16 авг. 2013 г.: док. ООН А/НRC/24/46, п. 95: <<http://www.refworld.org/docid/52302c5c4.html>> (на англ. яз.).

⁴¹ См.: доклады Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике: <<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/PCISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx>> (на англ. яз.).

⁴² По имеющимся данным, в Сирии перемещено около 235 тыс. палестинских беженцев: свыше 200 тыс. в Дамаске, около 6000 в Алеппо, 4500 в Латакии, 3050 в Хаме, 6450 в Хомсе, 13 100 в Дерья. 9105 палестинских беженцев из Сирии зарегистрировались в БАПОР для получения помощи в Иордании, а 45 тыс. — в Ливане. БАПОР отслеживает сообщения о 6000 палестинских беженцах из Сирии в Египте, 1100 — в Ливии, 1000 — в Газе; по сообщениям УВКБ ООН, до 1000 палестинских беженцев выехало в Малайзию, Таиланд и Индонезию; см.: БАПОР: информационный бюллетень о мерах реагирования на кризис в Сирии № 60, 30 сент. 2013 г., с. 1: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syriacrisis_situationupdate%28issue%20no%2060%29.pdf> (на англ. яз.).

⁴³ См.: Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ: Информационный бюллетень о ситуации в Сирии № 55: еженедельный доклад о кризисе в Сирии, 22 июля 2013 г.: <<http://www.unrwa.org/etemplate.php?id=1832>> (на англ. яз.).

- ⁴⁴ См.: Объединенная региональная информационная сеть: Сирия: палестинцев втягивают в конфликт, 14 авг. 2012 г.: <<http://www.refworld.org/docid/5031ae66c.html>> (на англ. яз.).
- ⁴⁵ Подробные данные, в том числе количество беженцев и лиц, ищущих убежища, из третьих стран, имеются в распоряжении УВКБ ООН. О положении иракских беженцев в Сирии см. также: *The Washington Post*: Иракские беженцы в Сирии ощущают на себе новые повороты в войне, 10 апр. 2013 г.: <http://articles.washingtonpost.com/2013-04-10/world/38415037_1_syria-refugees-damascus> (на англ. яз.).
- ⁴⁶ Статистика имеется в распоряжении УВКБ ООН.
- ⁴⁷ См., напр.: Ассошиэйтед Пресс: В Ираке зафиксировано максимальное месячное количество жертв за 5 лет, 1 авг. 2013 г.: <<http://bigstory.ap.org/article/un-says-over-1000-people-killed-iraq-july>> (на англ. яз.).
- ⁴⁸ См., напр.: *The Washington Post*: Иракские беженцы в Сирии ощущают на себе новые повороты в войне, 10 апр. 2013 г.: <http://articles.washingtonpost.com/2013-04-10/world/38415037_1_syria-refugees-damascus> (на англ. яз.).
- ⁴⁹ См.: УВКБ ООН: *Дело М.М. (Иран) против Государственного секретаря Министерства внутренних дел (ММ (Iran) v. Secretary of State for the Home Department)*, письменное заявление от имени УВКБ ООН, 3 авг. 2010 г.: док. ООН C5/2009/2479: <<http://www.refworld.org/docid/4c6ba7db2.html>> (на англ. яз.).
- ⁵⁰ См.: УВКБ ООН: Руководители УВКБ ООН и ВПП посетили Ирак, где выразили благодарность за размещение тысяч сирийских беженцев, 27 авг. 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/521cd48a9.html>> (на англ. яз.); УВКБ ООН: Руководитель УВКБ ООН призывает государства обеспечить свободный доступ людям, бегущим из Сирии, 16 июля 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/51e55cf96.html>> (на англ. яз.).
- ⁵¹ См.: УВКБ ООН: Заявление Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев по делу *Хирси и другие против Италли (Hirsi and Others v. Italy)*, 29 марта 2011 г., заявление № 27765/09: <<http://www.refworld.org/docid/4d92d2c22.html>> (на англ. яз.).
- ⁵² См.: УВКБ ООН: Руководители УВКБ ООН и ВПП посетили Ирак, где выразили благодарность за размещение тысяч сирийских беженцев, 27 авг. 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/521cd48a9.html>> (на англ. яз.); УВКБ ООН: Руководитель УВКБ ООН призывает государства обеспечить свободный доступ людям, бегущим из Сирии, 16 июля 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/51e55cf96.html>> (на англ. яз.).
- ⁵³ Отметим, что УВКБ ООН использует термин «военные» в более широком смысле, чем в международном гуманитарном праве, и употребляет его в отношении «любого военнослужащего, как мужского, так и женского пола, регулярных вооруженных сил или нерегулярной вооруженной группы, а также лиц, принимавших активное участие в военных и боевых действиях или выполнявших задания по вербовке или подготовке военного персонала либо занимавших командные или распорядительные должности в какой-либо вооруженной организации, регулярной или нерегулярной, и оказавшихся в принимающем государстве». См.: УВКБ ООН: Практические рекомендации по поддержанию гражданского и гуманитарного характера убежища, сент. 2006 г., с. 17: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/452b9bca2.html>> (на англ. яз.).
- ⁵⁴ Термин «вооруженные элементы» относится ко все лицам, имеющим при себе оружие, которые могут быть как военными, так и гражданскими. Он охватывает гражданских лиц, которые могут носить оружие в целях самозащиты или по причинам, связанным с военной деятельностью. В то время как все вооруженные элементы должны быть разоружены при пересечении границы с принимающим государством, только военные должны быть отделены и интернированы. См.: УВКБ ООН: Практические рекомендации по поддержанию гражданского и гуманитарного характера убежища, сент. 2006 г., с. 17: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/452b9bca2.html>> (на англ. яз.).
- ⁵⁵ Включая международное право в области прав человека и международное гуманитарное право. Как правило, дети, связанные с вооруженными силами или группами, не должны быть интернированы, однако могут быть исключения для детей в возрасте 15 лет и старше по причинам, связанным с конфликтом. В таких случаях детям должны быть обеспечены особые гарантии, предусмотренные в международном гуманитарном праве и международном праве в области прав человека. См.: УВКБ ООН: Практические рекомендации по поддержанию гражданского и гуманитарного характера убежища, сент. 2006 г., с. 17: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/452b9bca2.html>> (на англ. яз.).
- ⁵⁶ Хотя определенные лица непосредственно преследуются или иным образом подвергаются опасности, потому что известны их политические убеждения или принадлежность, стороны конфликта, по сообщениям, широко толкуют вопрос о том, кого именно они могут считать связанными с противоположной стороной, в том числе на основании семейных связей данного лица, его вероисповедания или этнического происхождения либо просто факта присутствия в районе, который считается «проправительственным» или «антиправительственным». Это иллюстрируют методы и тактика ведения боевых действий, отмечаемые в Сирии, которые включают, в частности, систематическую осаду, бомбардировку, налеты, мародерство и разрушение жилищ и другой гражданской инфраструктуры в целых районах, предположительно по причине реальной или приписываемой поддержки, которую жертвы этих методов оказывают противоположной стороне конфликта. Эти действия, которые некоторые источники называют формами коллективного наказания, наряду с постоянными и достоверными сообщениями о других нарушениях прав человека и посягательствах на них со стороны всех сторон конфликта, направленных против гражданского населения, указывают на то, что сирийские гражданские лица, вероятно, покинули Сирию из-за вполне обоснованных опасений, вызванных реальными или приписываемыми им политическими убеждениями. Кроме того, этнические и религиозные меньшинства в Сирии, как сообщается, все в большей степени втягиваются в конфликт, который приобретает все более межрелигиозный характер. Члены сообществ меньшинств могут иметь вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований по признаку политических убеждений (приписываемых) и (или) расы, гражданства или вероисповедания. Принадлежность к определенной социальной группе тоже может быть актуальной как признак по Конвенции, в зависимости от обстоятельств конкретного дела. О нападениях на целые районы и (или) примерах коллективного наказания в отношении гражданских лиц см., напр., следующие заявления: «Правительственные силы и поддерживающее их ополчение, по сообщениям, осуществляли акты коллективного наказания в отношении гражданского населения, которое они считают сочувствующим оппозиции» (и ссылки на «тенденцию жестоких актов коллективного наказания») в следующем документе: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека: Экстренные дебаты о ситуации с соблюдением прав человека в Сирии. Вступительное слово Верховного комиссара ООН по правам человека Нави Пиллай, Женева, 29 мая 2013 г.: <<http://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=13372&LangID=E>> (на англ. яз.). Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике также упоминает «коллективное наказание» и заявляет, что «правительственные силы продолжают применять лишение свободы как орудие войны, коллективно наказывая жителей населенных пунктов, которые, как они считают, поддерживают вооруженную оппозицию»; см., напр.: пп. 64 и 69 июньского доклада: доклад Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике: док. ООН A/HRC/23/58, 4 июня 2013 г.: <<http://www.refworld.org/docid/51aee9484.html>> (на англ. яз.).

⁵⁷ Региональные критерии соответствия понятию «беженец» см. в следующих документах: Организация африканского единства, Конвенция по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке («Конвенция ОАЕ») от 10 сент. 1969 г.: Сборник международных договоров ООН, т. 1001, с. 45: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3aeb36018.html>> (на англ. яз.); Картаженская декларация о беженцах: Коллоквиум по международной защите беженцев в Центральной Америке, Мексике и Панаме, 22 нояб. 1984 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3aeb336ec.html>> (на англ. яз.); Азиатско-африканская юридическая консультативная организация: Бангкокские принципы в отношении статуса беженцев и обращения с ними («Бангкокские принципы»), 31 дек. 1966 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3de5f2d52.html>> (на англ. яз.).

⁵⁸ По вопросу дополнительной защиты см.: Совет Европейского союза: директива Совета ЕС 2004/83/ЕС от 29 апр. 2004 г. «О минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в иной форме международной защиты, и содержании предоставляемой защиты»: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/4157e75e4.html>> (на англ. яз.).

⁵⁹ Напр.: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 дек. 1984 г. [принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 39/46 от 10 дек. 1984 г., вступила в силу 26 июня 1987 г., согласно ст. 27(1)]: <<http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CAT.aspx>> (на англ. яз.); Международный пакт о гражданских и политических правах [принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи 2200A (XXI) от 16 дек. 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г., согласно ст. 49]: <<http://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx>> (на англ. яз.); Европейская конвенция о правах человека [Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Рим, 04.11.1950 г.]: <http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf> (на англ. яз.).

⁶⁰ См. соответствующие замечания в отношении влияния последствий преследований в прошлом в п. 26 следующего документа: УВКБ ООН: Руководящие принципы международной защиты № 4: альтернатива бегства/перемещения внутри страны в контексте п. 2 разд. А ст. 1 Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и (или) Протокола 1967 г. к ней: док. ООН HCR/GIP/03/04, 23 июля 2003 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f2791a44.html>> (на англ. яз.).

⁶¹ Члены групп религиозных меньшинств, по сообщениям, подвергаются угрозам и запугиванию, похищениям, пыткам и массовым казням от рук вооруженных оппозиционных групп по причине приписываемой им поддержки сирийского правительства или связи с ним, с его вооруженными силами и соответствующим ополчением. На данный момент нападения на членов религиозных меньшинств, как представляется, в значительной мере мотивированы политическими соображениями, хотя религиозная принадлежность жертвы может быть единственным критерием, по которому делается заключение о приписываемых ей политических убеждениях. Кроме того, появляется все больше сообщений о том, что представителей религиозных меньшинств преследуют из-за их принадлежности к этим меньшинствам; см., напр.: Международная амнистия: Сирия: суммарные казни и другие злоупотребления со стороны вооруженных оппозиционных групп, 14 марта 2013 г.: док. MDE 24/008/2013, с. 3: <<http://www.refworld.org/docid/514304f42.html>> (на англ. яз.). Сунниты, по сообщениям, подвергаются арестам, заключению без права переписки и общения, пыткам и другим формам жестокого обращения, а также внесудебным и суммарным казням со стороны правительственных сил и их ополчения за приписываемую им принадлежность к суннитским исламистским или салафитским партиям либо вооруженным группировкам, таким как «Братья-мусульмане», «Аль-Каида» и др. В некоторых случаях суннитов в религиозно смешанных районах, как сообщается, намеренно преследуют из-за их религиозной идентичности; см., напр.: Государственный департамент США, Бюро по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений: Международный доклад о свободе совести. Сирия, 2012 г., 20 мая 2013 г., с. 6: <<http://www.state.gov/documents/organization/208624.pdf>> (на англ. яз.).

⁶² См.: УВКБ ООН: Руководящие принципы международной защиты № 5: применение положений об исключении: статья 1F Конвенции 1951 г. о статусе беженцев, док. ООН HCR/GIP/03/05, 4 сент. 2003 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f5857684.html>> (на англ. яз.).

⁶³ Разные стороны конфликта, по сообщениям, причастны к нарушениям прав человека и серьезным нарушениям международного гуманитарного права. См., в частности: доклады Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике: <<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/ICISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx>> (на англ. яз.).

⁶⁴ См., напр.: годовые доклады о Сирии организации «Международная амнистия» за 2011 г. и предыдущие годы: <<http://www.amnesty.org>> и сообщения о Сирии, содержащиеся во Всемирном докладе организации «Хьюман Райтс Вотч» за 2011 г. и предыдущие годы: <<http://www.hrw.org/node/79288>> (на англ. яз.).

⁶⁵ См.: УВКБ ООН: УВКБ ООН и соседи Сирии объявили о совместном стремлении к расширению международной поддержки стран, принимающих большие количества беженцев, пресс-релиз, 4 сент. 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/522747799.html>> (на англ. яз.).

⁶⁶ См., напр.: УВКБ ООН: Агентство ООН по делам беженцев приветствует решение Бразилии о выдаче гуманитарных виз сирийцам, 27 сент. 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/524555689.html>>. См. также: Федеральный совет: Ослабление визовых требований для родственников граждан Сирии, живущих в Швейцарии, пресс-релиз, 4 сент. 2013 г.: <https://www.bfm.admin.ch/content/bfm/en/home/dokumentation/medienmitteilungen/2013/ref_2013-09-041.html> (на англ. яз.).

⁶⁷ УВКБ ООН предложило к концу 2014 г. представить до 30 тыс. сирийских беженцев для переселения или допуска по гуманитарным причинам. Государствам предлагается предоставить места для этих беженцев в дополнение к существующим квотам на перемещение, обеспечив таким образом, чтобы оставались возможности для переселения беженцев из остальных стран мира. На данный момент в работе по переселению и допуску по гуманитарным причинам лиц, покидающих Сирию, принимают участие 16 стран. Странами, на момент подготовки данного документа принявшими на себя конкретные обязательства, общий объем которых составляет около 10 тыс. мест, являются Австралия, Австрия, Канада, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Ирландия, Люксембург, Молдова, Нидерланды, Норвегия, Испания, Швеция и Швейцария. Кроме того, участие принимают США, но они еще не указали конкретные цифры. Подробнее см.: документ УВКБ ООН: Поиск решений для сирийских беженцев: переселение, допуск по гуманитарным причинам и воссоединение семей, 18 окт. 2013 г.: <<http://www.unhcr.org/5249282c6.html>> (на англ. яз.).

МИГРАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Владимир Загорец, Ирина Загорец

В настоящее сегодня как никогда актуальной становится задача выработки практических рекомендаций по управлению процессами внешней миграции на государственном уровне. К сожалению, в последние годы внешняя миграция человеческих ресурсов Беларуси носит во многом стихийный, хаотичный, неуправляемый характер. В различных нормативных правовых документах в этой сфере в основном констатируется якобы имеющаяся миграционная привлекательность Беларуси, положительное сальдо миграционного обмена между Республикой Беларусь и другими странами. В ряде статей [2–4] нами была показана ошибочность этого вывода и отмечено, что число выезжающих из нашей страны на протяжении продолжительного времени превышает количество приезжающих или иммигрантов.

Но главная проблема миграционной политики Беларуси даже не в искаженном представлении о реальном сальдо внешней миграции, а в отсутствии ответов на ряд принципиальных вопросов. В таких документах, как Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы [8], Закон о внешней трудовой миграции [9] и ряде других декларируется необходимость привлечения внешних мигрантов в страну и в общих чертах прописывается процедура этого привлечения. Так, в программе демографической безопасности определены три приоритетных категории внешних мигрантов: бывшие соотечественники, иностранные специалисты определенной квалификации и иностранные студенты и аспиранты, окончившие учреждения образования на территории Республики Беларусь. При этом механизм привлечения в страну данных категорий человеческих ресурсов в программе не проработан. Расселять мигрантов почему-то предлагается в основном в сельской местности, имеющей, по мнению авторов программы, дефицит трудовых ресурсов [8]. Последнее положение более чем спорно, учитывая количество занятых в сельском хозяйстве Белару-

си в сравнении с другими странами с высоко-развитым сельским хозяйством. Согласно данным Всемирного банка, в 2007–2009 гг. доля занятых в сельском хозяйстве от общего числа занятых в стране составляла: в Нидерландах — 2,5 %, во Франции — 2,9, в Чехии — 3,1, в Венгрии — 4,6 % [19, р. 142–145]. В Беларуси в 2012 г. в сельском хозяйстве (вместе с охотой и лесным хозяйством) было занято 11 % от общего числа занятых в экономике [13, с. 116]. Между тем, действительный дефицит трудовых ресурсов отмечается в других отраслях реального сектора экономики. Опрос руководителей 1994 предприятий Республики Беларусь, проведенный Национальным банком по итогам работы в 2012 г., показал, что 21,9 % респондентов испытывали недостаток в кадрах [7, с. 6]. При этом 25,9 % опрошенных назвали недостаток кадров одним из основных факторов, ограничивающих рост производства на предприятиях (в декабре 2011 г. таких было 18,0 %) [7, с. 32]. Особенно остро проблема нехватки кадров ощущалась в строительстве — ее отмечали 29,2 % респондентов [7, с. 10].

Таким образом, с дефицитом кадров уже сегодня сталкивается часть предприятий страны. Но, несмотря на это, нигде и никем не определены существующие и перспективные потребности в кадрах в отраслевом и профессиональном разрезе, а также в масштабах регионов и страны в целом. Не просчитаны варианты удовлетворения этих потребностей за счет более эффективного использования собственных сокращающихся трудовых ресурсов.

Кроме того, как в государственных документах, так и в научных работах по проблемам миграции отсутствует анализ стран и регионов, способных поставить внешних мигрантов требуемого качества для удовлетворения потребностей экономики, анализа возможностей по их привлечению. В стране не создан аналитический центр, способный решить вышеперечисленные задачи. Не отработан механизм поиска, мотивации потенциальных мигрантов и их переселения.

Авторы:

Загорец Владимир Семёнович — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления региональным развитием факультета подготовки и переподготовки Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Загорец Ирина Викторовна — кандидат географических наук, доцент кафедры управления региональным развитием факультета подготовки и переподготовки Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Рецензенты:

Арсенов Василий Васильевич — кандидат технических наук, доцент кафедры управления региональным развитием факультета подготовки и переподготовки Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Монтик Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Основы бизнеса» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета

Более того, принципиально не решены даже основные вопросы: а нужны ли белорусской экономике эти мигранты? как их массовый въезд в страну отразится на ускорении (или замедлении) темпов экономического роста? с какими проблемами столкнется белорусское общество в случае реализации установки на существенное увеличение доли мигрантов?

Отсутствие четких ответов на эти вопросы и одновременно начало практической реализации курса на массовое привлечение человеческих ресурсов извне при еще более массовом оттоке собственных, наиболее активных, креативных, профессионально подготовленных и востребованных на мировом рынке труда человеческих ресурсов, на наш взгляд, чреваты серьезными негативными социально-экономическими последствиями.

Для ответов на существующие вопросы требуется не только провести анализ существующих тенденций в области международной миграции человеческих ресурсов в Республике Беларусь, но и разработать прогноз развития данного процесса в будущем. Для этого целесообразно применить метод аналогии или прогнозирования по образцу, при котором прогноз осуществляется на основе анализа данного процесса в аналогичной, но более развитой системе. Тенденции ее развития экстраполируются, т. е. переносятся на другую, менее развитую систему близкого уровня.

В качестве аналога нами было выбрано развитие миграционных процессов в Республике Польша, которая уже продолжительный период времени существует в условиях интеграции в Евросоюзе, что оказало существенное влияние на интенсификацию процессов внешней миграции ее человеческих ресурсов. В аналогичное интеграционное образование — Единое экономическое пространство (ЕЭП) вошла и Республика Беларусь. Польша, так же как и Беларусь, имеет существенно более низкий уровень экономического развития по сравнению с ведущими странами интеграционного союза. Поэтому ее опыт с большой степенью вероятности может быть перенесен на развитие процессов внешней миграции человеческих ресурсов нашей страны в рамках ЕЭП.

Анализ данных по внешней миграции Польши проведен нами в основном по справочнику *Rocznik Demograficzny* [18]. При этом необходимо учитывать сложность статистического учета внешней миграции и необходимость использования наряду с национальными и других источников информации из стран, принимающих мигрантов из данной страны (ниже такой анализ нами также был проведен).

В первую очередь, обращает на себя внимание то, что Польша имеет тесные миграционные связи со многими странами мира. На протяжении всего послевоенного периода поляки активно эмигрировали как по экономическим, так и по политическим причинам. Общие миграционные потери населения страны за период 1980—2012 гг., согласно данным справочника, составили 558,2 тыс. человек [18, s. 474]. Наибольший миграционный отток населения из Польши приходился на период 1981—1990 г. — период деятельности Солидарности по демонтажу социалистической системы. После 1990 г. объемы миграции несколько снизились и вновь возросли после присоединения страны к Шенгенскому соглашению в 2004 г. Причем, если иммиграция за период 1990—2008 гг. возросла в 5,8 раза, то официально учтенная эмиграция — только в 1,6 раза. Достигнув пика в 2008 г., учтенные объемы миграции постепенно снижаются, но миграционные потери страны продолжают оставаться. Только за последние пять лет (2008—2012 гг.) в результате внешней миграции, по данным польской статистики, страна потеряла около 70,5 тыс. жителей (рис. 1).

Подавляющее большинство — 70—75 % иммиграционных потоков и 80—85 % эмиграционных — замкнуто в границах Евросоюза [18, s. 472]. Особенно интенсивный миграционный оборот Польши наблюдается с двумя наиболее крупными и развитыми странами региона — Германией и Великобританией. На их долю приходится 40—50 % иммиграции и более 60 % эмиграции. На втором месте по объему миграционного оборота находятся страны Северной и Центральной Америки, в первую очередь США. Однако объемы эмиграции были максимальны в период до 2008 г., дости-

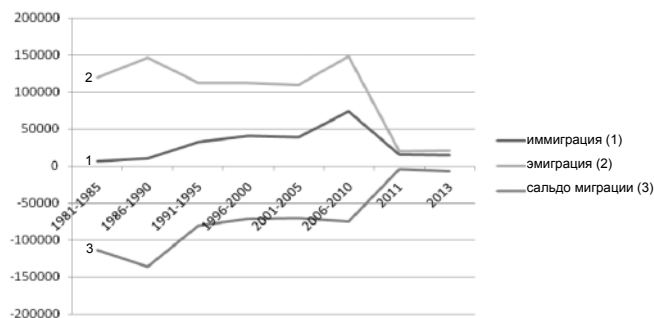

Рис. 1. Динамика иммиграции и эмиграции на постоянное место жительства

Источник: [18, s. 474].

гая 20 % в общем миграционном обороте, а затем упали в 2 раза. Отрицательное сальдо миграции отмечается и с Австралией, однако величина его невелика. Практически все приехавшие в 2009 г. на постоянное место жительства в страну иммигранты (90 %) — урожденные граждане Польши [18, s. 478]. Из всех приехавших из стран Евросоюза, Исландии, Норвегии, Канады и Австралии урожденными не поляками являлись лишь 267 человек, или 5 %.

Таким образом, миграционные связи с развитыми странами Европы, США и Австралией охватывали в основном польских граждан и представляли собой выезд из страны трудовых мигрантов и возвращение части из них обратно через определенный промежуток времени. Общий результат миграций в этом направлении — потеря трудового потенциала страны, демографические проблемы, напряженность на национальном рынке труда.

Нехватка собственных трудовых ресурсов инициирует их возмещение за счет миграции из экономически менее развитых стран. За рассматриваемый период более чем в 2 раза возросла миграция из развивающихся стран Азии, Африки, Южной Америки. После вступления в Евросоюз Польша становится все более привлекательной для мигрантов из развивающихся стран. В этом направлении наблюдается положительное сальдо миграции — около 20,5 тыс. человек

за последние пять лет. Из перечисленных регионов в страну также возвращаются урожденные граждане Польши, однако их доля невелика.

Небольшое положительное сальдо миграции (около 3 тыс. за последние пять лет) наблюдается и с европейскими странами, не входящими в Евросоюз. Наиболее высока доля неурожденных граждан Польши среди иммигрантов из Беларуси, Армении и Украины — 10—20 %.

Имея многомиллионную зарубежную диаспору, Польша проводила активную политику по репатриации поляков, однако доля ее невелика в общем потоке мигрантов, а объемы снижаются. Из общего количества 8 тыс. подавших прошение о репатриации за период 1997—2012 г., въехали в страну 6,6 тыс. человек. Попытка увеличить численность населения за счет легальной репатриации не удалась. Поляки предпочитают возвращаться в страну не по линии репатриации.

Крупнейшими поставщиками мигрантов в страну в 2012 г. были США, Великобритания, Германия, Ирландия, Украина и Италия (табл. 1). За рассматриваемый период более 200 граждан Беларуси также эмигрировали на постоянное место жительства в Польшу.

Одновременно, по данным польской статистики, более 21 тыс. поляков выехали на постоянное жительство в различные страны, в пер-

Таблица 1

**Международная иммиграция населения в Польшу
на постоянное место жительства по странам в 2012 г., чел.**

	Обоего пола	Мужчины	Женщины
Всего	14 583	8106	6477
Великобритания	4066	2319	1747
ФРГ	2488	1404	1084
США	1369	751	618
Ирландия	950	565	385
Украина	607	204	403
Италия	538	292	246
Беларусь	231	80	151

Источник: [18, s. 472].

Таблица 2

**Международная эмиграция населения Польши
на постоянное место жительства по странам в 2012 г., чел.**

	Обоего пола	Мужчины	Женщины
Всего	21 200	9951	11 249
Великобритания	4900	2507	2393
ФРГ	8399	3689	4710
США	1597	729	868
Ирландия	820	417	403
Нидерланды	982	500	482
Италия	521	161	360
Канада	562	280	282

Источник: [18, s. 472].

вую очередь, Германию и Великобританию (табл. 2).

Польское гражданство получают все большее количество иностранцев. С 2005 г. их число колеблется на уровне 3,5–3,7 тыс. человек в год [18, s. 491]. Предпочтение отдается выходцам из Украины и Беларуси, составляющим 40–45 % от общего числа таких мигрантов. Они этнически близки полякам, легко адаптируются и не вызывают психологического отторжения местного населения. В 2012 г. польское гражданство также получили 2,5 тыс. граждан Германии и 4,0 тыс. граждан Великобритании, однако большинство из них — бывшие польские граждане, вернувшиеся на Родину, или дети, рожденные в других странах и оформляющие польское гражданство.

Обращает на себя внимание тот факт, что если в целом в иммиграции преобладает мужское население, то среди мигрантов из Украины и Беларуси женщин в 2 раза больше, чем мужчин. Миграционная активность женщин из Польши, по официальным данным, также значительно превышает мужчин [18, s. 474]. Таким образом, внешняя миграция должна приводить к увеличению доли мужского населения в стране.

В миграции населения традиционно участвуют люди наиболее трудоспособного возраста. Они активно ищут своего места в жизни, им легче найти работу и адаптироваться в другой стране. Польша также имеет за счет миграции наиболее ощутимые потери населения именно в возрасте от 30 до 50 лет (рис. 2). Однако практически треть иммигрантов в страну составляют дети до 4 лет. Можно предположить, что это дети эмигрантов, родившиеся в других странах и привезенные родителями для регистрации и получения гражданства в Польше. Велика вероятность того, что они в дальнейшем выедут по месту жительства родителей и реально это не скажется на численности населения.

Наблюдается тенденция выезда за рубеж на постоянное место жительства одиноких граждан. Их доля в общем числе иммигрантов возросла с 27 % в 1981–1985 гг. до 47–48 % в 2011–2012 гг. [18, s. 474]. Соответственно, доля состоящих в браке сократилась с 58 до 29 %, т. е. в 2 раза.

Кроме тех, кто приехал в Польшу на постоянное место жительства, официальная статистика регистрирует и тех, кто получил разрешение на жительство или право временного пребывания в стране. Наблюдается быстрый рост числа таких людей, в первую очередь из Украины и Беларуси (рис. 3).

Польша, согласно принятым международным обязательствам, принимает на своей территории также и беженцев. Их общее количество возрастает и составляет 6–8 тыс. человек в год. Основную массу беженцев в Польше составляют выходцы из России и Грузии (около

90 % от общего числа). Численность белорусов, получивших данный статус в Польше, колеблется от 37 в 2009 г. до 81 в 2011 г. [18, s. 488].

Текущая статистика позволяет также проанализировать и численность иностранных граждан, получивших разрешение на работу в Польше. География стран, граждане которых получили такие разрешения, обширна и охватывает почти весь мир. Общее число временных трудовых мигрантов выросло за последние шесть лет в 3,7 раза и достигло 40 тыс. в год. Наиболее активно на временную работу приглашались граждане Украины, Китая, Вьетнама, Непала, Беларуси, Турции и Индии (рис. 4). При этом почти половину получивших такое разрешение на работу составляли украинцы.

Всего в 2011 г. в Польше насчитывалось более 27 тыс. иностранцев, проживавших в стране 12 месяцев и более [18, s. 507]. Почти пятая часть из них — украинцы (4,4 тыс.) и белорусы (1,0).

Польша также активно привлекает иностранных граждан для получения образования на территории страны. Общая численность иностранных студентов за последние 12 лет выросла в 4,4 раза и достигла в 2012/2013 учебном году 19 172 человек [18, s. 487]. Основная масса студентов приезжает из стран-соседей: Украины (9,7 тыс.), Беларуси (3,4 тыс.), Литвы, а также Испании, Норвегии, Швеции (по 1–1,5 тыс.).

Проанализированные выше данные текущего учета населения не всегда полно отражают реальный масштаб международной миграции. Особенно большое отклонение от реальных цифр наблюдается в учете выезда из страны. Для получения более полной картины необходимо использовать данные переписей населения (если они включают соответствующие вопросы), различные специальные исследования и косвенные данные.

В частности, ценные данные по размерам миграции из Польши в страны Западной Европы дает анализ переписи населения, проведенной в 2011 г. в Великобритании. Согласно данным, полученным в ходе переписи, мигранты из Польши и Литвы составили более 60 % общего притока мигрантов из стран Центральной и Восточной Европы — членов Евросоюза.

Общее число проживающих в Англии и Уэльсе поляков, у которых родным языком является польский, по данным переписи, составило 572 тыс. человек, или примерно 1 % к англоговорящим жителям Англии и Уэльса (в день проведения переписи 27 марта 2011 г. население Англии и Уэльса составило 56 075 912 человек). Польский стал вторым после английского языком в Англии. В период после переписи 2001 г. численность поляков выросла почти в 10 раз (с 58 тыс. человек) [6]. По данным Государственного управления статистики Польши, за пределами этой страны в конце 2011 г. находилось 2,6 млн граж-

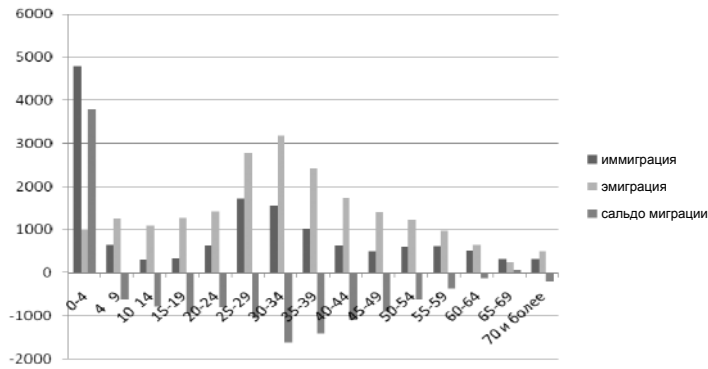

Рис. 2. Международная миграция населения Польши по возрасту

Источник: [18, с. 473].

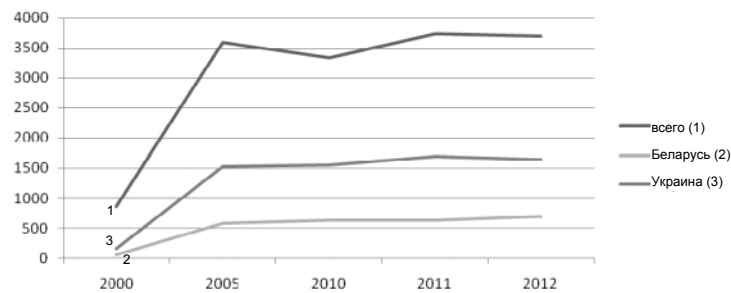

Рис. 3. Иностранцы, получившие разрешение на жительство или временное пребывание в Польше

Источник: [18, с. 485].

Рис. 4. Структура иностранцев по стране происхождения, получивших разрешение на работу в Польше (2011 г.)

Источник: [18, с. 488].

дан, что на 60 тыс. больше, чем в 2010 г. Из них в Европе пребывали свыше 1750 тыс. эмигрантов из Польши (в 2010 г. — примерно 1685 тыс.); из этого числа подавляющее большинство — примерно 1670 тыс. — в странах Евросоюза, что на 63 тыс. больше по сравнению с 2010 г. Больше всего поляков находилось в Великобритании (625 тыс.), Германии (470 тыс.), Ирландии (120 тыс.), а также Нидерландах (95 тыс.) [1].

Аналогичные общеевропейским процессы неизбежно будут происходить по мере углубления интеграции в рамках такого интеграционного образования, как ЕЭП. Между вошедшими в ЕЭП Россией, Казахстаном и Беларусью также ликвидируются административные ограничения во взаимной миграции населения. Кроме того, на постсоветском пространстве сложилась Евразийская миграционная система, в которой сформировался мощный

центр притяжения рабочей силы, сосредоточившийся сначала в России, а затем распространившийся и на Казахстан.

Согласно данным официальной статистики, внешняя миграция Республики Беларусь имеет устойчивое положительное сальдо и должна была частично компенсировать естественную убыль населения. Величина миграционного прироста населения, согласно официальным данным, снизилась с 12,2 тыс. человек в 2009 г. до 9,3 тыс. человек в 2012 г. [13, с. 106] и вновь возросла до 9,4 тыс. человек за девять месяцев 2013 г. [10]. Наиболее тесные миграционные связи Беларусь, согласно официальной статистике, имеет со странами СНГ, в первую очередь с Россией, на которую приходится около половины общего количества прибывших в 2012 г. (8560 человек) и около 40 % выбывших (5493 человек) [13, с. 104–105].

Положительное сальдо внешней миграции, по данным Белстата, в 2012 г. Беларусь имела с такими странами, как Россия, Украина, Туркменистан и Казахстан. Сальдо миграции с Польшей также, по мнению Национального статистического комитета, было положительное и составило за последние пять лет 717 человек [13, с. 106].

Но официальные данные по эмиграции белорусов охватывают только незначительную их часть. Сравнение справочников — польского [18] и белорусских [12; 13] — наглядно показывают неполноту учета международной миграции населения. Так, по белорусским данным, в 2012 г. из Беларуси выбыли 162 человека [13, с. 105], а в Польшу, по данным этой страны, прибыли на постоянное место жительства 231 человек [18, с. 472]. С 2005 по 2012 г., по данным Белстата из Беларуси выбыл 831 человек [12, с. 98; 13, с. 105], а, по польским данным, за это же время только право на жительство в Польше получили в 3 раза больше белорусов — 2389 [18, с. 491].

Значительные объемы миграции наблюдаются при временной трудовой миграции, оформленной официальными договорами.

В Республике Беларусь контроль за этим процессом возложен на Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел. По данным Департамента, официальное сальдо внешней трудовой миграции Республики Беларусь также было положительным и составляло 2912 человека в 2011 г. [15] и 2247 человек в 2012 г. [16]. В 2013 г. интенсивность миграции, по этим же данным, резко возросла и сальдо временных мигрантов составило за девять месяцев 2013 г. 7272 человека [17]. Большинство мигрантов (56,6 %) приезжает в Минск, где ощущается наибольший дефицит трудовых ресурсов, особенно рабочих специальностей. Более 90 % из них составляют мужчины [16].

В 2012 г. Департаментом по гражданству и миграции в Беларуси зарегистрированы трудящиеся-мигранты их 77 стран мира. Значительную часть иммигрантов составляли граждане Украины (32,5 %) и Китая (14,3 %) [16]. Граждане России среди них не учитывались, так как они не должны получать разрешения на пребывание и работу в нашей стране.

Что касается влияния миграции на трудовой потенциал страны, то она может как повышать, так и понижать его. Все зависит от структуры мигрантов по уровню образования и квалификации. Данные Департамента по гражданству и миграции позволяют оценить вклад законной трудовой миграции в трудовой потенциал Беларуси. Как видно из табл. 3, высококвалифицированных специалистов страна получает за счет временной миграции из развитых стран Евросоюза, а также Грузии и Армении, однако их величина и удельный вес невелики.

Самую неквалифицированную рабочую силу поставляют в страну Вьетнам, Таджикистан и Украина. Поскольку объемы миграции именно из этих стран велики, то в целом такая трудовая миграция способствует снижению трудового потенциала Республики Беларусь.

География выезда граждан Беларуси и лиц, постоянно проживающих на ее территории, за границу по официально оформленным трудо-

Таблица 3

Численность трудящихся-мигрантов, въехавших в Республику Беларусь в 2012 г.

	Всего, чел.	В том числе руководители, квалифицированные работники и специалисты, %
Всего	8781	34,3
В том числе из:		
Украины	2854	15,6
Китая	1257	41,0
Узбекистана	646	17,6
Грузии	257	49,8
Армении	202	31,7
Вьетнама	153	0
Польши	119	69,7
Таджикистана	102	3,9
Италии	49	73,5

Источник: [16].

вым договорам невелика и включает 13 стран. Почти 90 % мигрантов по официальным договорам выезжают в Россию, на втором месте — США, на третьем — Германия [16]. Однако большинство трудовых мигрантов выезжают за рубеж без оформления официального трудового договора; их точное общее количество определить не представляется возможным.

Некоторое представление о величине и направлении внешней миграции трудовых ресурсов Беларуси может дать анализ числа принятых и уволенных работников в экономике в целом и в разрезе отдельных отраслей. С начала 2011 по середину 2013 г. в большинстве отраслей количество уволенных работников существенно превышало число принятых. В строительстве занятость сократилась более чем на 50 тыс. человек, в промышленности — на 31,8 тыс. человек, на транспорте — на 10,5 тыс. человек [5]. Очевидно, значительная часть покинувших рабочие места в нашей стране нашла их на предприятиях других стран и, в первую очередь, в России. Это подтверждают и данные других источников. Так, хотя по данным МВД, в 2012 г. официально на работу из Беларуси в Россию выехали лишь 4,1 тыс. человек [16], по сообщению Чрезвычайного и Полномочного Посла Беларуси в России А. Кобякова, сделанному им на пресс-конференции в Москве 17 мая 2012 г., только на территории России «проживало 800 тыс. граждан Беларуси, которые были равномерно распределены по территории» [11].

Аналогично расхождение в оценке трудовой миграции и с другими странами. Если, по официальным сообщениям МВД, из Беларуси в Польшу в 2011 г. выехали 224 человека, а в 2012 г. 341 человек [15; 16], то, по данным польской статистики, уже в 2011 г. в стране только более 12 месяцев находились 1047 граждан Беларуси каждый четвертый из которых имел высшее образование [18, s. 472, 498]. Таким образом, очевидно, что реальные размеры миграции трудовых ресурсов из Беларуси превышают официальные.

Особым видом являются студенческие миграции населения. Привлечение студентов в страну, обеспечение им льготных режимов в предоставлении вида на жительство и гражданства позволяет достичь сразу несколько целей:

- увеличить экспорт образовательных услуг;
- рационально использовать потенциал учреждений образования;
- в случае если выпускники остаются в стране обучения, привлечь в страну высококвалифицированные, адаптированные к ее действительности кадры.

В 2012 г. в ВУЗах Беларуси обучались 13 тыс. иностранных студентов из 88 стран, но при этом $\frac{3}{4}$ из них приходилось на три страны: Туркмению (48,5 %), Китай (17 %) и Россию (8,3 %). Экспорт образовательных услуг

Беларуси составил более чем скромную цифру — около 20 млн дол. США [14]. Обратный выезд белорусов на обучение в других странах белорусской статистикой не фиксируется. Оценить их общее количество можно на основе данных отдельных принимающих стран. Так, на основе польской статистики в этой стране в 2012/2013 учебном году обучались 3388 белорусских студентов [18, s. 487]. Не меньшее количество белорусов обучается и в Литве, а также в других странах Евросоюза.

Отъезд из нашей страны части наиболее конкурентоспособных на мировом рынке труда человеческих ресурсов наносит серьезный урон социально-экономическому развитию страны сразу по нескольким направлениям. С одной стороны, экономика страны в целом и отдельные ее предприятия потеряли большое количество высококвалифицированных работников и того общественного продукта, который они могли бы создать. Если количество граждан Беларуси, работающих вне страны, близко к 1 млн человек, а объем производимой в год на одного работника продукции принять равным около 30 тыс. дол. США, то общие потери за счет недопроизведенного в стране продукта Беларуси можно оценить огромной цифрой — 30 млрд дол. США в год.

С другой стороны, и образование, и квалификацию уехавшие получили в Беларуси, в том числе на средства государственного бюджета. Соответственно средства, затраченные на подготовку трудовых ресурсов для других государств, также являются прямым экономическим ущербом для нашей страны. Кроме того, отъезд мигрантов в репродуктивном возрасте негативно влияет на рождаемость и естественный прирост (убыль) всего населения. Таким образом, эмиграция в большинстве случаев приводит к снижению трудового потенциала Беларуси.

Нельзя согласиться с отдельными исследователями, утверждающими, что миграционный отток человеческих ресурсов из Беларуси имеет и ряд положительных последствий. Иногда к таким последствиям относят снижение безработицы в стране, но чаще главным плюсом эмиграции называют поступающие от мигрантов обратно в страну трансферты. В отдельных странах размер этих трансфертов велик, достигая половины и более доходов от внешнеэкономической деятельности. Однако недополученная по причине неиспользования трудовых ресурсов в Беларуси добавленная стоимость и совокупные затраты на образовательную и профессиональную подготовку, на наш взгляд, намного превышают размеры трансфертов от трудовых мигрантов.

Отрицательные последствия утечки человеческих ресурсов подтверждает и опыт некоторых стран, например Молдовы. Если страну покидают наиболее активные, квалифицированные трудовые ресурсы, а основными источ-

никами существования остающегося населения становится подсобное хозяйство и поступающие извне трансферты, страна теряет перспективы развития и может угодить в «ловушку бедности». Выйти из такого состояния в будущем будет очень сложно, если вообще возможно.

Внешняя миграция человеческих ресурсов Республики Беларусь на протяжении длительного периода, как мы уже отмечали, характеризуется превышением эмиграции над иммиграцией. Конечно, за этот период имела место и иммиграция человеческих ресурсов в Республику Беларусь. Но наша страна, в отличие от более развитых в экономическом отношении, не в состоянии обеспечить отбор и привлечение наиболее квалифицированных работников. Основными аргументами для иммигрантов в Беларусь становились преимущественно не более высокий уровень жизни и доходов, а безопасность, стабильность, развитость социальной инфраструктуры. Что касается более высокого уровня доходов, то он мог быть обеспечен только для выходцев из наименее развитых в экономическом отношении стран. Результат привлечения таких мигрантов негативно отражается на экономическом и социальном развитии страны и ее трудовом потенциале.

Привлечение в страну мигрантов с целью занятия рабочих мест, которые не пользуются спросом у местного населения, в том числе на маргинальном секторе рынка труда, где оплата труда ниже уровня воспроизводства рабочей силы в стране, не является экономически эффективным. Сама возможность привлечения работников на эти места не требует от нанимателя необходимости модернизации производства, снижения затрат живого труда и замещения его трудом овеществленным. Происходит развитие страны не по интенсивному, а по экстенсивному пути.

Поскольку выработка и производительность труда в этом секторе рынка труда минимальна, массовое увеличение численности занятых в нем за счет мигрантов не увеличивает, а уменьшает показатель ВВП на душу населения. А именно этот показатель наиболее точно характеризует уровень экономического развития страны. Таким образом, планы массового привлечения в страну неквалифицированных мигрантов, используемых на непрестижных работах в сельском хозяйстве, строительстве, отдельных профессиях в промышленности, будут не повышать, а снижать общий уровень развития страны и жизни ее населения. Вообще, на наш взгляд, привлечение в отдельные сферы, отрасли и на предприятия внешних мигрантов должно носить характер не только управляемой и возвратной, но и количественно ограниченной миграции.

Таким образом, проведенный анализ показал, что:

1) в настоящее время в Беларуси отсутствует четкая, научно обоснованная миграционная политика. Учет внешней миграции человеческих ресурсов Беларуси имеет существенные недостатки, поскольку не позволяет полностью учесть эмиграцию. Это приводит к искажению результатов миграции, недооценке влияния миграционных процессов на показатели численности и структуры населения, трудоресурсный потенциал страны;

2) анализ данных Республики Польши свидетельствует о росте миграций, вызванных экономическими причинами на фоне интеграционных процессов в Евросоюзе. Внешняя миграция населения в данном интеграционном образовании на современном этапе направлена преимущественно из стран с более низким уровнем экономического развития в более развитые страны;

3) вхождение Республики Беларусь в ЕЭП уже приводит и неминуемо приведет к еще большему росту миграционного обмена человеческими ресурсами, в первую очередь с Россией. Этому будет способствовать разница в уровне экономического развития и заработной платы, активная миграционная политика России;

4) отъезд из нашей страны части наиболее конкурентоспособных на мировом рынке труда человеческих ресурсов уже наносит и может нанести еще больший урон социально-экономическому развитию страны;

5) компенсация эмиграции собственных человеческих ресурсов привлечением их в Беларусь из менее развитых стран не является продуктивной. Массовая иммиграция неквалифицированных человеческих ресурсов не способствует повышению трудового потенциала страны, консервирует технологическую отсталость, уменьшает показатель ВВП на душу населения.

Для устранения отмеченных выше проблем, выработки и совершенствования миграционной политики Беларуси в национальных интересах, по нашему мнению, целесообразно:

1) для уточнения данных по размерам и направлению внешней миграции населения использовать предложенную нами методику сопоставления статистических показателей стран, с которыми происходит миграционный обмен, при учете мигрантов по стране их прибытия;

2) для рационализации государственного управления процессами внутренней и внешней трудовой миграции выделить миграционную службу в отдельную структуру, подчиненную не какому-то отдельному министерству (Министерству труда, как это было ранее, или Министерству внутренних дел, как в настоящее время), а, например, Совету Министров (как в ряде других стран). При этом службу необходимо укомплектовать специалистами различного профиля (демографами, экономиста-

ми, юристами, психологами и др.). Эта структура должна стать научным, методическим и практическим центром осуществления миграционной политики в стране;

3) осуществлять мониторинг и прогнозирование потребности Республики Беларусь в трудовых ресурсах в разрезе отдельных профессий и территорий как в настоящем, так и в средне- и долгосрочной перспективе для обоснования привлечения трудовых мигрантов извне на постоянной и временной основе. В любом случае количество данных мигрантов должно быть ограничено. Главным источником обеспечения персоналом предприятий страны должно стать экономное и эффективное использование собственных человеческих ресурсов;

4) осознать угрозу сокращения численности трудовых ресурсов Беларуси из-за эмиграции. Для минимизации ее влияния на экономику необходимо осуществлять модернизацию производства и создавать преференции предприятиям, сокращающим численность занятых при росте объемов производства за счет производительности труда, т. е. внедряющим трудосберегающие технологии;

5) разработать мероприятия по повышению территориальной и отраслевой мобильности трудовых ресурсов. Этому может способствовать ослабление зависимости поисков рабочего места от наличия собственного жилья в том или ином населенном пункте путем расширения системы аренды жилья. Одновременно необходимо организовать агитационно-пропагандистскую деятельность среди населения по проблемам трудовой мобильности. Граждане страны должны понимать, что изменчивость современного мира, высокий динамизм процессов рыночной экономики будет вынуждать их неоднократно менять место работы и жительства, а возможно и профессии;

6) главной задачей в области внешней миграции в Республике Беларусь является не мас-

совое привлечение неквалифицированных внешних мигрантов, а снижение миграции собственных, наиболее активных, креативных и квалифицированных человеческих ресурсов;

7) для управления процессом привлечения ограниченных человеческих ресурсов извне наладить контакты и заключить межправительственные соглашения со странами — потенциальными донорами трудовых мигрантов;

8) разработать и внедрить программу социально-психологической адаптации привлекаемых трудовых мигрантов. В рамках этой программы необходимо создать сеть адаптационных центров, курирующих и помогающих вновь прибывшим мигрантам в изучении языка, культуры, традиций страны пребывания, получении работы, жилья, оказания им материальной помощи на начальных этапах адаптации. Подобный опыт в нашей стране уже существует, но не для трудовых мигрантов, а для беженцев;

9) заключить межправительственные соглашения со странами-реципиентами, в первую очередь с Российской Федерацией, для защиты прав проживающих и работающих в них наших граждан. Значительная часть белорусов работает в России без заключения официальных трудовых соглашений с работодателями, а следовательно, не обеспечивается даже минимальным социальным пакетом. Такие работники не платят взносы в пенсионный фонд и, следовательно, возвратившись с заработков домой, становятся социально незащищенными;

10) решение данных проблем инициировать и на наднациональном уровне органов и институтов ЕЭП.

Реализация предложенных мероприятий поможет выработать и проводить на практике четкую осознанную, базирующуюся на научной основе миграционную политику Беларуси, будет способствовать ускорению ее социально-экономического развития.

Литература

1. В ЕС выросло число трудовых мигрантов из Польши; лидирует Великобритания [Электронный ресурс] // Newsbalt: информационно-аналитический портал Балтийского региона. — Режим доступа: <<http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=6070>>. — Дата доступа: 04.02.2013.
2. Загорец, В. С. Демографический переход: понятие, этапы и социально-экономическое значение / В. С. Загорец // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2013. — № 1. — С. 71—80.
3. Загорец, В. С. Международная миграция как фактор формирования трудовых ресурсов Республики Беларусь / В. С. Загорец // Проблемы управления. — 2011. — № 3. — С. 78—83.
4. Загорец, В. С. Особенности миграционной политики Республики Беларусь на современном этапе / В. С. Загорец, И. В. Загорец // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2010. — № 4. — С. 81—85.
5. Занятость населения и безработица [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/employment1.php>>. — Дата доступа: 10.01.2012; 10.01.2013; 20.10.2013.
6. Миграция в Великобританию: перепись населения выявила рекордный рост потока поляков и литовцев [Электронный ресурс] // REGNUM: информационное агентство. — Режим доступа: <<http://www.regnum.ru/news/polit/1620447.html>>. — Дата доступа: 04.02.2013.
7. Мониторинг предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь: аналит. обозрение. Январь—декабрь 2012 г. [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.nbrb.by/publications/EnterpriseMonitoring/?f=83>>. — Дата доступа: 07.02.2013.
8. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011—2015 годы [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=P31100357>. — Дата доступа: 07.11.2013.

9. О внешней трудовой миграции: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2010 г. № 225-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&po=h11000225&pr2=%7BNRPA%7D>>. — Дата доступа: 07.11.2013.
10. О демографической ситуации в январе—октябре 2013 г. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/demographics.php>. — Дата доступа: 28.11.2013.
11. Пивовар, Э. На территории России проживают 800 тыс. граждан Беларуси / Э. Пивовар [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/society/Na-territorii-Rossii-prozhivajut-800-tys-grazhdan-Belarusi_i_597744.html>. — Дата доступа: 30.08.2013.
12. Республика Беларусь: стат. ежегодник, 2011. — Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2011. — 634 с.
13. Республика Беларусь: стат. ежегодник, 2013. — Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2013. — 578 с.
14. Система образования Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://edu.gov.by/main.aspx?guid=18201>>. — Дата доступа: 10.11.2013.
15. Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов за 2011 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=174603>>. — Дата доступа: 25.11.2013.
16. Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов за 2012 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=174673>>. — Дата доступа: 25.11.2013.
17. Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов за 9 месяцев 2013 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=174683>>. — Дата доступа: 25.11.2013.
18. Rocznic Demograficzny: Demographic Yearbook of Poland 2013 [Electronic resource] // Główny Urząd Statystyczny: portal informacyjny. — Mode of access: <http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/sy_demographic_yearbook_2013.pdf>. — Date of access: 15.11.2013.
19. World Development Indicators 2012. — Washington: The World Bank, 2012. — 458 p.

«Миграция человеческих ресурсов как фактор социально-экономического развития страны» (Владимир Загорец, Ирина Загорец)

В статье анализируются процессы внешней миграции человеческих ресурсов Республики Беларусь и их влияние на социально-экономическое развитие страны. Рассмотрено влияние интеграционных процессов и создания различных интеграционных образований на интенсификацию миграции человеческих ресурсов.

Оценен вклад внешней миграции населения в формирование трудоресурсного потенциала страны. Предложен ряд мер по совершенствованию миграционной политики страны в национальных интересах.

«Human Resources Migration as the Factor of Social and Economic Development of the Country» (Vladimir Zaharets, Irina Zaharets)

The authors analyze the processes of the human resources external migration of the Republic of Belarus and their impact on the social and economic development of the country. The impact of integration processes as well as of creation of various integration structures on the intensification of human resources migration is considered.

The contribution of external migration of the population to formation of the labour potential of the country is assessed. A number of measures for improvement of the country's migration policy in the national interests are proposed.

Статья поступила в редакцию в декабре 2013 г.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ДОКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД (1945—1997 гг.)

О Док Хи

Внешнеэкономическая политика — это система мероприятий, направленных на достижение экономикой данной страны определенных преимуществ на мировом рынке и одновременно на защиту внутреннего рынка от конкуренции иностранных товаров, это важнейшее звено внешней, внутренней и экономической политики государства.

Актуальность выбранной темы обусловлена примером бурного экономического развития Республики Корея, благодаря внедрению эволюционной внешнеэкономической политики. Однако внешнеэкономическая политика Республики Корея практически не исследовались в белорусской экономической науке. Изучению этого вопроса в основном посвящены материалы российских ученых (И. А. Коргуна [7], С. С. Суслина [12]), также русскоязычных авторов из Республики Корея (Гил Кюн Сук [1], Лим Вунхук [8]).

Основную источниковую базу статьи составляют материалы корейских ученых, которые изучали направление внешнеэкономической политики Республики Корея: Джен Челханг [2], Ким Жундонг [3], Ким Инхо [4], Ким Кауюн [5], Ким Квансок [6], Но Хенгнам [9], Пак Зингун [10], Ча Донгсе [13], Чой Юнсу [14], Чой Янгун [15].

Согласно исследованиям И. А. Коргуна [7] и Пак Зингун [10], эволюция концепции внешнеэкономической политики Республики Корея началась после формирования капиталистического уклада хозяйства на основе международной помощи, которая и содействовала развитию национальной экономики импортозамещения после освобождения страны от колониального господства Японии.

По исследованиям Гил Кюн Сук [1], Ким Инхо [4], Лим Вунхук [5], С. С. Суслиной [12] концепция внешнеэкономической политики Республики Корея заключается в применении правительством собственной модели экономического развития, основанной на стратегии стимулирования экспортоориентации посредством роста отраслей тяжелой и химической промышленности.

Чой Юнсу [14], Чой Янгун [15], С. С. Суслина [12] подчеркивали, что правительство Республики Корея успешно действовало в сфере внедрения иностранного капитала и технологий, а также использовало концепцию прямых иностранных инвестиций (Гил Кюн Сук [1], Ким Жундонг [3], Но Хенгнам [9]).

Таким образом, есть все основания считать, что менее чем за полвека Республика Корея совершила беспрецедентный прорыв от одной из самых отсталых аграрных стран до высших орбит мировой экономики. По этой причине опыт эффективности тех или иных мер по активизации инновационной деятельности Республики Корея может быть полезен странам, разрабатывающим в современных условиях собственную национальную стратегию индустриализации, для быстрого развития в течение короткого периода времени.

Основы экономического успеха Республики Корея были сформированы за счет реализации эффективной программы по обеспечению форсированного экономического роста с выраженной ориентацией на внешние рынки, принятой правительством страны в 1961 г. Данная программа не только позволила корейскому правительству осуществить переход страны в разряд новых индустриальных государств, но и дала возможность в исторически короткие сроки преодолеть социально-экономическую отсталость и достичь уровня развитого капитализма. Одним из главных условий этого процесса было проведение эффективного государственного регулирования.

Главной целью, стоящей сегодня перед развивающимися странами, является достижение передового уровня экономического развития и вхождение в круг высокоразвитых государств. Для осуществления этой цели необходимо определить национальную стратегию экономического развития, реализация которой позволит обеспечить устойчивый экономический рост. В связи с этим целью данной статьи является исследование истории развития Республики Корея, добившейся высоких темпов экономического роста в короткий промежуток времени.

Автор:

О Док Хи — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Баканов Андрей Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Курадовец Аркадий Иосифович — кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета

В экономическом плане до середины XX в. Республика Корея представляла собой одну из самых неразвитых стран в мире. Это было аграрное государство, в котором еще только начинал зарождаться капиталистический уклад хозяйства. Только в 1945 г. Республика Корея была освобождена от колониального господства Японии. Вскоре после этого произошло фактическое разделение страны на северную и южную части. А после Корейской войны 1950—1953 гг. фундамент экономики страны был практически полностью разрушен. Однако, начиная примерно с 1960-х гг., менее чем за 40 лет Республика Корея совершила беспрецедентный прорыв, пройдя путь от одной из самых отсталых стран до страны с высоким уровнем мировой экономики. Государство стало одним из мировых лидеров в области автомобильной, судостроительной, сталелитейной, нефтехимической промышленности, производства бытовой техники и электроники, а также в сфере информационных технологий. Уникальность подобного опыта экономического развития заключается в том, что в предельно сжатые сроки в Республике Корея были созданы практически все базовые отрасли обрабатывающей промышленности. Главным фактором, обеспечившим ускоренное развитие, была решающая роль самого государства во всех сферах экономики. В кратчайшие сроки Республика Корея подошла к рубежу, позволившему ей двигаться по пути индустриально развитого государства. Именно поэтому сегодня многие развивающиеся страны проявляют огромный интерес к опыту ее экономического развития. Эволюция концепции внешнеэкономической политики страны заключается в следующих положениях.

Во-первых, капиталистический уклад хозяйства складывался на основе международной помощи, которая содействовала формированию очень важного для развития национальной экономики импортозамещения. Первая программа поддержки Республики Корея, принадлежащая американской военной администрации, под названием «Управление и оказание помощи на оккупированных территориях» возникла еще в период Корейской войны. С 1953 г. финансовые средства для правительства Республики Корея предоставлялись и по линии Управления международного сотрудничества (*International Cooperation Administration (ICA)*). Помимо того, существовал специальный Комитет ООН по восстановлению Республики Корея, который проработал с 1950 по 1955 г. В общей сложности в течение 17 лет (1945—1961 гг.) страна получила от правительства Соединенных Штатов Америки около 31 млрд дол. США (12 % от ВВП) [10, с. 62, 70].

Первоначально экономическая помощь была ориентирована на социальные нужды: медикаменты, продовольствие, топливо, а так-

же товары, необходимые для восстановления инфраструктуры и промышленности после войны. Выделенные средства направлялись на решение краткосрочных задач, например на борьбу с голодом и эпидемиями. Однако уже с 1953 г. на первое место вышла проблема восстановления национального хозяйства, поэтому основу экономической поддержки составляли продовольствие, сырье, удобрения и полуфабрикаты для обеспечения работы, в первую очередь, импортозамещающих отраслей легкой промышленности. Доля привозного сырья в пищевой, текстильной и химической отраслях достигала 80—90 %. Начиная с 1960-х гг., международная поддержка Республики Корея была направлена на развитие и других отраслей промышленности. В связи с этим предоставлявшаяся США экономическая помощь может быть разделена на четыре самостоятельные категории: конструктивная, неконструктивная, техническая и продовольственные поставки (помощь США для экономического восстановления после войны Республике Корея предоставлялась в соответствии с Законом о развитии торговли сельскохозяйственной продукцией и об оказании помощи с 1956 по 1969 г.). Стоит отметить, что с 1960 г. в Республику Корея также начала поступать помощь в виде льготных кредитов на развитие экономики.

Конструктивная помощь подразумевала капиталовложения в отдельные отрасли экономики. Главным объектом инвестирования выступало транспортное сообщение: восстановление и строительство дорог, мостов, железнодорожных путей и обустройство портов. Неконструктивная помощь заключалась в поставках потребительских товаров, промышленного сырья и минеральных удобрений. Большая часть средств, предназначенных для технической помощи, уходила на нужды сферы образования. Однако эта часть была незначительна по сравнению с другими категориями экономической помощи [7, с. 28—29].

В период с 1945 по 1971 г. общая сумма международной экономической помощи Республике Корея составила 44 млрд дол. США (70 % от общих сумм доходов страны и 8 % от ВВП [13, с. 77]). Из них около 50 % (22 млрд дол. США) поступило в так называемый период замещения импорта (1953—1961 гг.). Замещение импорта предполагает замену товаров обрабатывающей промышленности, получаемых из-за рубежа, продукцией отечественного производства в целях укрепления позиций собственного промышленного комплекса. Обычно данная стратегия развития экономики реализуется в два этапа. Первый из них — этап легкого замещения, когда активно развиваются несложные производства легкой промышленности, выпускающие необходимые потребительские товары недлительного пользования: текстиль, обувь, пищевые добавки, про-

довольствие и медицинские препараты. После войны удовлетворить внутренний спрос на продукты питания, медикаменты и одежду было особенно необходимо. Второй этап представляет собой замещение импорта в промежуточных секторах, а также производстве потребительских товаров длительного пользования и товаров для производства самих изделий [11].

Согласно плану, в 1950-е и в начале 1960-х гг. Республика Корея проходила этап развития легкой промышленности. Правительство уделяло основное внимание текстильной, химической и пищевой отраслям, вследствие чего они производили более 70 % продукции в стране. В каждой из этих отраслей было выделено несколько производств, в которые, по решению правительства, направлялась большая часть международной помощи. Например, в пищевой промышленности такими отраслями были обработка сахара и помол муки, в текстильной — производство хлопчатобумажных тканей, в химической — выпуск резины, которая использовалась для изготовления одежды. В период с 1953 по 1961 г. в экономике Республики Корея доминировали «три белых производства»: мукомольное, сахарочистительное и хлопкопрядильное. Основным сырьем для этих производств были зерно, сахар и хлопок, поставившиеся из США [5, с. 16—17]. Таким образом, в экономике Республики Корея, благодаря международной помощи, постепенно зарождался капиталистический уклад, формируя тем самым национальную экономику.

Во-вторых, в Республике Корея применялась собственная модель экономического развития, основанная на стратегии стимулирования экспорториентации посредством роста отраслей тяжелой и химической промышленности. В первой половине 1960-х гг. страна пережила переход от концепции замещения импорта к концепции экспортной ориентации. По определению, ориентированная на экспорт экономика представляет собой модель, в которой политика правительства направлена на наращивание объемов экспорта. Последнее осуществляется за счет использования ряда стимулов и имеет целью создание стабильного источника поступлений иностранной валюты для улучшения состояния платежного баланса страны. Причина смены концепции развития экономики Республики Корея заключалась в следующем: с одной стороны, внутренний рынок был уже насыщен собственной продукцией легкой промышленности, с другой — капиталоемкое строительство предприятий тяжелой промышленности предполагало наличие финансовых ресурсов. Правительство страны задействовало стратегии экспортной ориентации еще и потому, что имелись такие преимущества, как избыток дешевой рабочей силы и производственная мощь отраслей

легкой промышленности. Новая экономическая стратегия Республики Корея, выбранная по рекомендациям Всемирного банка и США, доказала свою целесообразность. В этой связи необходимо отметить, что при наличии в стране конкурентоспособных преимуществ в трудоемком секторе промышленности ориентация на экспорт способна увеличить благосостояние людей. Количество лиц с начальным и средним образованием в Республике Корея было более чем достаточным: равным тому, которое зафиксировано в странах с доходом на душу населения, превышающим ее показатели в 3 раза. Дешевую и высококвалифицированную рабочую силу можно было использовать в целях получения прибыли от инвестированных средств при условии доступа к иностранному капиталу и технологиям, чтобы покрыть нехватку собственных ресурсов и максимально использовать свои преимущества для развития национальной экономики [8, с. 34—39].

Республика Корея поздно вступила на путь индустриализации, поэтому не могла быть свободной от вмешательства государства в экономику. Для указанного периода характерны масштабное государственное регулирование, валютный контроль, защита внутреннего рынка от конкурирующего импорта и преференциальное кредитование. Именно правительство создавало условия для интенсификации производства, обеспечивая тем самым осуществление структурных сдвигов в национальном хозяйстве. Государство также выполняло функцию организации, финансирования и контроля развития экономики.

Экспорт продукции отраслей легкой промышленности создавал основу для последующего вовлечения в этот процесс капиталоемких и высокотехнологичных производств. В 1973 г. на государственном уровне была принята программа по развитию шести стратегических отраслей тяжелой и химической индустрии: сталелитейной, автомобиле- и судостроительной, электронной, нефтехимической, черной и цветной металлургии. В конце 1970-х гг. продукция тяжелой и химической промышленности начала занимать все большую долю в общем объеме экспорта страны, а в 1980-х гг. стали заметны положительные результаты выбранной стратегии в этой отрасли. Корейские компании начали прочно входить в число лидеров по поставке стали, судов, нефтехимических товаров на мировом рынке. Вместе с тем, в 1980-е гг. страна начала постепенно осваивать экспорт автомобилей и электроники по следующей схеме: налаживание производства в конкретной выбранной отрасли, где издержки невелики, и по мере освоения выпуска продукции расширение ассортимента. Например, в автомобилестроении сначала был организован выпуск малолитражных автомобилей, затем автомобилей со средним и большим объемом двигателя [4, с. 16—17].

Таким образом, Республика Корея в 1960-е гг. превратилась в страну с развивающимся типом экономики. В 1980-е гг. высокоразвитыми стали отрасли тяжелой и химической промышленности. В результате политики индустриализации национальная экономика Республики Корея в течение 1970—1980-х гг. обрела стабильность и уверенность в будущем. В числе основных итогов проведения данной политики: а) стремительное создание индустриально развитого государства: реализация поставленных на уровне правительства целей — достижение к концу 1970-х гг. объемов экспорта, равных 100 млрд дол. США, и уровня ВВП на душу населения, равного 1000 дол. США; б) усовершенствование структуры промышленности: удельный вес тяжелой промышленности в начале 1960-х гг. был ниже 20 %, в начале 1970-х гг. достигал чуть меньше 40 %, а в 1979 г. дошел до 50 %, отняв первенство у отрасли легкой промышленности; в) формирование собственного производства ресурсов: благодаря постепенному переходу на отечественное сырье, стране удалось преодолеть экономическую зависимость от импорта; г) осуществление перехода от трудоемкого к высокотехнологическому емкому производству; д) развитие средних и малых предприятий: для успешного проведения политики индустриализации было необходимо эффективное сотрудничество крупных предприятий, ресурсов которых было недостаточно, со специализированными средними и мелкими предприятиями; е) создание военно-промышленного комплекса: металлургическая, машиностроительная и электронная отрасли производили военное снаряжение и оборудование; ж) глобализация производства: производственная мощь достигла международных масштабов, и корейские предприятия стали бороться за мировое первенство в цене и качестве; з) создание производственных комплексов: концентрация и интенсификация промышленности; и) умножение и улучшение технических кадров: одним из факторов претворения в жизнь политики индустриализации являлось обилие высокообразованных трудовых ресурсов; к) создание системы

научных исследований и разработок. Очевидно, что индустриализация была бы невозможна без внедрения, освоения и широкого применения техники, а также разработки новых технологий. Поэтому в стране утверждались и продвигались программы активной поддержки научно-исследовательской деятельности и, как следствие, формировались различные научно-исследовательские институты. Благодаря всем этим мерам, предпринятым с целью успешного проведения политики индустриализации, Республике Корея удалось заложить фундамент развитого информационного и индустриального государства, а также информационного и технотронного общества (*Hi-Tech*).

В результате грамотной внешнеэкономической политики в Республике Корея менее чем за три десятилетия были сформированы практически все отрасли промышленности, присущие развитой экономике. В развитии капиталоемких производств ориентация на более емкий внешний рынок позволила получить масштабный эффект. Таким образом, концепция замещения импорта и использовавшиеся экономические стратегии оказались достаточно успешными. Итоги применения экспортоориентации и роста тяжелой и химической промышленности в Республике Корея особенно выгодно отличались от результатов проведения политики замещения импорта в Латинской Америке и ряде азиатских стран. За период с 1962 по 1995 г. реальные ВВП и ВВП на душу населения Республики Корея значительно выросли (см. таблицу).

В-третьих, средством развития национальной экономики Республики Корея было внедрение иностранного капитала (международное кредитование) и иностранных технологий. До 1970-х гг. правительство не поощряло иностранные капиталовложения из-за недоверия к такой форме международного участия в национальной экономике и прямые инвестиции не играли существенной роли в развитии страны. К концу 1970-х гг. международная финансовая помощь, направлявшаяся на восстановление экономики Республики Корея, практически прекратилась. Для развития тяжелой и химиче-

Изменение структуры экономики Республики Корея

Показатель	1962	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995
ВВП на душу населения, дол. США	87	105	254	602	1645	2309	6147	11 432
Рост экономики, %	5,9	5,7	8,8	5,9	-1,5	6,8	6,9	8,9
ВВП, млрд дол. США	2	3	8,9	21,5	63,8	96,6	263,7	517,1
Сельское хозяйство и рыболовство, %	36,9	38,7	26,6	24,9	14,7	12,8	9,3	6,3
Обрабатывающая промышленность, %	13,6	17,7	22,5	27,5	29,7	30,3	30,9	28,2
Сфера услуг, %	20,1	22,3	31,4	40,5	46,7	47,3	49,5	51,8

Источники: разработка автора на основе данных Корейского национального статистического управления за 1962—1995 гг. (режим доступа: <<http://www.index.go.kr/egams/index.jsp>>. — Дата доступа: 22.08.2012).

ской промышленности, а также усиления экспортной ориентации правительству пришлось разрабатывать новую концепцию внешнеэкономической политики, которой стало внедрение иностранного капитала. В основном зарубежные ресурсы поступали в форме коммерческих займов, поэтому ссудный капитал использовался в качестве главного средства финансирования индустриализации. Правительство считало, что даже долг является собственностью страны, если правильно инвестируется в промышленный сектор — для производства экспортных товаров. В этот период иностранный ссудный капитал сыграл особенно важную роль, так как, с одной стороны, компенсировал сокращение экономической помощи со стороны США, а с другой — предоставил относительную свободу действий при принятии решений о том, как использовать полученные средства [14, с. 25—28].

Период внедрения иностранного капитала в экономику Республики Корея можно разделить на два этапа. На первом этапе (1962—1972 гг.) был составлен план по внедрению международного кредитования, но до середины 1960-х гг. оно оставалось незначительным. Причины были связаны с неразвитостью механизмов стимулирования притока средств из-за рубежа и с отсутствием у иностранных кредиторов уверенности в устойчивости роста экспорта страны. На втором этапе (1973—1986 гг.) происходило полномасштабное внедрение иностранного капитала в развитие тяжелой и химической промышленности. Активным заимствованиям во многом способствовал избыток финансовых ресурсов на мировых рынках, возникший в результате роста доходов у стран — экспортеров нефти после «нефтяного шока» 1973 г. Ставки по кредитам находились на довольно низком уровне и были равны 7—9 %. Основными кредиторами экономики Республики Корея по-прежнему выступали США и Япония. Американские банки лидировали по объемам вложенных средств до середины 1970-х гг., их доля составляла примерно 80—90 % от всех полученных финансовых ресурсов. Однако к концу 1970-х гг. увеличилась доля японских, а также европейских вкладов, которая в 1978 г. достигла 70 % в структуре долговых обязательств Республики Корея [15, с. 150].

Международные кредиты представляли собой основной источник финансирования импорта сырья, материалов и оборудования для обрабатывающей промышленности. С началом реализации программы развития тяжелой и химической промышленности инвестиционные ресурсы направлялись преимущественно в шесть ее стратегических отраслей: машино- и судостроение, черная и цветная металлургия, химическая, сталелитейная и электронная промышленность. В 1970-е гг. именно доступность иностранных ресурсов стала важным фактором реализации программы разви-

тия тяжелой и химической промышленности, где они обеспечивали 46,6 % всех финансовых нужд. Существенная часть заимствованных средств уходила на оплату импорта энергоресурсов. Рост суммы долга в начале 1980-х гг. во многом был спровоцирован увеличившимися ценами на нефть: в 1981 г. расходы на ее импорт занимали 30 % от экспорта и 10 % ВВП [12, с. 68, 87].

Существовала и негативная сторона привлечения в больших количествах ссудного капитала. Сумма внешней задолженности страны выросла в геометрической прогрессии: к середине 1980-х гг. ее отношение к ВВП достигло 52,1 %, а к концу 1970-х гг. Республика Корея вошла в тройку крупнейших должников среди развивающихся стран мира — после Бразилии и Мексики.

Несмотря на такие побочные эффекты, международное кредитование способствовало выходу страны на качественно новый уровень развития, так как позволило не только создать базовую индустрию в сфере экономики, но и развить структуру промышленности. Можно сформулировать следующие положительные результаты внедрения иностранного капитала: а) содействие экономическому росту и увеличение занятости: особенно высокие темпы экономического роста были зафиксированы в 1986 г. — 12,9 %, в 1987 г. — 13,0 и в 1988 г. — 12,4 %. Благодаря стратегии внедрения иностранного капитала, были значительно задействованы человеческие ресурсы и, следовательно, увеличена занятость населения страны; б) внедрение иностранных технологий: за короткий период времени Республики Корея, пережив так называемый «волновой» эффект, значительно усовершенствовала методы развития; в) введение современных методов управления: были доведены до мирового стандарта схемы регулирования частного сектора, а также способы бухгалтерского учета [6, с. 123, 147].

Вместе с тем, нельзя не отметить и отрицательные последствия внедрения иностранного капитала в экономику Республики Корея: 1) утечка национальных доходов за рубеж; 2) усиление внешней зависимости промышленности страны. Устойчивый экономический рост базируется на постоянном умножении национальных сбережений. Правительство Республики Корея больше полагалось на иностранный капитал, в итоге его значительное увеличение стало оказывать большее влияние на индустрию; 3) увеличение дисбаланса промышленных секторов. Как правило, иностранный капитал инвестируется в отрасль с самыми высокими темпами роста и эффективностью. Соответственно в Республике Корея финансировались отрасли тяжелой и химической индустрии, поэтому в экономике возникла ситуация несбалансированности в промышленности; 4) коррупция и злоупотребление иностранным капиталом в частном секторе.

Еще одним из важнейших условий проведения индустриализации и развития экономики страны было внедрение иностранных технологий и обмен технологиями. При этом технологии не просто заимствовались: происходило их накопление и создавалась база для начала собственной инновационной деятельности. Можно выделить четыре способа заимствования иностранных технологий в Республике Корея. **Первый способ** ориентирован на создание собственной базы технологий и заключается в закупке правительством иностранных лицензированных методик. Спрос на технологии значительно вырос вследствие экономической политики по развитию отраслей тяжелой и химической промышленности, а также электроники. Приток основных лицензированных методик в экономику Республики Корея происходил преимущественно посредством взаимодействия с американскими и японскими компаниями. Особенно активные притоки наблюдались в 1970—1980 гг., когда на них приходилось свыше 50 % всех закупок, поступавших в страну. В этот период большая часть контрактов была направлена на развитие нефтехимической, химической, машиностроительной и электронной отраслей промышленности. **Второй способ** заимствования технологий был связан с заключением договора субподряда с производителем оригинального оборудования (*Original Equipment Manufacturing (OEM)*). Предприятиям развитых стран свойственно заказывать изготовление изделий у компаний развивающихся стран для сокращения расходов на производство. В результате предприятия-исполнители могут использовать иностранные технологии без выплат за лицензии. Такой способ заимствования методов активнее всего используется Республикой Корея в ряде отраслей легкой и бытовой технической промышленности. **Третий способ** основан на прямых иностранных инвестициях и носит название «проект под ключ» (*Turnkey projects*), так как продается в качестве готовой схемы. Такой способ заимствования технологий широко используется в тяжелой и машиностроительной промышленности и обычно обеспечивает комплектацию материалов и труд субподрядчиков. Данный способ также широко используется для внедрения иностранных технологий в полупроводниковой, автомобильной и судостроительной индустрии. При таком способе заимствования технологий Республика Корея сразу приобретала полный производственный цикл и могла эффективно внедрять его в отрасль. **Четвертый способ** — это открытие научно-исследовательских центров за границей для совместного сотрудничества и изучения спроса потребителей. Крупнейшие центры начали открывать в США, Японии и Европе филиалы, которые являются основными рынками потребления их продукции. Правительство Республики Корея поощряло по-

добные начинания частного бизнеса с помощью различных стимулов с целью накопления передовых технологий [2, с. 50, 61].

В-четвертых, для решения проблемы нехватки внутренних финансовых ресурсов и высоких технологий правительство Республики Корея использовало концепцию прямых иностранных инвестиций (ПИИ). До экономического кризиса 1997 г. основная цель привлечения ПИИ заключалась в повышении стабильного притока средств, увеличении занятости населения страны, а также накоплении высококачественных методов развития экономики. В отличие от краткосрочного внешнего долга ПИИ являются более надежным финансовым средством: период преодоления экономического кризиса обычно долгосрочен, поэтому именно на основе ПИИ экономика способна продолжать рост за счет увеличения конкурентоспособности. В докризисный период отношение к ПИИ как источнику финансирования было отрицательным, поэтому правительство опиралось на него в значительно меньшей мере, чем в других азиатских странах, усиливая контроль за предприятиями с иностранным капиталом. Вплоть до середины 1980-х гг. проводилась политика ограничения и строгого регулирования притока ПИИ, однако возможности полностью отказаться от иностранных компаний не было. Причина заключалась в необходимости сформировать полный набор отраслей промышленности в рекордно сжатые сроки при отсутствии собственных технологий и капитала [1, с. 85—90].

Основными инвесторами в экономику Республики Корея на протяжении 1962—1997 гг. выступали американские и японские корпорации, на которые приходилось примерно 80 % всех поступавших средств. Однако между американскими и японскими инвесторами существовали определенные различия в интересах. Американские компании отдавали предпочтение созданию крупномасштабных капиталоемких производств, в то время как японские ориентировались на создание мелких и средних предприятий в трудоемких отраслях. Это во многом предопределило доминирование американских фирм в нефтепереработке и химической отрасли, а японских — в текстильной промышленности и производстве бытовой техники, т. е. отраслях, где конкурентные преимущества достигались за счет высококвалифицированной и одновременно дешевой рабочей силы Республики Корея.

В целом внедрение внешнеэкономической стратегии ПИИ дало экономике Республики Корея положительный результат, заключающийся в: а) стимулировании экономического роста; б) расширении объема экспорта и улучшении международного торгового баланса; в) создании рабочих мест; г) увеличении притока передовых технологий.

Вместе с тем, в экономике Республики Корея имеются некоторые проблемы, связанные с ПИИ. Во-первых, это чрезмерное истечение капитала за границу. После определенного периода времени количество инвестиционного дохода экономики Республики Корея стало выше, чем сумма притока капитала. Кроме того, некоторые транснациональные корпорации уклонялись от уплаты налогов и утаивали реальную прибыль. Во-вторых, отмечалось увеличение числа враждебных слияний и поглощений с заграничными компаниями. По мере увеличения капитала ПИИ появлялось все больше иностранных инвесторов, ориентированных на захват высокоэффективных корейских фирм. В-третьих, доля предприятий с иностранными инвестициями доминировала на внутреннем рынке, имея финансовые и технические преимущества. Это означало появление побочных эффектов в таких отраслях промышленности, как химическая и фармацевтическая [3, с. 43–50].

В-пятых, для обеспечения сырьевыми ресурсами и расширения мирового рынка правительство Республики Корея стимулировало свои предприятия инвестировать за рубеж. После второго нефтяного кризиса в 1978 г. с целью противодействия негативным тенденциям во внешней торговле правительство Республики Корея потребовало эффективнее использовать инвестиционные ресурсы — осваивать зарубежные рынки. Благодаря поддержке государства, сформировались позитивные тенденции в инвестиционной активности корейских компаний за рубежом, особенно крупных компаний, которые вкладывали средства в горную промышленность и лесное хозяйство для получения сырья. Ведь главная проблема развития национальной экономики Республики Корея заключалась в нехватке природных ресурсов. Объектами инвестирования для корейских компаний стали развивающиеся страны с их мощными источниками сырья и полезных ископаемых.

В начале 1990-х гг. инвестиционная деятельность корейских компаний за рубежом резко выросла и в целях расширения рынков сбыта. В конце 1980-х гг. возросли международные торговые барьеры: каждая страна жестко контролировала импортные товары для защиты внутреннего рынка. В целях уклонения от таможенных пошлин и укрепления стратегии экспортной ориентации правительство поддерживало зарубежные инвестиции корейских компаний. Можно выделить конкретные типы мотивации: а) поставка сырья и разработка природных ресурсов; б) приобретение производственной базы и использование дешевой рабочей силы; в) доступ и расширение местного рынка; г) избежание торговых барьеров и тарифов; д) получение доступа к передовым технологиям.

Особенно крупным шагом в развитии инвестиционной деятельности корейских компаний за рубежом и расширении рынков сбыта стал принятый правительством Закон о помощи компаниям, осуществляющим инвестиции за границу. Закон предусматривал следующие льготы корейским компаниям: а) снижение налога ввиду двойного налогообложения; б) льготы на внутренние налоги, уплаченные за границей, т. е. правительство Республики Корея гарантировало снижение внутренних подоходных налогов для корейских инвесторов за рубежом после полной уплаты налогов за границей; в) налоговые льготы для корпораций, инвестирующих в разработку и добычу сырьевых ресурсов за границей. Государственная поддержка по экономическому стимулированию деловой заграничной активности корейских компаний дополнялась мерами административного принуждения и охватывала практически все сферы хозяйственной деятельности в стране. Взаимодействие с правительством и стратегии, используемые ведущими корейскими компаниями, обеспечили рост экспортной ориентации, в том числе и за счет прямых инвестиций в зарубежные проекты и производства. Более высокая эффективность системы стимулирования экспорта достигалась за счет того, что быстрое изменение приоритетов экономического развития неизбежно влекло за собой оперативную модификацию стимулов для расширения мирового рынка посредством увеличения зарубежных инвестиций [9, с. 3–6].

Таким образом, на протяжении трех десятилетий экспортоориентированная экономическая модель Республики Корея формировалась в условиях интенсивного вмешательства государства, а также не только больших объемов иностранных инвестиций, и иностранных займов. Несмотря на то, что перечисленные условия имели и ряд негативных последствий, в целом национальная экономика приобрела высокие темпы экономического роста, осуществила стремительную перестройку структуры производства, увеличила количество экспорта, а также повысила уровень жизни населения. Поскольку Республика Корея успешно эволюционировала из аграрной страны в индустриально развитую, ее опыт сегодня представляется интересным для развивающихся стран, которые осуществляют всестороннюю системную модернизацию экономики на основе имеющихся знаний. Опыт эффективности тех или иных мер по активизации инновационной деятельности Республики Корея также может быть полезен странам, разрабатывающим в современных условиях собственную национальную стратегию индустриализации для быстрого развития в течение короткого периода времени.

Литература

1. Гил Кюн Сук. Эволюция внешнеэкономической стратегии развития Республики Корея / Гил Кюн Сук; БГУ. — Минск: БГУ, 2009. — 140 с.
2. Джен Челханг. Экономика Кореи: оценки экспортоориентированного развития и политики прямой иностранной инвестиции / Джен Челханг. — Сеул: Чангзакчхулпана, 1993. — 120 с. (на кор. яз.).
3. Ким Жундонг. Экономический эффект прямых иностранных инвестиций / Ким Жундонг // Журн. «Кор. ин-т междунар. экон. политики». — 2009. — № 9. — С. 43 — 50. (на кор. яз.).
4. Ким Инхо. Экономическая политика 1970-х гг. / Ким Инхо. — Сеул: Кор. ин-т развития, 2010. — 86 с. (на кор. яз.).
5. Ким Каюнг. Внешнеэкономическая политика Республики Корея в XX в. / Ким Каюнг. — Сеул: Донггек, 2009. — 198 с. (на кор. яз.).
6. Ким Квансок. Достижение и задача стратегии экспортной ориентации индустриализации / Ким Квансок. — Сеул: Ханкуккэбалвон, 1981. — 340 с. (на кор. яз.).
7. Коргун, И. А. Роль внешнеэкономических связей в развитии Республики Корея / И. А. Коргун. — СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2009. — 198 с.
8. Лим Вунхук. Возникновение и эволюция корейской экономической системы / Лим Вунхук // Журн. «Кор. ин-т развития». — 2000. — Ноябрь. — С. 34—39.
9. Но Хенгнам. Исследование стратегии прямых инвестиций в Латинской Америке / Но Хенгнам // Журн. «Кор. ун-т». — 2000. — № 11. — С. 3—6 (на кор. яз.).
10. Пак Зингун. Исследование режима основной экономической политики правительств Республики Корея / Пак Зингун. — Сеул: Ин-т полит. исследований, 2009. — 520 с. (на кор. яз.).
11. Суслина, С. С. Государственное регулирование экономики: опыт Республики Корея / С. С. Суслина [Электронный ресурс] // Территориальное управление: государственное, региональное, муниципальное. — Режим доступа: <http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/7_4_03.htm>. — Дата доступа: 29.10.2012.
12. Суслина, С. С. Трансформация экономической модели Республики Корея в условиях глобализации и регионализации мирового рынка / С. С. Суслина. — М.: Рос. акад. наук, 2002. — 432 с.
13. Ча, Донгсе. Полвека корейской экономики: сб. материалов о стратегии политики / Ча Донгсе. — Сеул: Кор. ин-т развития, 1995. — 130 с. (на кор. яз.).
14. Чой Юнсу. Исследование стратегии экономики Республики Корея в XX в. / Чой Юнсу // Самсунг ин-т экон. исследований. — 2007. — № 10 — С. 25—28 (на кор. яз.).
15. Чой Янгун. Исследование корейской экономики в 1970—1980-х гг. / Чой Янгун. — Сеул: Пакюнса, 2009. — 390 с.

«Эволюция концепции внешнеэкономической политики Республики Корея в докризисный период (1945—1997 гг.)» (О Док Хи)

Капиталистический уклад хозяйства Республики Корея складывался на основе международной помощи, которая и содействовала формированию очень важного для развития национальной экономики импортозамещения. В Республике Корея применялась собственная модель экономического развития, основанная на стратегии стимулирования экспортоориентации посредством роста отраслей тяжелой и химической промышленности. Средством развития национальной экономики Республики Корея было внедрение иностранного капитала (международное кредитование) и иностранных технологий. Для решения проблемы нехватки внутренних финансовых ресурсов и высоких технологий правительство Республики Корея использовало концепцию прямых иностранных инвестиций, а для обеспечения сырьевыми ресурсами и расширения мирового рынка стимулировало свои предприятия инвестировать за рубежом.

Республика Корея успешно осуществила переход от аграрной к индустриально развитой стране, и поэтому опыт бурного роста и развития ее экономики может представлять интерес для развивающихся стран, осуществляющих всестороннюю системную модернизацию экономики.

«The Evolution of the Foreign Economic Policy Concept of the Republic of Korea before the Crisis (1945—1997)» (O Dok Hee)

The capitalist form of the economy of the Republic of Korea was shaped on the basis of international assistance, which contributed greatly to the development of import substitution which is very important for the national economy. The Republic of Korea applied its own model of economic development based on the strategy of export orientation stimulation through the growth of heavy and chemical industries. Foreign capital (international credit) as well as foreign technologies were the means of the national economy development of the Republic of Korea. In order to resolve the problems of insufficiency of domestic financial resources and high technologies the government of the Republic of Korea used the concept of direct foreign investment. And to provide natural resources and to expand the world market the government of Republic of Korea stimulated their enterprises to invest abroad.

The Republic of Korea has carried out a successful transition from an agrarian country to an industrially developed one, and therefore the rapid growth and development of its economy might be interesting for developing countries implementing comprehensive systemic modernization of economy on the basis of existing knowledge.

Статья поступила в редакцию в октябре 2013 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации (глава 5)**. При оформлении списка литературы автор должен пользоваться **Приложением 2** к упомянутой **Инструкции**;

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2013 № 4 (67) октябрь—декабрь

Подписано в печать 27.12.2013. Выход в свет в декабре 2013 г.

Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,63. Тираж 300 экз. Заказ № 129.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «НиктаграфиксПлюс».

ЛП № 02330/0494134 от 03.04.2009.

220030, г. Минск, ул. Краснозвездная, 5/1Н-5, тел.: +375 17 286 32 18